

ИНГА КОНДРАТЬЕВА
ДЕВЯТАЯ
КВАРТИРА
В АНТРЕСОЛЯХ

*книга
вторая*

12+

Инга Кондратьева

Девятая квартира в антресолях II

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Кондратьева И. Л.

Девятая квартира в антресолях II / И. Л. Кондратьева — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Лето 1896 принесло разлад и тревогу в домашний уклад отца и дочери — Андрея Григорьевича и Лизы Полетаевых. Сумеет ли Лиза преодолеть свою душевную боль, и как это отразится на ее отношениях с подругами по Институту благородных девиц — княжной Ниной Чиатурия и Лидой Олениной? Удастся ли ее отцу восстановить прежнее благополучие? Какие авантюры ожидают брата и сестру Горбатовых, и что предстоит другим героям этой истории — талантливому архитектору Льву Борцову и семейству заводчика Саввы Мимозова? Их амбиции и стремления — как творческие, деловые, так и личностные, человеческие — все крепче связывают своими интересами два города — Нижний Новгород и Москву.

© Кондратьева И. Л., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Девятая квартира в антресолях (книга вторая)	5
«...И вдохновенья новый вдох!»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Девятая квартира в антресолях (книга вторая)

«...И вдохновенья новый вдох!»

Лиза открыла глаза и сразу все вспомнила. Сегодня какие-то мысли отошли на второй план, а то, что вчера затмевалось самым происходящим, стало выползать на поверхность. Так, например, стыд и страхи стали тускнеть – вот дом, вот за стеной все они, сама Лиза жива и невредима, что с того. А вот его она больше никогда видеть не сможет. Никогда! Никогда больше не будет того радостного предвосхищения, которое предшествовало всем их встречам – и оговоренным, и случайным. Да-да! Случайные свидания она тоже предвидела – еще спроне, в те дни сердце билось по-иному. Откуда она могла знать? Неведомо.

И ее самой, такой, какой она в то утро выходила из дома, уже никогда не будет! Нет, и не будет уже той легкости, радости бытия и ожидания того, что же станет с ней дальше? Через час. Завтра. При новой встрече. И не будет захватывать дух, когда он наклоняется к ней и его челка касается ее щеки. И не будет...

Ничего больше не будет. Никогда. А зачем тогда жить? Зачем ей эти руки, тело, голова, которая со вчерашнего дня потеряла все свои способности к пониманию? Что было правдой? Чему верить? Его губам, его словам о невозможности жить без нее? Их бешеной скачке под венец? Или сказанному там, на аллее, где прошло все ее детство, и там же, в одну секунду, кончилось навсегда? Или словам, написанным на бездушном листе бумаги, который до сих пор зажат у нее в ладони?

Ничему. Ничему из этого верить не получается! Никому и никогда не сможет она больше поверить! А зачем тогда жить? Читать с папой газеты, ходить на уроки музыки, поливать клумбу? Зачем? Ах, если б можно было выключить все эти мысли простым усилием воли. Чтобы не было ничего. Совсем ничего!

К ней в комнату несколько раз заглядывала няня и, кажется, один раз кто-то другой. Лиза лежала лицом к стене и ни на что не отвечала. Ей нет до них никакого дела. Ничего больше никогда не будет. Оставили бы ее все в покое!

Егоровна вышла из флигеля на крыльцо.

– Павлуша, подь сюда, – она то ли проснулась ни свет, ни заря, то ли совсем не ложилась и сейчас высматривала во дворе Павла, встававшего как все деревенские жители с птицами. – Сегодня воскресенье. Так я с барышней своей всегда в церкву хожу, а тут вроде приболела она. Ну, ты ж знаешь? Проводи ты меня.

Доктор ушел только под утро, боясь оставить больного одного. Андрей Григорьевич лежал теперь у себя в забытии, но сердце стало биться ровно и спокойно. Наталья Гавриловна не отходила от него ни на минуту. Тут Егоровна и позвала привезенного той парнишку и, надеясь по дороге выяснить у него какие-нибудь подробности вчерашнего дня, дала ему в руки два бидона да повела за собой к Похвалинскому съезду.

– Мы, Павлуша, у монастыря-то в овражке святой водички наберем, а ты мне донесешь. Поможешь?

– Сделаем, хозяйка!

– Какая я тебе «хозяйка», зови няней.

Вернувшись от Благовещенского, Егоровна отнесла по кувшину воды в комнаты отца и дочери. Пусть умоются, все легче стать должно! Что еще она может для них сделать, она не

знала. Наталья Гавриловна стала протирать лицо Андрея Григорьевича влажным полотенцем сразу, и тот даже пришел в себя.

– Наташа, ты не уехала? – слабым голосом прошептал Полетаев. – Как она?

– Так же, Андрюша. Лежи, не вставай.

– Это ж я, – глаза его увлажнились. – Это ж я, дурень старый, ее на то толкнул!

– Да, прекрати. Просто дети не умеют рассчитывать свои силы. Она дома. Жива. Ничего ж страшного не случилось, – сама себе не особо веря, уговаривала его Наталья.

– Ты не понимаешь! – слезы уже текли по щекам, теряясь в седой шевелюре, и смотреть на это зрелище было невыносимо. – Где ж были мои мозги! Душа где? Мне ж сразу на второй день после выпуска надо было везти ее туда! Она ж по матери тоскует! Надо было хоть на могилку свозить. Я не отец! Я пень бездушный. Так мне. Поделом. Девочка моя! Не уберег...

– Андрей, прекрати! – прикрикнула на него Наталья. – Ничего не ясно, мы сами себе придумали с три короба. Только она сама может знать, что и как.

– Ты же видишь – молчит. Моя приветливая, радостная девочка второй день молчит. Топиться! Нет! Ей точно кто-то всю душу изранил, я же вижу. И мне жить незачем, коли так! – и он стал задыхаться, а Наталья бросилась к склянкам, что оставил врач.

Когда Егоровна зашла со святой водой, Лиза так и не обернулась. После всех расспросов деревенского гостя ничего особо страшного или утаенного не выплыло, но всяк получалось, что несколько часов дитячко было либо без просмотра вовсе, либо с чужими людьми. И что там могло стать? В доме теперь было двое больных, считай, людей. Мужики поели у себя во флигеле, к обеду в доме никто не вышел. У Егоровны опускались руки. Готовить что-то на ужин? Зачем? И вот что-то надумав, она ушла к себе, явилась через четверть часа в коридор и постучала в дверь благодетеля. Выглянула Наталья.

– Ты что задумала? В полицию никак собралась? – спросила Наталья Гавриловна, увидев непривычно одетую Наталью Егоровну.

У той это действительно был единственный костюм для посещения мест присутственных, и сейчас она облачилась именно в него.

– Нет, Наташ, но пока не скажу куда. Если получится – сама увидишь. Если что надо, распорядись тут по-хозяйски, а вот Кузьму я заберу. Ты ж их все равно не оставишь? Если лекарство какое, или доктора – своего парня за дворником пошли, он в соседнем доме проживает, там все знают. Ну, с Богом!

Вызвав Кузьму, она спросила:

– Помнишь, к Лизоньке подружка-княжна приезжала? Черненькая такая? Ты еще ее домой отвозил? – Кузьма кивнул. – Запрягай, Иваныч. Гони туда!

Дом князей Чиатурия являл нынче зрелище по-прежнему богатого, но уже опустошенного жилища. Хотя слуги и оставались в нем еще на пару дней, но основные вещи были проданы или уложены, а хозяева отбывали сегодня. Княгиня запретила скатывать дорожку с парадной лестницы до их отъезда, но все равно «разоренное» состояние интерьеров было заметно – не было ваз, картин, статуэток, канделябров и всех тех мелочей, которые и создают уют и атмосферу дома. Егоровна подъехала аккуратно к тому моменту, когда уже были поданы кареты для хозяев и багажа. Она зашла в богатый подъезд и растерялась от дворцового величия вестибюля. Тут же возник лакей в ливрее.

– Как прикажете доложить? – спросил он с тем самым наклоном лица, которое за поклон никак принять было нельзя и что точно соответствовало статусу посетительницы. – Только сегодня не приемный день. Не изволите ли зайти в другой раз?

– Ну, какой другой раз, голубчик? – со вздохом спросила его Егоровна. – Ведь уезжают же, вижу. Скажи, хоть застать успела? Мне бы барышню повидать. До ее отъезда. Это очень важно!

– Позвольте сходить узнать? – если лакей и был удивлен, то виду не показал, настолько был вышколен. – Извольте все-таки сообщить – о ком доложить?

– Значит тут еще! Ну, ты ничего не докладывай. Я подожду.

– Как будет угодно. Только. Не положено, – он не уходил.

Тут из своих апартаментов вышли князь и княгиня. Они замерли наверху огромной лестницы, а лакей стал быстро подниматься и, дойдя до середины, доложил:

– Княжну изволят спрашивать.

Мать Нины только мельком прошлась взглядом по фигуре Егоровны и вопросительно посмотрела на мужа. На счастье, из дверей напротив, тут же вышла и Нина с небольшим саквояжем в руках.

– Дочь, это к тебе, – по-русски сказал князь и кивнул на вход. Нина опустила взгляд и заметила Егоровну, но не сразу признала в такой одежде. Она сначала тоже вопросительно, совсем как мать, посмотрела на князя Георгия, он слегка кивнул ей, и Нина стала спускаться – сначала медленно, а когда поняла, кто стоит внизу, то полетела, стремительно перебирая ножками.

– Что-то с Лизой? – стараясь сохранять и спокойный тон, и достоинство, спросила она, но видно было, что дается ей это с трудом. А Егоровна впервые за эти двое суток заплакала.

– Она жива? – настойчиво переспросила княжна.

– Ниночка! Княжна милая! Поедем к ней. Только на Вас одна надежда. Жива, жива. Да нехорошо с ней. Помогите, за Бога ради!

– Егоровна! Милая! Да что нехорошо-то? – Нина сама уже чуть не плакала. Ее родители так и стояли на верхней площадке парадной лестницы, слушая разговор издали. Отец что-то тихо шептал на ухо княгине, дважды уже остановив ее в порыве вмешаться.

– Не знаю! Знала бы – было б легче. Молчит. Лежит и молчит, – Егоровна, совсем забыв про платок, утерла слезы ладонью. Княжна протянула ей свой, а ее мать наверху снова сделала попытку спуститься, и князь снова удержал ее.

– Нино, нам пора! – отрезала княгиня.

– Егоровна. Мы же уезжаем сегодня, – расстроено сказала Нина. – Поезд через полтора часа. Разве мы обернемся?

Княгиня начала спускаться, муж последовал за нею, догнал и подал руку.

– Так вот оно как, – Егоровна на глазах становилась как будто меньше, она поклонилась спускающейся паре – Простите. Не смею я вас просить, простите. Последняя надежда у меня была.

Родители Нины к этому моменту дошли уже до нижних ступенек, мать лишь поворотом головы обозначила свое внимание посетительнице, прошла мимо и, сделав три шага, стала ждать, не оборачиваясь. Князь отпустил ее локоть и, обернувшись, спросил:

– Мне кто-нибудь из вас может доступно объяснить, что происходит?

– Папа, с Лизой что-то случилось. Это ее няня, она просит у меня помощи, – ответила дочь, а Егоровна в это время утиралась ее платком.

– В чем должна заключаться твоя помощь?

– Егоровна, что нужно сделать?

– Я думала, если бы Вы поехали к нам, барышня, может Вам она хоть что-то рассказала. Я знаю, как близки вы с нашей Лизой. Мне кажется, она сейчас никому вокруг не верит. Я боюсь за нее.

– Папа? – пронзительно воскликнула Нина.

Тот обернулся к супруге и стал говорить ей что-то тихо на ухо, приобняв и отвернувшись к выходу.

– Этери, сули чеми. Ар гецкинос, сакварело. Друзья – что может быть главнее в жизни, когда ты нужен им? «Возьму твою боль», так говорит истинный грузин. Я сделаю, как считаю нужным. Прости, дорогая! – и уже во весь голос закричал куда-то наверх: – Ламара где? Найдите срочно. Нина, усади гостью, придется подождать некоторое время.

Пришла горничная княгини, хозяин спросил ее:

– Ламара, можете прямо сейчас собраться? Быстро? Только необходимое в дороге, все остальное упакуют и отправят с пароходом, – та присела в книксене. – Поторопитесь, милая. Поедете с госпожой первым классом.

– Георгий! – не выдержала княгиня. – Это невысказано. Что ты хочешь делать?

– Этери, солнце мое! Мы с Ниной остаемся. Поедем позже.

– Когда позже? – с ужасом смотрела на них Этери Луарсабовна. – А как же я? Каким образом позже?

– Дорогая! У вас два купе. Езжайте спокойно. А мы либо возьмем билеты на завтра, либо отправимся вместе со слугами и багажом – на пароходе.

– В каюте горничной? Вторым классом?!

– Я думаю, что две каюты в первом – это не будет проблемой, дорогая.

– Тогда я тоже остаюсь. Вместе, так вместе.

– Это не совсем удобно, любимая. Князь Амирани будет встречать поезд. Конечно, можно телеграфировать, но разве все объяснишь в нескольких словах? Поезжай. Дождитесь нас вместе. Все, решено, едем!

Князь Георгий наотрез отказался входить в дом Полетаевых.

– Иди, дочь. Ты там нужна, я – нет. Ты выйдешь – я буду ждать здесь. Через час выйдешь – буду ждать. Через два. Через три – буду ждать. Когда выйдешь – я здесь. Иди!

Егоровна ждала рядом, на мостовой, ни на секунду не спуская с княжны молящих глаз, опасаясь, что ее отец в любой момент может передумать. Нина, легко спорхнув с сидения коляски, оказалась рядом с ней.

– Чего вы боитесь больше всего? – спросила Нина Егоровну за тот короткий промежуток, пока они были вдвоем, переходя улицу и двор. – Что все-таки произошло? Что известно?

– Ох, девонька, – вздохнула няня. – Ее вчера нашли, в вечеру, за городом. Внешне невредимую. Около нашей усадьбы. Где и с кем была днем – неизвестно. Точно не сказать было или нет – те, кто нашел, застали, когда только входила в воду, но есть подозрения, что хотела топиться. Отец ее узнал – слег. Он изведет себя за неделю, я его знаю! Не могу я потерять сразу их обоих. Ниночка! Они – моя семья. Помогите. А она молчит. Никого к себе не подпускает. Доктора не пустила. Нам не отвечает. Запиралась вчера...

– Я правильно поняла, что вы опасаетесь, не было ли насилия над ней?

– Ох! – только и запричитала, кивнув, Егоровна. – Негоже про такое с девицами-то, да нет мамки-то у нее. Никого, ближе тебя нет у нее, подружка дорогая.

– Она называла какие-нибудь имена?

– Нет. Вроде с богомольцами какими туда добиралась, а кто такие? – покачала головой няня и вдруг вспомнила: – Письмо! Письмо ей вчера перед домом всунули. Это после него она как неживая стала. Наташа говорит, что по дороге и рыдала, и горела вся в лихорадке, но была живая. А тут – как окаменела.

– А Наташа – это...?

– А вот, познакомьтесь! – они как раз входили в прихожую. – Наталья Гавриловна, старинная знакомая Лизиного отца, да и моя тоже. Княжна Нина – подружка Лизы.

Нина увидела перед собой приятную женщину. Ты была старше ее матери, но взгляд был ясный, молодой и только очень тревожный теперь. Она поняла, что та Лизе тоже друг и обратилась к обеим женщинам сразу:

– Я прошу вас, если вы мне доверяете, то не надо слушать, о чем мы станем говорить с Лизой. Уйдите подальше, чтобы мы могли чувствовать себя свободно, а то, боюсь, разговора с Лизой может не получиться. Обещаю потом рассказать все возможное. Но сразу говорю, что доверие подруги для меня на первом месте. Простите, если что не так.

– Так, так, Ниночка! – Егоровна была согласна на все. – А как же благодетеля слушать? Вдруг позовет?

– Андрей только уснул, я дала ему сердечных капель, – ответила Наталья Гавриловна. – Пойдем к тебе на кухню, Наташа? Княжна, отнесете ей попить? У нее со вчера во рту розинки не было.

– Полетаева, я принесла Вам молока. Вставайте! – дважды стукнув в дверь и не дожидаясь ответа, Нина прошла в комнату, быстро оценила обстановку и, поставив поднос со стаканом молока на стол, села в кресло, прямо на кучу наваленного белья.

Скорее от неожиданности, Лиза развернулась к ней и села на кровати. А уж встретившись глазами, отворачиваться было глупо. По крайней мере – странно. И Лиза заговорила.

– Нина! Ты как здесь? И почему на «вы»?

– Ну, так-то лучше, дружочек. Здравствуй, моя Лиза.

– Я не понимаю, – Лизино сознание сейчас действительно пропускало к себе все происходящее, как сквозь туман. – Ты попрощаться?

– Я здесь, потому что у тебя... – Нина запнулась. – А я не знаю, что у тебя. Беда? Горе? За мной прилетела твоя Егоровна и я здесь. Ты же мне друг, Лиза?

– Ах, я не хочу сейчас говорить об этом, тем более, так пафосно, Нина. Спасибо тебе, но не стоило, – и Лиза снова легла, уткнувшись щекой в подушку, но все-таки лицом к комнате. – Ничего не нужно.

– Раз я уже здесь, могу я узнать – что все-таки с тобой произошло? – Нина была совершенно спокойна и настраивалась на долгий разговор, никуда не собираясь уходить.

– Зачем, Нина? Ничего не имеет смысла, – а Лиза от разговора уже устала.

– Лиза, я уже знаю то, что знают твои близкие. Если я узнаю то, чего они не знают, мы можем вместе с тобой подумать, как помочь – и тебе, и им.

– Помочь? В чем? Я не хочу больше жить, – совершенно спокойно отвечала Лиза. – У меня ничего больше нет, и уже не будет! Я не понимаю, зачем все.

– Даже так? Значит, правильно они за тебя боятся, – задумчиво проговорила Нина, не глядя на подругу. – И чего же у тебя больше нет, Лиза Полетаева? Чести, здоровья, иллюзий?

– Чести? У меня? – Лиза возмутилась и поэтому среагировала неожиданно бурно и села на кровати. – Что ты хочешь сказать, что это я поступила по отношению к кому-то бесчестно? Я? А не со мной?

– Лизонька, – Нина постаралась теперь смягчить свои слова. – Пойми, что у тебя осталось очень многое! Даже если ты сейчас этого не хочешь понять из своей обиды. Ведь тебя обидели, правда? Но у тебя есть жизнь. У тебя есть любовь твоих близких. Разве этого мало, чтобы начать снова?

– Обидели?! – Лиза уже почти кричала. – Ты называешь это «обидели»? Да он разломал, разом разбил всю мою жизнь!

– Он? – Нина прикусила губу, почувствовав страх, который нельзя было показать. – Все-таки был какой-то «он».

Лиза, поняв, что в сердцах сказала лишнего, закрыла лицо руками. А Нина, очень бережно подбирая слова продолжала:

– Лиза. Вот сейчас я хочу, чтобы ты поняла меня очень хорошо и правильно. Для меня, именно для меня, абсолютно ничего не изменилось в тебе, чтобы ни произошло. Ты для меня такая же Лиза, как и была всегда. И ты ни в чем не виновата, я тебя знаю очень хорошо.

– Виновата? Произошло? – Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок, кажется, это был страх. – Ты о чем?

Они молча смотрели друг другу в глаза.

– Может быть, ты сама скажешь это? – наконец заговорила Нина. – Что произошло вчера? Ну, произнеси это уже!

– Он меня бросил! – после долгой паузы сдавленным голосом, срывающимся на шепот, прокричала Лиза, и слезы, без ее ведома, снова прокрались к глазам. – Только и не проси! Кто он, я тебе не скажу.

– Не говори! Ни в коем случае не говори, даже, если я стану настаивать, – ответила Нина.

– Ты все-таки странная, Нина! – от удивления Лиза даже забыла плакать. – Любая другая подружка сделала бы все, чтобы вытянуть у меня его имя. Ты говоришь искренне?

– Абсолютно! – Нина была прямолинейна. – Если я буду знать его имя, мне придется с этим что-то делать. Например, ненавидеть его, потому что он причинил тебе боль.

– Нина, не надо лукавить. Ты, действительно, знаешь меня очень хорошо, и скорей всего догадываешься, кто бы это мог быть.

– Это ничего не значит, дружочек. Я могу подозревать сколько угодно, но пока ты не дашь подтверждений, это ничего не стоит.

– А, не зная, а лишь предполагая, ты не можешь его ненавидеть? – первый раз за время разговора на лице Лизы появилось подобие улыбки.

– Я могу его презирать, – поставила точку Нина.

Лиза посидела еще немного молча, потом вытащила из-под подушки листок бумаги и протянула Нине.

– Прочти. Я разрешаю.

Нина развернула чуть измятое письмо и прочла: «На краю непреодолимой пропасти я прошу Вас простить мне порыв, который унес меня так внезапно. Чтобы Страсть не победила Разум, находиться рядом с Вами более было для меня невыносимо. Во имя всего, что я чувствовал к Вам, и, возможно, Вы чувствовали ко мне молю об одном – никому не называть моего имени и постараться забыть его навсегда. Счастье меж нами невозможно.

Рвётся в небо, ночь встречая,
Крепко сжатая телами,
Птица с синими крылами,
Ран в груди не замечая.

Плотный ряд, подобный стае,
Справа, слева стиснул птицу.
Не упасть, и не разбиться,
Не взлететь, изнемогая.

Растерявши перья, рвётся,
К небу устремляясь взором,
Под недремлющим надзором,
И на месте остаётся.

Замирая, к ветке жмётся,
Провожая взглядом быстрым
Две рубиновые искры,
И вот-вот сама сорвётся.

И, ударившись о землю,
Обретёт иную бытность,
Прославляя беззащитность,
Слову разума не внемля,

Воспаряя в неизвестность,
Разрывая связи с деревом,
Торжествующим напевом
Оглашая всю окрестность.

Переливы, перекаты
Песни укрошенной муки,
В облаках наполнят звуки
Пламенеющим закатом.

Птица с синим опереньем
И пурпуровым отливом
Вечно мечется, пугливо,
Между славой и забвеньем.

Но, сорвётся в упоенье,
Птица, заглушая ропот,
Издававших только клёкот,
Испытавших лишь сомнения.

Прощайте! Вечный странник».

– «Пурпуровые птицы». Боже, что за образы! – презрительно прокомментировала Нина. – Позволь спросить. А что это за «непреодолимая пропасть»?

Лиза снова тихо заплакала.

– Нина, я ничего не понимаю! У меня все в голове перемешалось. Все было хорошо и тут... Последнее, что он мне сказал: «Лиза, да Вы – бесприданница!». Это она, пропасть?

Нина вскочила с кресла и отвернулась к окну, но Лиза, даже по спине, видела в какой она ярости. Чуть успокоившись, но еще сквозь зубы, Нина четко произнесла:

– Полетаева! Иногда лучший способ поступить – это следовать чужим просьбам. Какое презрение? Забвение – вот то, чего он достоин. Действительно – забудь даже имя! Давай теперь думать только о тебе. Какие могут быть последствия?

– Последствия? – снова не поняла ее Лиза. – Моего разбитого сердца тебе мало?

– Лиза, я очень переживаю за тебя, и твои родные тоже, и очень хорошо, что хотя бы не было того, чего они боятся больше всего, насилия. Но что-то было? – и Нина развернулась лицом к подруге.

– Насилия? – Лиза совсем потерялась.

– Лиза. Пурпуровые птицы пали о землю? Изменили сущность?

Лиза непонимающе молчала, лишь хлопая ресницами.

– О, Господи! – Нина вздохнула. – Вы были близки?

– Не знаю, можно ли говорить об этом, – Лиза смутилась, хотя такие подробности из романов еще в Институте обсуждались между старшеклассницами, но крайне редко и только инносказательно, – ну да, мы были очень близко. Он даже... целовал меня, обнимал.

– И это все?

– Все. Хотя был момент. Он попытался меня... ласкать, но...

– Чего ты смеешься? – спросила изумленная Нина.

– Это так стыдно, Ниночка! – Лиза схватила маленькую подушечку и зарылась в нее лицом. – Но тебе скажу. У меня вчера одна резинка от корсета оторвалась, и пришлось пришить другого цвета. – Лиза положила подушку на колени и теперь, водя по ней пальчиком, повторяла узоры на кружевах. – Я так боялась, что кто-нибудь заметит, что не давала дотронуться до своих юбок никому. Ни ему, ни потом Наталье Гавриловне, которая хотела снять с меня мокрое. Я ее, эту резинку, теперь ненавижу!

– Глупая ты моя дурочка! – тоже рассмеялась Нина. – Да ты ее на стенку в рамочку должна повесить. Может быть, это она тебя уберегла. Он ни на чем большем не настаивал?

– Настаивал, – снова потупилась и покрылась румянцем Лиза. – Как раз около усадьбы настаивал, но я сказала, что это невозможно. Что он меня обижает. И еще пришлось ему сказать, что дом заперт и нам уже не принадлежит. Тогда он просто взял и уехал.

– И ты, поэтому пошла топиться?

– Топиться? Кто? Я?! – Лиза узнавала о себе все больше подробностей. – С чего ты взяла?

– Прости, но я поняла так, что местные мужики нашли тебя в реке или у реки?

– Нина! Была такая жара! Я хотела просто умыться. Вы что, с ума сошли?

– Мы с ума сошли? – Нина сделалась вдруг очень жесткой. – Позволь, я теперь не буду тебя щадить? Ты, значит, лежишь тут молча. Ни на чьи вопросы отвечать не желаешь. Упиваешься своими страданиями. А что происходит с другими, тебя не касается? Ладно, моя мама вынуждена была одна отправиться в дальнюю поездку, а князь Чиатурия сидит сейчас как простой извозчик на улице и ждет меня! Да от твоей Егоровны осталась только половина! У этой женщины, Натальи Гавриловны, глаза как у побитой собаки, а твой отец умирает в соседней комнате! И все это из-за твоей неудачной загородной прогулки? Это ты, Лиза Полетаева, сошла с ума.

– Папа! Что с ним?! – Лиза вскочила на ноги и хотела бежать к отцу.

– Стой! – Нина была жестока и настойчива. – Мы не договорили.

– Нина! Не надо так со мной. Я сейчас сгорю со стыда! – и она снова обессиленно села на смятую постель.

– Хорошо, Лизонька. Давай теперь поговорим спокойно, чтобы хуже не наделать, – Нина села к Лизе на кровать, и они обнялись, как бывало раньше в Институте. – Значит, все, что ты мне доверила сейчас – останется между нами. Сам он вряд ли посмеет упомянуть твое имя, раз пишет такое. Давай так? Своих надо щадить. Поэтому ты ехала с богомольцами, как все об этом и думают, просто посмотреть на родные места, соскучилась. Все остальное – как есть. Пошла умываться, тебя не поняли. Про него ни слова.

«У тебя есть тот, кто защитит твою честь, пока я жив!» – вспомнила Лиза слова отца, сказанные всего пару дней назад. «Пока я жив...» Нина такая мудрая, с ней так все сразу понятно. Конечно, нельзя, чтобы отец узнал, ведь тогда он будет вынужден, как говорит та же Нина «что-то с этим делать».

– Господи! – вздохнула Лиза. – Неужели это мы, Нина? Неужели месяц... да, всего месяц назад мы чуть не поссорились из-за того, достойно ли принимать подсказку на экзамене или нет?!

– А теперь я сижу и учу тебя, как утаить правду от родных? – Нина горестно усмехнулась. – Да, Лиза, все меняется так быстро. И мы меняемся.

– Да, и мне даже не верится, что именно ты мне все это говоришь! Ты, Нина! – Лиза смотрела на подругу с удивлением, – Так просто и легко ты приняла бы эти возможные... изменения со мной? Ты?

– Я. Я сейчас стояла тут у твоего окна и думала... – Нина опустила голову. – Нет, прости, не могу произнести вслух. Я тебе потом, в письме напишу, хорошо? Это не о тебе, это обо мне. Помнишь только, тогда, когда я злилась на вас за ту подсказку, ты сказала, что я имею на это право, потому что от себя требую большего? Так вот... – Нина замолчала, не договорив.

– Помню. Ах! Возможно, та подсказка вообще была последней в жизни, – вздохнула Лиза. – Но что, Нина, что? Мы всегда говорим обо мне, а я хоть раз хочу дослушать и тебя. Что ты хотела сказать?

– Да ничего особенного, мой дружочек. Просто, оказалось, у меня нет ответа, как бы я повела себя в подобной ситуации.

– Ниночка, что ты говоришь! – ужаснулась Лиза спокойствию, с каким это было сказано. – Ты что, не можешь убедить родителей, что для тебя это замужество – мука? Неужели они не поймут? Если ты так говоришь, что согласна с первым встречным, лишь бы... Боже, Нина!

– Ты совсем не поняла меня, подружка, – Нина вытерла с лица Лизы остатки слез. – Я ничего не говорила про первого встречного, ты сама придумала. Это все сказки и легенды. Романтика. Ты несправима, моя Лиза! И еще... – Нина вспомнила о чем-то, поняла, что встретит сейчас новую волну сопротивления и, совсем другим, бодрым тоном, заправляя подруге выбившийся локон за ухо, сказала: – Позволь осмотреть тебя врачу.

– Зачем? – отстранилась Лиза. – Это унижительно! Ты что, не веришь мне на слово?

– Верю, Лиза, – Нина прямо смотрела на подругу. – Это, чтобы успокоить твоего отца. Как бы он ни доверял тебе, сомнения будут мучить его, разжигая чувство вины. Помоги ему.

– Нет. Это противно! – вспыхнула Лиза.

– Лизонька, – Нина уговаривала ее как ребенка, – ведь как на это посмотреть. Или ты перетерпишь, и врач придет к тебе всего один только разок, или он станет ходить к твоему отцу, у которого слабое сердце, но уже постоянно.

– Господи! – Лиза снова обняла подругу. – Неужели я действительно такая эгоистка?

– Ты моя самая любимая девочка. Всё? Начинаем жить? – с улыбкой спросила Нина.

– Да! – твердо ответила Лиза. – Ты не представляешь, как я счастлива, что ты у меня есть.

Клим сегодня сопровождал до пристани одного докторишку, что отправлялся в Рыбинск на новое место службы, по okazji сопровождая еще и немалый груз медикаментов и иных принадлежностей. Неволин должен был еще днем отследить погрузку фрахта на товарной пристани, что и было им проделано со всей добросовестностью. Представитель лекарского сословия, отличавшийся ленцой и безалаберностью, как успел заметить Клим за время их делового сотрудничества, назначил быть с докладом перед самым его отплытием. Явившись на пристань пассажирскую, Клим гадал, не за те ли самые качества, эскулап нынче и удостоился смены начальства, и что делать, если он по своей беспечности не явится совсем – куда девать сопроводительные бумаги? Но тот явился, хотя и в явном подпитии, с Климом по договоренности расплатился и на палубу взошел.

Клим решил подождать отхода судна – и вечер уж близился, и особых дел у него не предвиделось, и хотелось удостовериться, что подопечный субъект не отстанет в последний момент от борта, вдруг захотев «добавить» на берегу. Хотя это Клима вовсе уже не касалось. Но день оказался удачным, дело сделанным, а вечер обещал быть теплым. Почему бы не побездельничать в свое удовольствие? Клим сел на одну из чугунных чушек и наблюдал знакомую картину проводов. Отправление задерживали. Зная по документам, кому принадлежит данный пароходик, Неволин теперь вглядывался в пассажиров на верхней палубе, пытаясь разгадать, что

служит причиной задержки. Это можно было позже обсудить за столом у хозяйки, если все закончится курьезно или благополучно, и, наоборот, утаить от нее, чтобы не расстраивать, если что-то пойдет не так. И тут он заметил ее саму.

Теперь уйти нельзя стало из любопытства. Клим никуда не торопился, поэтому просмотрел все сцены спектакля – и препирательства с капитаном, и прибытие небезызвестного гостя, и поспешное: «Отдать швартовы!» после его восхождения на борт. Ситуацию можно было оценить как пикантную, так как путешествие ожидалось с ночными переходами и не в один день. Но так как сплетником, в прямом понимании этого слова, Клим никогда себя не считал, да и не был, положила руку на сердце, то он глубоко задумался. С одной стороны – это, по сути, повод отчитаться перед доверившимся ему Леврецким. С другой – не пойман, не вор. Ну и что, что отплыли на пару? Проверить в одной ли каюте разместились гость и хозяйка возможности нет, а Корней Степанович, видать, тут действительный сердечный интерес имеет, так как бы не напортить раньше времени. Да еще в любой момент мог появиться и второй соискатель – Офиногенов. Но, хотя его-то щадить у Клима не было никаких внутренних позывов, а все ж едино – что знает один, то надо бы знать обоим. А то, что это он, понимаешь, за вершитель судеб получается! Вот задача-то!

Клим дошел до дому, так и не приняв решения. Войдя, он услышал голоса с кухни и был удивлен, так как они не были детскими. Кому бы это оказаться у них в такую пору? Он наскоро разулся в прихожей и пошел на разговор. Сказать, что он был удивлен – мало, потому что у него за столом потчевался чаем никто иной как, только что в мыслях им упоминаемый Леврецкий! Клим смешался. Стал суетливо здороваться, поглядывая то на разморенного гостя, то на Тасечку, что-то еще выкладывающую в тарелки, хотя лакомств было и так в достатке. При ней обсуждать тему Климова соглядатайства было немыслимо, так что это он зря заметался. Посидели, степенно поговорили. Тася была оживленной, как никогда – а то все одна, да одна. Мило провели вечер. Стаська заснула, Глеб подходил к новому гостю со своими поделками, тот не шпынял его, как большинство сторонних взрослых, а обстоятельно вникал в тонкости творений. Все были довольны.

Но Клим ждал момента, когда придется провожать гостя за порог. Тот обстоятельно попрощался с домочадцами, благодарил хозяйку, Климу никаких тайных знаков не подавал. Но ведь приходил же за чем-то?! Ведь сидел – ждал Климова прихода! Клим вышел за гостем на крыльцо и дверку прикрыл за собой.

– Во-ооот.. – протянул он, так и не придумав, что же именно поведать доверителю.

– Вечер-то какой, Климушка! – втянув ноздрями аромат какого-то куста, что пах только по ночам, и блаженно улыбаясь, воскликнул умиротворенный гость. – Что так благоухает божественно рядом с твоим благословенным жилищем?

– Корней Степанович, да ты, никак, тоже в поэты подался? – хихикнул Клим на выпренность фразы. – То каприфоль, скорей всего. Жимолость по-простому.

– Благодарь! – гость смотрел в небеса и ничего о деле не спрашивал. – Ну, прощай, Климушка. Пригрелся я у домашнего очага, душу мне порадовало твое семейство. Позволишь на досуге еще зайти?

– Да, Господи, да за ради Бога, всегда рады! – Клим пожал руку разомлевшему Леврецкому. – Только вот... Прости, друг. По твоему делу...

– Ах, да-да! Что по тому делу? Нет никаких новостей? – как-то даже вяло поинтересовался гость.

– Нет никаких новостей, – эхом отозвался Клим, развел руками и тут же принял решение, что отчитается, когда только на руках у него будет хоть один непререкаемый факт.

Так их конфиденциальные переговоры и ограничились этим вечером ботанической темой.

На палубе собирались обедать. Вернее, компания за капитанским столиком, меняясь в составе, формировалась здесь еще с завтрака, к которому дисциплинированно вышли всего двое – уговоренный вчера в последний момент на путешествие, упоминаемый уже, издатель и пассажир первого класса Модест Карлович Корндорф, барон. Теперь же, ожидая сбора гостей, за легким вином и неспешной беседой, сидели тут ненадолго оставивший на помощника свой пост капитан, великолепно выпавшийся Сергей и сама хозяйка.

Сергей был свеж, доволен и даже как-то жизнерадостно настроен. Вчерашние волнения остались далеко, речная волна делала их малозначимыми, а, даже временами докучливое, внимание Варвары не шло ни в какое сравнение с деспотизмом сестры или тетки. К тому же, оказалось, что, если лекарства запасено вдоволь, то одно знание этого снижает желание подлечиться, потому что потребности как таковой не ощущалось – Сергей сегодня чувствовал себя абсолютно здоровым. Вчера он увлекся пришедшими в голову рифмами, а после незаметно для себя уснул. А с утра он тоже не взял из ящика ни одного порошка – сначала привыкал к особенностям устройства корабельной жизни, умывался, чистился, приводил себя в порядок – не без помощи стюарда. А после гулял по палубе, знакомился с пассажирами и здоровался с редкими знакомыми.

Путешествие, определенно, начинало ему нравиться, и теперь он, надышавшись речным воздухом, сидел расслабленный, умиротворенный и в пол уха слушал болтовню счастливой Варвары. А окрыленная «муза», кажется, не замечала третьего собеседника вовсе, и порывалась рассказать Сергею всю свою судьбу разом. Уже пройдя период младенчества и потери родительницы, нескольких лет пансиона и скуки в отцовском доме, она дошла до периода взросления и определения жизненных склонностей.

– Вы знаете, Сергей Осипович, ведь мое нынешнее сближение с людьми искусства – это потаенная потребность юности. Я сама, мнилось мне, была исполнена стремлениями выразить свой внутренний взгляд на этот мир, средствами артистическими. Но потребностям не хватило возможностей, – она вздохнула. – Музыкальные способности у меня были самые средние, а когда я попробовала слагать нечто поэтическое, то папенька, назвав это «словоблудием», отбил у меня всякую охоту. Тогда я увлеклась рисованием. Просьба отдать меня на обучение живописи, почему-то показалась отцу крайне смешной, и больше мы к этому не возвращались. Я взяла по случаю несколько уроков у соседки по даче, но лето кончилось, не стало и наших занятий. Отец считал все мои порывы вздором, говоря, что это бессмысленная трата денег и времени, а главное для приличной девицы – это удачный брак.

– Но Ваш брак, действительно, был удачным, не так ли? – спросил Сергей, чтобы показать, что он участвует в беседе.

– Можно сказать и так, – задумчиво произнесла Варвара. – Во всяком случае, к тому времени он был для меня почти освобождением.

– Освобождением от чего, простите? – задал вопрос капитан, который слушал рассказ Варвары гораздо более внимательно, чем тот, кому он предназначался.

– От деспотизма отца, дорогой Константин Викторович. Он стал несносен к концу жизни, – по лицу Варвары проскользнула мимолетная гримаса то ли боли, то ли стыда. Видимо, вспомнив что-то нелицеприятное, она заметила вдруг, что раскрывается перед двумя молодыми и, в общем-то, посторонними мужчинами. Она стала тщательней подбирать слова. – Видите ли, он меня обвинял в том, что возраст, считающийся благоприятным для брака, был упущен.

– Позвольте! – капитан был искренен в своих комплиментах. – Да какой возраст! Вы сейчас цветущая молодая дама, а что уж говорить о тех годах?

– Благодарю Вас, но тем не менее. Я устала от ежедневных попреков, хотя, что же я могла, подумайте? Разве от меня что-то зависело? Он сам отгонял от меня поклонников, с

каждым годом их становилось меньше, а папенька все боялся прогадать. Когда он стал подшучивать надо мной при своем давнишнем приятеле, который был вхож в наш дом, сколько я себя помню, то, оставшись с отцом наедине, я, один единственный раз, посмела противиться ему. Попросила не компрометировать меня перед его друзьями. Тогда он накричал на меня, и сказал, что не может быть никакой компрометации перед будущим супругом. И, что другой партии, мне все равно уже не сыскать, что дела у них с Мамочкиным общие, а объединение капиталов упрочит их положение. И, чтоб я вела себя с тем проще. Через полгода состоялось венчание.

– И Вы из одной клетки попали в другую, милая Варвара Михайловна? – спросил капитан.

– Не совсем так, Константин Викторович. Первое время нашей совместной жизни с мужем показалось мне намного радужней, чем заточение в отцовском доме. Мы много ездили, я побывала в столице, супруг не препятствовал моим склонностям. Когда мы переезжали в новый дом, я самонадеянно попросила у него разрешения самостоятельно расписать одну стену в небольшом коридоре. Я была тогда под сильным впечатлением от Рафаэлевых лоджий. Муж позволил, заказал краски и другие необходимые принадлежности. Неделю я была счастлива. Результатом моих усилий стал лазоревый цветок, который казался мне тогда вершиной совершенства, – она замолчала.

– И что с ним случилось потом? – Сергей поддерживал разговор, а сам наслаждался покоем и ветром.

– Потом муж сказал, что даже Рафаэль не мог бы себе позволить работать в таких темпах, отчего, видимо, и привлекал к работам учеников. Он нанял декоратора и тот расписал все пространство целиком за те же семь дней.

– Ваш цветок закрасили? – спросил капитан.

– Нет! – в голосе Варвары послышалась затаенная обида. – Муж запретил ему. Но новая роспись была настолько иного стиля, с четкими контурами, тяжеловесная и агрессивная, что отдавая должное всей ее читаемости общего рисунка и насыщенности колорита, мой цветок казался мне ею «задушенным» и каким-то жалким. Я старалась реже ходить по этому коридору, потому что не могла дать ему воздуха. На этом мои занятия искусствами благополучно закончились, господа! Приветствую Вас, Ваше благородие, – она кивнула подошедшему Корндорфу. – Присаживайтесь, скоро будут подавать.

– Простите, я, кажется, прервал вашу беседу, дорогая хозяйка? – расшаркался барон. – Вы говорили об искусстве?

– Нет-нет, все в порядке. Мы как раз заканчивали.

– А что, капитан, – обратился тогда барон к Константину Викторовичу, – прибудем ли мы в порт назначения с опозданием или Бог и в межень милует?

– Надеемся, что милует, Ваше благородие. Хотя дождик не помешал бы уже, – капитан посмотрел в абсолютно чистое небо, на котором не было ни облачка. – А вот как наши соратники из Твери доберутся? Как думаете, Варвара Михайловна, успеют они в срок?

– Может быть, решат берегом ехать? Уж, как договорено было – вечером сход, после ужина и обратно, не так ли? Я намеревалась завтра к вечеру вернуться домой.

– А если переговоры затянутся? Я ж рейсовый подневольный, Варвара Михайловна. Вы уж тогда замолвите словечко, чтобы мой вопрос в первую очередь разобрали, прошу Вас.

– Да что Вы, Константин Викторович, и я с Вами обратно! Никак иначе. Что там обсуждать да канителиться? За два часика все и обговорим. Вообще не понимаю, зачем надо было это сборище устраивать?

– Кхе-кхе, – кашлянул капитан, – вот и остальные гости пожаловали. Обсудим это позже, дорогая хозяйка.

К столу подходили давешний издатель и супружеская пара, путешествующая первым классом. Все были в сборе, и капитан кивнул ожидающему в сторонке стюарду – подавать.

Нина не поддавалась на уговоры и ушла сразу же, как только Лиза нашла в себе силы выйти к близким. Князь ждал ее на улице и, бросив лишь один взгляд на лицо дочери, расплылся в улыбке.

– «Не так страшен черт, как его картинка!», такова, кажется, русская поговорка? Все благополучно?

– Нет, не все, папа, но там все поправимо. Обошлось. И все равно очень больно откликается. Только не говори лишнего отцу Лизы, он очень плох, у него сердце не выдержало. Эх, если б вчера все прояснилось!

– Я очень уважаю Андрея Григорьевича, но... – Отец Нины велел кучеру трогать. – Я потому туда не пошел, дочь, чтоб ничего не знать! И ничего не сказать! Не понимаю, как это можно заболеть от боли? От боли можно только мстить! А уж потом...

– Папа, папа! Кому мстить? Я же сказала, что все обошлось!

– Не знаю, как у русских все это просто – обошлось. Да если б, не дай Бог, моя дочь! Если б с тобой что такое, Нина! Хоть одна слезинка! Да я б нашел виноватого, если б его даже в природе не существовало!

– Да какое «такое», папа? Говорю же, там не было ничего дурного, просто ей стыдно было перед отцом, что без спроса уехала так далеко, а потом ей солнцем голову напекло, так еще и плохо стало. Это со всяким может случиться.

– Смотри, Нина! – отец резанул по дочери взглядом. – Смотри, чтоб никакое солнце тебя не обожгло! Я не посмотрю, кто и как, я и до солнца доберусь! Я найду, кого наказать! Как только услышу имя – никто меня не удержит! Не услышу – сам найду!

– О, Господи! – Нина смотрела на отца и со страхом, и с плохо скрываемым восхищением. – Как же мы с тобой похожи, папа! А к поезду мы, конечно, уже не успели?

– Не успели, дочь. Домой, или как скажешь?

– А поехали, папа, пирожные есть? В ту кондитерскую, помнишь? Ты меня маленькую возил...

Они провели этот день вдвоем, чего давно уже не было в их жизни. Переночевали в пустующем особняке последний раз, и утром князь Чиатурия решил, что новых билетов на поезд брать они не станут, а поплывут вместе с вещами и слугами, пусть дольше, но продлив это их случившееся вдруг уединение ото всех. Ведь скоро отцу и дочери придется проститься. Совсем. Другой мужчина будет принимать решения, оберегать жизнь и честь Нины и, может быть, водить ее в кондитерские.

Вечером понедельника они пробирались вдоль вереницы пристаней к своему пароходу. Там, где скорость коляски уже совсем сходилась на «нет» – от мельтешащих перед ней грузовиков с тюками и чемоданами, отбывающих с детьми и поклажей, провожающих, встречающих, снующих торговцев – что-то привлекло мимоходом внимание Нины. Князь, который все эти дни постоянно всматривался в лицо уходящей от него дочери, заметил на нем гримасу брезгливости и проследил за направлением ее глаз. По сходням поравнявшегося с ними причала, на берег спускалась шумная компания только что прибывших пассажиров. Княжна смотрела на пару, в которой дама опиралась на локоть «Демона» с вечеринки Мимозовых. Князь ничего не спросил у дочери. Но взгляд этот запомнил.

А Лизе было по-прежнему трудно. Это только во время доверительного разговора с подругой показалось, что все разрешимо, поправимо и снова легко. Нет. Оказалось, что ута-

ивая часть правды, нужно всю самую большую ее часть держать при себе – никто не поймет, не пожалеет, даже не выслушает. Нужно было лавировать в разговорах, стараясь не проговориться, избегать опасных тем, воспоминаний, имен. А что будет потом, если она встретит в городе Таню? Или его самого?! Нет-нет! Об этом потом.

Лиза, когда за Ниной закрылась дверь, обернулась к Егоровне, та стояла, затаив дыхание.

– Няня, папа спит?

– Не знаю, доню, – Егоровна решила ничего не спрашивать, чтоб не спугнуть, так хоть разговаривать стала. – Наташа у него. Зайди.

Лиза тихо постучалась и вошла. Наталья Гавриловна сидела на стуле подле кровати и читала какую-то книгу. Отец спал. Увидев Лизу, та беззвучно закрыла томик, положила его на столик возле лекарств и, поднимаясь, указала Лизе на освободившееся место. Они разминулись в дверях. Когда Андрей Григорьевич проснулся, то увидел рядом с собой дочь, она держала его за руку. Так они сидели какое-то время, Лиза не могла найти в себе сил – улыбнуться, а Полетаев – заговорить. Первой нарушила молчание Лиза.

– У нас была Нина, папа. Она мне порассказала много такого, о чем я и помыслить не могла. Все не так, как, видимо, вы все тут думаете, – она старалась говорить, не опуская взгляда, – Но скажи мне, как ты себя чувствуешь? У тебя был приступ? Ты можешь сейчас говорить или отложим?

– Нет-нет, сейчас! Сейчас. Ты так напугала нас, Лизонька.

– Ты тоже напугал нас, папа, – Лиза нежно гладила его пальцы, и это успокаивало Полетаева больше, чем все ее слова.

– Прости, доченька, – слеза, не удержавшись, выкатилась из уголка его глаза. – Когда ты вчера сказала... Там, сказала, что...

– Господи! Да что ж такого я сказала? – искренне испугалась Лиза и подала отцу платок.

– Что ты дурная дочь, – Полетаев захлебнулся всхлипом, Лиза упала щекой ему на грудь. – Это не ты! Это только я во всем виноват! Это я плохой, дурной отец! Прости меня, Лизонька!

– Папа! – Лиза тоже уже плакала. – Я сказала так, потому что подвела тебя. Потому что мне было стыдно – перед тобой, что не спросилась, перед Натальей Гавриловной, которую сорвала с места, перед Егоровной, что она не знала где я. Простите вы меня все!

– Во всем виноват я! Старый дурень! – дыхание Андрея Григорьевича стало прерывистым.

Лиза испугалась.

– Боже мой, папа! Нина мне такого наговорила, я бы сама и не догадалась, о том, как это все может выглядеть со стороны. Во-первых, я не топила – мне было так жарко, что я хотела лишь умыться. Я вчера в городе встретила знакомых, ты их не знаешь, это бывшая институтка, классом старше нас, и ее семья. Оказалось, они едут в монастырь, по той же дороге, где и Луговое, – самозабвенно врала Лиза Полетаева. – И вот тут, да, я виновата! Я упростила их взять меня с собой. Я думала, что еще до темна обернусь обратно. Хотела только посмотреть усадьбу, а после зайти в Луговое и попросить лошадей. Но вышло так, как вышло. Во-вторых, меня никто не трогал. Папа! Придет наш доктор, скажи ему, я согласна – пусть осматривает меня с ног до головы! Только не умирай, папа!

И тут Лиза уже совсем разрыдалась. На шум вошла Наталья Гавриловна, увидела их плачущими и долго отпаивала различными каплями, разведя по комнатам. Пришел вечером семейный старичок-доктор, но сам осматривать Лизу не стал, а привел на следующий день даму-санитарку, дабы не смущать девицу. Все должны были после этого успокоиться. Через день Полетаев первый раз встал с постели и Наталья Гавриловна благополучно уехала с Павлом в Луговое. Началась, обычная, вроде бы жизнь.

Лиза кое-как, без души, отзанималась во вторник с Аленкой. Та, видимо, чувствуя состояние учительницы, весь день капризничала, поэтому музыки после занятий не было. Также остался неврученным доставленный накануне заяц из игрушечной лавки, заказанный Лизой, которая за этими событиями совершенно забыла про него. Он теперь так и лежал в коробке у Лизы в комнате – оказалось, для того, чтобы дарить подарки, тоже нужен «внутренний свет». Без собственной радости делиться было как бы и нечем, а просто сунуть купленную игрушку ребенку не было настроения. Лиза решила подождать праздника или иного повода. Егоровна ходила в лавки и на базар, готовила обеды, Полетаев просматривал газеты, но... Но все теперь изменилось.

Прежде всего, Лиза стала замечать такие мелочи, которые раньше проходили мимо ее сознания. Выйдя в коридор в тот день, когда у них побывала Нина, она увидела открытой дверь в самую дальнюю от входа комнату, которую до сих пор считала одной из пустующих. Заглянув туда, Лиза увидела вполне обжитое жилище, где были видны несколько вещей, принадлежащих Наталье Гавриловне. Лиза вспомнила, как она застала замершего перед этой дверью отца, в первые свои дни после возвращения из Института. Припомнилась ей и трость отца, очень похожая на одну из тех, что стоят сейчас у них в прихожей – с головой лошади из слоновой кости вместо рукоятки. Прогулочная, папа любит с ней ходить. Когда Лиза была маленькая, то думала, что лошадь эта взята из шахмат, и что где-то есть доска, на которой невозможно играть, потому что у белых не хватает фигуры. И вот, как бы в подтверждение детских фантазий, той нашлась пара. Такую же трость заметила она и в Луговом, в сених, когда Наталья собиралась везти Лизу в город.

И еще все чаще стала Лиза замечать, что папа, держа в руках книгу или газету, смотрит мимо строк застывшим взглядом. И что в белках его глаз к вечеру появляются красные прожилки. И про себя она заметила, что прежней радости, которой была пропитана вся ее жизнь с утра до вечера, которая была настолько привычной, что нечего было и внимания на нее обращать, как на фундамент на котором стоит дом, как на паркет по которому ходишь, как на воздух, которым дышишь – теперь этой радости не стало. Она ушла, и нет надежды, что когда-нибудь она вернется обратно.

Нет, ничего не скажешь, время лечит, и день за днем затирал все неприятные воспоминания. С родными все было обговорено в допустимых пределах, восстановлен привычный порядок жизни и отношений. Если говорить образно, то дорога перед Лизой снова была ровной, довольно утоптанной и широкой. Но раньше рядом с ней постоянно как бы катился не то путеводный клубок из сказок, не то колобок, превратившийся в маленькое солнышко и освещавший радостью все ее шаги, что бы с ней ни было. И так было всегда, все годы, что она себя помнила, если не считать тех времен, когда бывало горе, когда не стало бабушки и мамы.

Конечно, с ней и прежде случались и расстройтва, и неприятности. Колобок падал в лужи, проваливался в ямки или даже канавы, цеплялся за кочки и коряги, но приходил новый день – Лиза мирилась с подружками, или разъяснялась неловкая ситуация, или прощалась нанесенная по недомыслию обида, и колобок, отряхнувшись, снова бежал впереди и освещал ей путь. А нынче они вместе провалились в какую-то глубокую пропасть. Лизу вытащила Нина, а колобок остался лежать на дне ее – так глубоко, что и света от него не видно. И сможет ли кто-нибудь достать его оттуда хоть когда-нибудь, сказать сейчас было невозможно. По крайней мере, собственных сил Лизы на это не хватало. И ей приходилось идти по серой ровной дороге без улыбок, радостей и света внутри.

Татьяна Горбатова, вернувшись домой после того, как Филька передал письмо Полетаевой и утверждал, что выглядит та помятой, но, в общем, целой и невредимой, не на шутку задумалась о себе. Так долго продолжаться не может. Не столь страшно, что сегодняшний день

обошелся ей в копейчку, страшно то, что Сергей становится непредсказуем, а, значит, опасен. Что выкинет он в следующий раз? Сейчас у Тани не было нормального, по ее понятиям, гардероба, доступа к финансам и никакой личной свободы. Но, зато, присутствовали – отцовское имя и покровительство тетушки. К тому же, в немалой степени благодаря полученному образованию, она была вхожа в высшее общество города и имела хорошие знакомства. Плюс молодость, свежесть и личное обаяние. Но все это покатится под откос при первом же скандале, где будет упомянута их фамилия. Тетка отвернется сразу же! У отца своих денег – кот наплакал. Надо идти замуж.

Тут же вспоминались сегодняшние слова брата: «Женюсь – все сразу верну!». «Женюсь». Видимо, мысли их шли в схожих направлениях. По всем раскладам выходило, что надо ставить на эту карту, пока положение ее так выигрышно. И фамилию поменять, чтобы уж никак ее не могли связать с братцем, и денежки приобрести, и обеспечить себе некое приволье, выбрав мужа, которым можно было бы, если не вертеть, то хотя бы управлять. Но для этого надо было что-то делать. Танюша не стала дожидаться возвращения Сергея, лишь на судьбу уповая, моля, чтобы в этот раз все обошлось, и на следующее же утро отправилась подлизываться к тетушке.

– Где твой братец, Татьяна? – спросила все еще сердитая за коня Удальцова. – Он что, не ночевал дома?

– Не знаю, дорогая тетушка, – соврала Таня. – Но я бы не удивилась. Для взрослого молодого человека – не ночевать дома, это, кажется, нормальнее, чем ни с кем не встречаться вообще.

– Что ты говоришь! Ты! Молодая девица! – возмутилась таким вольным допущением в разговоре тетушка.

– Об этом я и хотела поговорить с Вами, ma tante, – Татьяна теперь скромно потупилась. – У меня нет ни матери, ни наставницы. Вы – самая близкая моя родственница, тетя.

– У тебя есть отец! Вы, как будто, все время забываете об этом! – все еще раздраженно отвечала Удальцова.

– Это разговор не для мужчин, – потупилась, изображая смущение Татьяна. – Вы назвали меня молодой девицей, но я же помню, что все мои одноклассницы младше меня. А время так быстро летит! Я хотела говорить о моей женской судьбе, тетя. О выборе спутника, о семье.

– Тебе что, вскружил голову какой-нибудь фат, и я срочно должна отвести тебя под венец? – тетушка напускного целомудрия не замечала, пришлось сменить тактику.

– Я не такая дура! – отвечала ей Татьяна прямо.

Иногда такие выпады бывают самыми действенными. Во всяком случае, тетушке, по роду дел знакомой с различными формами общения, такая прямолинейная грубость, как ни странно, в этом случае, пришлась по нутру. Во всяком случае, она стала прислушиваться к словам племянницы внимательнее.

– И о чем же конкретно тогда разговор? – спросила Удальцова. – По всей вероятности, опять о деньгах?

– Нет! – отвечала Таня, вызвав удивленный подъем бровей у собеседницы. – Не о деньгах. А о больших деньгах! Я прошу Вас, тетя, как женщину деловую и рассудочную, рассматривать вынужденные траты на меня, как на коммерческие вложения. Мне нужно составить приличную партию, но для этого мне необходимо полностью обновить гардероб, делать выезды и приемы, бывать в обществе не только Ваших подруг по средам, но и молодых людей – офицеров, аристократов, неженатых представителей света. Тогда через год Вы избавитесь от обязанности содержать меня. Будем считать это взаимовыгодным предприятием?

– Слава Богу! – тетка откинулась в кресле и рассматривала теперь Таню как вновь увиденную. – Хоть одна, кажется, действительно – не дура!

– И хотелось бы обратить Ваше внимание на то, что наличие приданого сделает мой выбор гораздо шире! – совсем обнаглела Таня.

– Об этом подумаю позже, – тетка явно что-то прикидывала в уме. – А пока так. Сегодня же напишу твоему отцу. Зная, сколько тот будет искать отговорки, как раз к зиме он должен созреть! Сезон, ты, возможно, проведешь в обществе Москвы или даже Санкт-Петербурга, но представлять тебя в нем должен именно отец. Подумаю, кого можно задействовать из тамошних знакомых, чтобы разузнать обстановку заранее. Второе. Я поеду с тобой туда сама месяца на два раньше – там все и закажем, мода переменится, тратиться на это сейчас глупо. Да и я до окончания Выставки привязана к городу. Но и совсем сбрасывать со счетов нижегородское общество тоже не стоит. Я закажу тебе верховой костюм и пару выходных платьев. И надо тебе, действительно, начинать выезжать. Вот только сейчас лето, все на дачах.

– Велите Сергею сопровождать меня! – взмолилась Таня. – Пусть хоть в театр меня выводит. Или на пикники, какой был у Мимозовых.

– Скажу. Но, надеюсь, с вашей стороны я могу не опасаться никаких выходов?

– Что Вы, тетя! Я буду слушаться каждого Вашего слова! Вы – ангел, благодарю Вас.

И Таня твердо решила, что ради всего этого стоит потерпеть, и полгода побыть примерной девочкой.

А в это время о «примерной девочке» вспоминали там, где этого можно было меньше всего ожидать. И разговор, начинавшийся почти невинно, вскоре зашел в такие кущи, что негоже в приличном обществе и упоминать. Началось все с того, что после обеда с капитаном, Сергей остался на палубе со своей трубкой. Спросив разрешения, к нему вскоре присоединился барон, все остальные разошлись – кто по месту службы, кто на отдых по каютам.

– Позвольте составить Вам компанию, молодой человек? – спросил Корндорф у Сергея, уже усаживаясь в соседний с ним шезлонг.

– Пожалуйте, – не смог отказать Сергей новому знакомому из уважения к соединившему их обществу и преклонному возрасту собеседника. – Если Вас не смущает дым, милости прошу.

– Что Вы, молодой человек! Может ли вызывать отторжение запах благородного табака! Изысканность благовоний, таинство звуков и ритмов, магия ритуальных событий. Как многообразна зрелость! Эх, я и сам когда-то... – барон нарисовал в воздухе замысловатый вензель, видимо, долженствующий олицетворять его бывшие проделки и безумства. – Да-ааа. А нынче уж мало удовольствий посилено брэнному телу. А о молодости, что говорить – ей доступно и подвластно все! Вы сейчас считаете, что по-другому и быть не может. Я знаю! Да и как можно сомневаться в этом, когда ночной ветер треплет кудри, вселенная распростерта перед тобой, а на ее авансцене под звон бубна пляшет молодая дева!

– Простите, мы с Вами раньше не встречались? – изумился Сергей так точно угаданной картине.

– А-ааа! – погрозил барон пальцем, прищурившись. – Сознайтесь, и Вы посчитали сейчас Модеста Карловича колдуном, молодой человек?

– Я привык думать, что мы живем в реальном мире, сударь. Двойные сущности, фантастические проявления – это уж как-то совсем по-Гофмановски, – засмеялся Сергей. – А что, многие считают?

– Кто говорит – «колдун», кто называет «волшебником», – задумчиво продолжал барон. А Сергей подумал, что тот, скорее, смахивает на гнома-перестарка.

– Самому мне более импонирует понятие «маг», – продолжал рассуждения вслух представитель мистических миров. – В нем стержнем проходит возможность могущества. Состоятельности. «Я могу!» – вот какой девиз высек бы я на своем гербе!

– Да Вы – романтик! – Сергей гадал теперь, к чему ведет этот странный старикашка.

– Так вот, ближе к существу дела, – как бы прочитав мысли собеседника, свернул рассказ о себе любимом барон. – Мы не знакомы, и раньше видел Вас только я. Да-да! В ту ночь я был среди зрителей, наблюдавших созданный Вами образ Демона. И рукоплескал, поверьте!

– Благодарю! – Сергей обозначил легкий поклон. – Но какими судьбами Вас туда занесло? А! Наверно Вы сопровождали кого-то из своих детей?

– Детей я не имею, молодой человек. Да и вас там, как мне помнится, сопровождала дама, которая ни Вам, ни Вашей сестре родительницей не доводится?

– Вы и про сестру знаете? – приподняв брови, удивленно смотрел на барона Горбатов.

– Я знаю про вас всё! – продолжал мистифицировать Модест Карлович. – Тетка, ее состояние, отец видит только государеву службу, дети от него далеко, у вас с сестрой нет ничего собственного.

– Да как Вы смеете! – вскочил на ноги Сергей.

– Ах, как вспыльчива юность! – перешел на распевный тон Корндорф. – Вы совсем такой же, как отпрыск моей покойной сестры. Именно его опекуном я обязан состоять еще почти полгода до его совершеннолетия! Но, Вы! Вы, как мне кажется, старше? И должны были уже научиться выдержке и терпению, молодой человек. Особенно, в разговорах с представителями моего поколения...

– Я не намерен продолжать беседу в таких тонах с представителем любого поколения! – Сергей стоял теперь перед бароном, опершись спиной на фальшборт. – Обсуждение чужих финансов недопустимо в благородном обществе!

– Почему же, позвольте Вас спросить? – спросил барон с ехидством. – Для обсуждения подобных вопросов созданы целые сообщества и институции! Весь мир только и делает, что обсуждает чужие финансы в надежде сделать их своими.

– Что Вы хотите этим сказать? – немного утих Сергей.

– Присядьте, молодой человек. Не нависайте над стариком. Я хочу Вам не только кое-что сказать, но и предложить. Разговор не на одну минуту, – барон искоса посмотрел на Сергея. – Куда нам торопиться? Путешествие по водной глади располагает к беседе неспешной. Не так ли?

Сергей опустил обратно в шезлонг и стал вновь набивать трубку.

– Поделитесь со мной! Каковы Ваши воззрения на сей презренный предмет? – Корндорф продолжал говорить загадками.

– Вы имеете в виду деньги, сударь? – усмехнулся Сергей.

– Я думаю, более уместным в нашей беседе будет обращение ко мне «Ваше благородие», молодой человек.

– Тогда того же я потребую и от Вас! – Сергей не давал барону откусить палец, положенный ему в рот. – Я тоже дворянин!

– Тогда это разговор равных? – не сдавался старикан. – Тем лучше, милостивый государь мой. Тем лучше. Оставим тогда в покое благородство и перейдем к предметам, как бы это сказать, от него несколько – или даже весьма – удаленных. Смее ли я спросить о широте допустимых пределов Ваших моралистических взглядов? Как мне кажется, право на этот вопрос дает мне само Ваше пребывание в этой поездке?

– На что Вы намекаете?! – снова взбесился Сергей.

– Я намекаю на явный интерес нашей хозяйки к Вам, и на ваше проживание с ней, кхе-кхе, в соседних каютах, – барон чуть понизил голос, якобы, чтобы соблюсти тайну.

– Пойдите прочь! Как Вы смеете! – Сергей снова попытался встать.

– Если Вы будете так бурно реагировать на каждое мое слово, молодой человек, то мы никогда не дойдем до сути, – невозмутимо продолжал барон. – Скажите, а Ваша сестра, какого придерживается, кхе-кхе, мировоззрения, так сказать? Насколько она невинна?

Сергей даже не вспыхнул на этот раз. Он просто стоял и молча смотрел на барона, искренне считая, что ослышался.

Савва вызвал Леву запиской, приглашая навестить его не дома, а в павильоне. Лева подумал, было, что надо что-то починить или подправить и, отпросившись со службы на целый день, явился к другу, готовый к работе. Он застал Савву в главном зале, за спинами посетителей, прислонившись к стене и со взглядом тоскливым. «Ох, только не это!» – подумал Лева, подозревая знакомый напев: «А переделай-ка мне тут...». И вначале, действительно, было на то похоже, но Лева решил молчать до последнего, не подсказывая и не поддаваясь. Савва, увидев друга, молча поприветствовал его, потом обвел рукой раскинувшуюся перед ними картину – толпа замороженных зрителей наблюдала паровой двигатель в действии – как бы ею и объясняя свою разочарованность. Потом молча махнул этой же рукой, и так же молча, жестом пригласил пройти в техническую часть павильона. Тут им стало не так громко слышно уханье турбины, а за закрытой дверью Саввиного кабинета и вовсе наступила тишина.

– Может зря я Полетаева в свой павильон зазвал? – невпопад затосковал Савва. – Выставлялся бы себе в Кустарном отделе, как все. Его б там заметнее было. А, Левушка?

– Уж куда, как заметней! – Лева решил встряхнуть поникшего друга и выяснить все-таки истинную причину страданий. – Подобное среди подобного, кто ж запомнит! Ваше Товарищество там и так упомянуто, да кто ж ему там столько места выделил бы, чтоб все направления показать в цвете? Пол зала! А что ему там дали выставить? Два ножичка, да три замочка? Не нагнетай, Савва, скажи лучше, что случилось?

– Так прилетел он тут из своего Лугового, аж светится весь! – если бы Лева не знал своего друга наизусть, то мог бы подумать, что в том сейчас говорит зависть. – Все, говорит, новое у меня там! Хочу, говорит, образцы на витрине менять, это уже устарело все!

– Ну, и? – не понимал Лева. – Что плохого-то? Все меняется, все развивается. Только порадоваться остается! Что ты в тоску-то впал?

– А вот и впал! – Савва вышел, наконец, из своей туманной задумчивости. – Опять держишь, Левка! А что ж не впасть-то?! Все меняется. Все развивается. Один я со своими старыми кастрюлями. Вон пыхтит, аж, стыдно перед людьми! Все, все менять надо!

– Тьфу ты! – в сердцах не выдержал Лева. – Ты меня не пугай так, друг сердечный. Кто там тебя в стыд вогнал? Вот те посетители, что открыв рот сейчас твои действующие экспонаты глядят? Которые на производственный поток ты только два года как наладил? Это старье, Савва? Ты, прости, но по моему разумению, выставки и призваны показать достигнутое. Не завтрашний день. Вчерашний! То, что уже состоялось! Тебе эта Выставка столько славы наработает, что с этим-то багажом потом и развивайся, сколь хочешь, себе на здоровье. Что ты сейчас-то мечешься? «От добра – добра не ищут»... Слыхал, может, народную мудрость?!

– Ох, Левушка, как не слышать: «От корма кони не рыщут...» Да, кормилица она! Это я так, с тоски. А жаловаться грех, это ты прав, прав... Все мои постоянные партнеры, у кого летом срок – все договора возобновили, продлили. Кто еще и больше заказал, чем всегда. Да трое новых за ними пришли. То-то еще по осени станется!

– Так что за тоска-то? – Борцов подошел к окошку.

– Да не поймешь! – Савва тер лоб, к другу не оборачиваясь.

– Дома что? – осторожно спросил Лева.

– Да дома-то все как раз, слава Богу. Февронии получшало, надо ее в Москву везти. Девочки уже так соскучились!

– Ну, вот и займись семейными хлопотами, – размеренно говорил Лев Александрович напряженной спине друга. – И я, может, тоже с вами выберусь – разом все там и переделаем.

А о производствах забудь пока, там же тоже все у тебя ладно? Тихо? В Петербурге, говорят, в этом году тревожно было... В смысле рабочих.

– Да нет, у нас тут спокойно, Левушка, – вскинулся Савва. – Да моим-то и чего требовать? По сравнению с иными, так они как сыр в масле. И «почистили» хорошо город от этой заразы перед Выставкой, сам знаю.

– Ну, и поезжай спокойно в Москву, – Лева обошел стол и стоял теперь перед ним, не понимая толком, окончен разговор или нет.

– Не пойму я себя, – Савва скривил лицо в болезненной гримасе. – На душе как-то муторно...

– А ты не поддавайся, раз явного повода нет! – Лева уже прикидывал в уме, как выкроить время для поездки в Москву, оставлять друга одного в таком раздрае ему не хотелось. – А что твои другие дела? Партнеры? Товарищество, как понимаю, процветает? А остальные ваши пайщики? Как сам Андрей Григорьевич?

– Да вроде везде ладно, а как предчувствие какое, – потер грудь в районе сердца Савва. – А Полетаев, действительно, уже несколько дней не появлялся. Спрашивали его тут, по Товариществу-то тоже кое-какие договоры возобновлять пора, их же он подписывать должен. Да ничего, время терпит. К четвергу, думаю, объявится!

– А! Я догадался! – Сергей осторожно улыбнулся барону, продолжая странный разговор на палубе. – Вы из тех пациентов тихих клиник, которых во времена примерного поведения отпускают побыть среди общества? Так, видимо, настало время сообщить тем, кто над вами надзирает, что уже пора возвращаться?

– Не ерничайте, молодой человек! – барон, прикрыв глаза, подставлял лицо жаркому солнцу. – Я надеюсь еще на долгие дружеские отношения с Вами, а при благоприятном стечении обстоятельств – и на сотрудничество.

– Вы пошлый, стареющий сатир! – Сергей уже не скрывал своей брезгливости к собеседнику. – Вы позволили намекать мне на роль сутенера при собственной сестре? Идите Вы к дьяволу! Или я вынужден буду позвать стюардов.

– Нет, молодой человек! – барон был абсолютно спокоен. – То, что Вы до сих пор никого не привлекли к нашей, так сказать, интимной беседе, а Ваш покорный слуга остается невредим по эту самую минуту, а не плещется где-то в волнах далеко за кормой – все это подтверждает то, что я в Вас не ошибся. И я не сатир. Я – волшебник! Я – исполнитель желаний. Я – маг! Я многое могу.

– Вы – сумасшедший! – Сергей разглядывал мерзопакостного субъекта теперь с каким-то даже болезненным любопытством.

– Так вот, в непорочности одной благородной девицы, не станем лишней раз упоминать ее имени, я уверен практически абсолютно. И Вы зря вспылили, предполагая мои сомнения в этом. Это условие даже является желательным в моих намерениях, – продолжал свои гнусности старый гном.

– Да замолчите же Вы когда-нибудь! – уже совсем озлобился такой бесцеремонностью Горбатов, все глубже проникаясь пониманием того, что они находятся в замкнутом пространстве, и что до прибытия ему придется находиться в непосредственной близости от этого мерзвейшего совратителя. Либо нужно было уже прямо сейчас предпринимать те самые действия, коими он грозил паскуднику, но на которые ни сил, ни желания в себе не чувствовал. Не вызывать же старикашку, в самом деле, на дуэль? Хоть в каюте запирайся! Тьфу, гадость какая! Вот принесла же его нелегкая!

– А невинность меня интересовала лишь только в плане мировоззренческом! – не сбивался с темы барон. – Я очень тщательно готовлюсь к подобным разговорам, господин любезный, и хочу, чтобы от меня слышали именно то, что я говорю. Вы, молодой человек, совсем не умеете слушать. Вы уже записали меня и в личные враги, и в растлители, а, тем не менее, я сам ничего подобного до сего момента не произнес, а все эти непотребности творятся исключительно в Вашем, собственном, воображении. Возразите мне, если я не прав!

Сергей только фыркнул, сам удивляясь тому, почему он до сих пор не ушел отсюда.

– Вот так-то лучше, молодой человек. А теперь послушайте старика внимательно. Если бы речь шла о забавах известного толка, то для чего мне было обращаться к Вам? Привлекать к этому неопытную девицу, да еще через посредничество? Да, что скрывать, мы все знаем, что бывают любители-первопроходцы, хотя гораздо чаще встречаются люди, знающие толк в таких увеселениях и ищущие опыта. Случаются и ценители остренького... Да! Но на любого покупателя найдется товар. Есть бездна профессионалок, весьма умелых и сговорчивых. И существует масса беднейших родителей, которые за счастье почтут за счет одной своей созревшей дочери обеспечить пропитание всем остальным детям. Причем тут Вы? И при чем тут я?

– Тогда я вовсе не понимаю Ваших намеков! – Сергей снова уселся рядом с бароном.

– А, тем не менее, я битый час пытаюсь донести до Вас сущность моей миссии. Я – исполнитель желаний. Сказочник, если угодно. Именно попадание в сказку я дарю немногим избранным.

– Что это за избранные? – Сергей покосился на Корндорфа с недоверием. – И причем тут мы с сестрой?

– Представьте себе, молодой человек, что существует некий узкий круг лиц, чьи способности к, так называемой плотской любви, по каким-то причинам угасли, или утрачены. Но душевных-то стремлений не унять! И вот один волшебник...

– Волшебник – это Вы? – скептически уточнил Горбатов.

– Ах! – барон закатил глаза к небу. – Пусть это будет некто, чья воля и фантазия призваны служить страждущим. Так вот, этот маг создает некий клуб, так сказать, по интересу, и, перемещая его участников по различным воссозданным узнаваемым обстоятельствам, погружает их в мир сказочный, мир нереальный, в котором только они и могут насладиться подобием былых восторгов. Этот мир наполнен своими правилами и устоями, своими предметами и ценностями. Сложней всего, молодой человек, дается придумать нового персонажа, кто удовлетворял бы всем их потребностям. Вот тот праздник, на котором мы оба с Вами побывали тогда, дал мне пищу почти готовую к употреблению! Да что там – пищу! Готовое блюдо, только подавай. Но, как всегда возникла масса препятствий и нестыковок.

– Вы имеете в виду моего Демона? – удивленно спросил Сергей.

– Да ну, что Вы, окститесь! – барон уже весь был в своем воображаемом мире. – Я говорю о Мертвой Царевне.

И тут до Сергея стало доходить.

– И Вы предлагаете?..

– Я предлагаю повторить выступление Вашей сестры! Только для меньшего количества зрителей.

– Но почему не пригласить на эту роль, как Вы говорите, профессионалку?

– Приглашали, молодой человек. Дважды. Нет желаемого эффекта! Первый раз была звана именно, что актриса, именно что на роль. Но так оказалась любопытна! Все время подглядывала, расплывалась в ухмылке, да еще дергалась вся от прикосновений. Фи! Никакой выдержки и достоверности.

– Так все-таки прикосновения предусмотрены? – уточнил Сергей.

– Самого невинного толка, Сергей Осипович! Непорочность после сеансов я гарантирую, я даже не посмел бы предлагать иное.

– Так почему все-таки Вы прочтите это мне?

– Слушайте дальше, голубчик. Решили пригласить в клуб представительницу того самого рода занятий, что в это-то вечер как раз и не требовались, так знаете, нет никакого доверия – валяется этакая размалеванная кукла, ничего царственного, ничего тайного. А тут одно сознание того, что перед ними лежит тело девственное, истинно дворянского происхождения, да еще такой фактуры! Мы за такие билетки сотенки по полторы сможем загнуть. А то и по две!

– Так Вы сии «представления» собираетесь на финансовой основе распространять? – уже не возмущаясь, заинтересованно спросил Сергей.

– А как же! Это непременно! – Модест Карлович уже потирал ладошки. – Члены клуба конечно, и так платят взносы, но это на расходы общие. Так, например, уже заказан венец самоцветный. Платье пошьем, когда с обладательницей фигуры будем иметь твердую договоренность. Гроб опять-таки! Хрустальный. Уже готов. А сами персональные вечера оплачиваются приглашенными на них гостями отдельно. Плюс жребий.

– Что за жребий?

– Видите ли, по сценарию...

– Как! Существует некий сценарий? Это что, действительно просто домашний спектакль? – Сергей даже рассмеялся над собой внутренне, такого он нагородил в уме, а тут всего-то.

– Не совсем так, молодой человек, – унял его прыть Корндорф. – За что бы тогда такие денежки платить? Суть собрания такова, что как бы братья-богатые прощаются с как бы внешне умершей сестрой-царевной и берут на память о ней некие предметы. Те каждый раз закупаются вновь – кольцо, браслеты, туфельки...

– Надеюсь туфелька – это самый интимный предмет из вашего «жребия»?

– Как скажете, дорогой мой! Как скажете. Но, если кто-то из гостей пожелает, например, подвязку с ноги, я не думаю, что это станет большим препятствием? За отдельную плату, конечно!

– И сколько Вы предполагали в оплату услуг мне и сестре? – Сергей подсчитал в уме, и цифра получилась очень вкусная.

– Я не знаю, как Вы станете делить сумму между собой, а я договариваюсь с Вами, молодой человек. Вам в руки и буду отдавать гонорар. Двести рубликов за вечер для начала, как Вам?

– Да это грабеж! Семь человек по полторы сотни и все это делим на три части, две из них – наши с сестрой.

– Ха-ха-ха! Вот Вы уже и торгуетесь, молодой человек, – заливался искуситель. – Никак невозможно. И не семь, а шесть. Ваш покорный слуга всегда является одним из действующих лиц, чтобы следить за обстановкой изнутри, так сказать. И, посудите сами – из этой суммы я плачу за апартаменты, за перевозку антуража, за иные накладные расходы. Это все сразу съедает не менее полутысячи. Остальное, согласен – делим. Но только пополам! Все риски и организация – на мне. И еще, скажу честно, меня бы очень устроило, если мое участие в этих затеях осталось для Вашей сестрицы вообще сокрытым. Дамы, знаете ли, бывают болтливы.

– А как же сохранить ее собственное *genotmée*? Вдруг кто-то из членов клуба встретится нам позже в обществе? Может быть маска на лицо?

– Не желательно! – скривился барон. – Полумрак, колеблющийся огонь свечей, измененная прическа. Я думаю, и так вероятность узнавания ничтожно мала. Дело в том, что в масках будут сами гости. Вы знаете, не все члены клуба знакомы даже между собой, чаще только через меня. Да не бойтесь, голубчик! Ее просто не посмеют узнать. Если б Вы знали, каких вершин общественного положения достигают некоторые наши гости, Вы бы постеснялись этих страхов. Гораздо опасней, если Ваша сестра узнает кого-нибудь из них. Так что – оплата включает

в себя и обязательство молчания. А Вы, я надеюсь, будете исполнять исключительно функцию сопровождения, и встречаться с гостями не сможете. Полная тайна!

– Так значит, от нас требуется... – Сергей вовсе забыл, что полчаса назад собирался стреляться с гномом.

– От Вас – привезти сестру на указанный адрес за два часа до начала, – перечислял беспункты договора. – От нее – облачиться в царское и, лежа, успокоить дыхание, а после, не открывая глаз, молча вытерпеть время сеанса до конца, изображая мертвую. Подумайте! Всего-то! И всегда свои средства в своем же кошельке. Не ходить, не кланяться тетюшке. Хотя бы – на булавки!

– Я подумаю! – ответил Сергей, а гном довольно ухмыльнулся, понимая, что уже заключил выгодную сделку.

Надо было ехать на Выставку. Настал четверг и оба они, и отец, и дочь, пребывая каждый в своем собственном душевном разладе как бы ждали, что другой возьмет на себя исполнение должностной обязанности по встрече посетителей. Но никто так и не решился ни вызваться сам, ни отказаться вслух. В среду вечером принесли записку от Мимозова к Лизиному отцу, и все решилось само собой. Нужно было ехать ему, так как объявились постоянные заказчики. Лиза осталась дома.

Когда Полетаев прибыл в павильон, секретарь Саввы встретил его у входа и доложил, что прибывшие гости ожидают его в кабинете. Полетаев зашел, вместе они пробыли на удивление мало, гости вскоре откланялись. Савва, на время уступивший свое служебное место для переговоров, удивленно проводил ничего не сказавшего ему Андрея Григорьевича взглядом – тот молча проследовал в свой зал ожидать группу экскурсантов.

Полетаев вместе с разрозненными посетителями бродил среди собственных экспонатов, разглядывал их, иногда останавливался почитать таблички над стендами. Савва, наблюдавший за ним из соседнего зала, покачал головой и ушел внутрь служебных помещений. Постепенно собралась группа, и Полетаев начал свое привычное перед ней выступление. Сегодня он как-то особенно вглядывался в эти лица, как бы желая удостовериться в том, что их привел сюда собственный интерес, а не какие-то иные мотивы. Он искал то единственное лицо, которому именно что хочется рассказать о своих достижениях, как научила его Лиза. Ранее он о таком приеме не знал, и говорил, глядя над головами, или переместив свое внимание на тот предмет, о котором в это время шел его рассказ.

Теперь он видел лица. Любопытные. Серьезные. Скучающие. Насмешливые. Равнодушные. Разные, всегда разные. И, как бы параллельно с теми словами, что он знал уже почти наизусть и говорил, почти не задумываясь, внутри него стал звучать свой, неслышный никому, монолог. «Что я могу дать им? Таким разным и живущим своей жизнью? Они пришли сюда, кто случайно, кто за компанию. Да, наверно есть тут персоны и искренне заинтересованные. Но! Всего час – и они забудут думать обо мне, забудут об этих предметах, в которых заключена целая жизнь. Жизнь Наташи, Антона, их сыновей. Всех тех, кто за эти годы прошел через мастерские! Рабочих и хирургов, гравировщиков и кузнецов, крестьян и морских офицеров, акушеров и извозчиков, инженеров и конструкторов. Моя, черт возьми, жизнь! Вот стоит девочка. Как она похожа на мою Лизу! Что ей до тех замков и кинжалов? Что ей до температуры плавления и твердости стали? Одно грубое слово, и вся жизнь ее полетит под откос. Один злой человек на пути – и этой жизни вовсе может не стать. И счастье, если рядом с ней есть тот, кто может ее защитить. Кто защитил мою девочку? Разве я? Нет! Только случай. Только ангелы да воля Божья. Ах, Лена, Лена! А я обещал тебе, что на меня можно положиться. Ах, я, грешник. Нет мне прощения!»

Не дойдя и до середины экспозиции, Полетаев положил указку на стекло витрины, произнес: «Спасибо за внимание, господа и дамы», – и вышел из зала. Он постучался в кабинет Саввы, зашел и, взяв оставленные здесь шляпу и трость, не присаживаясь, спросил:

– Савва Борисович! А, если не секрет, скажи – ты на дочку старшую никогда не думал оформить банковский счет? Ты же все законы знаешь, что нужно сделать, чтобы она могла сама снимать суммы, когда надо, и вообще, распоряжаться?

– К чему это тебе, Андрей Григорьевич? – приподнял свои мохнатые брови Савва. – А! Хочешь приданое Лизе прикупить? Так давно пора! Я уж лет пять, как на каждую по именному счету открыл, даже на Шурку. По мере возможности добавляю. Арине с Аглаей, конечно, в первую очередь, им раньше жизнь начинать. Ты об этом?

– И они могут эти деньги сейчас использовать? – Полетаев явно что-то прикидывал в уме.

– Да что ты, нет, конечно, – Мимозов покачал головой. – До совершеннолетия они лишь частично дееспособны. Так что все равно нужен либо опекун, либо поручитель. Какой тебе смысл с одного счета на другой перекидывать, если речь о сегодняшнем дне идет? Пока замуж не выйдут, или двадцать один год не исполнится, все только под твоим надзором можно. Да так и есть! Или не пойму я тебя?

– А если меня не будет? – спросил, глядя прямо в глаза партнеру, Полетаев.

– Ты это прекрати, друг мой любезный, – Савва припомнил вдруг все свои предчувствия. – Что за мысли у тебя? Что-то произошло у вас?

– Нет-нет, Савва. Все хорошо, ты не так понял. Если я далеко буду, то, как Лизе хозяйство-то самой вести? Может можно через банк распоряжение сделать, чтобы некую сумму каждый месяц выплачивать ей на руки? Если поручителя спросят, ты согласишься?

– Да я всегда к твоему семейству со всем своим расположением, Андрей! – Савва все никак не мог понять намерений компаньона. – А далеко ли ты собрался? Если в свое Луговое, то хоть на все лето езжай! Что ж банк-то сюда впутывать! Я Лизе, сколь надо давать буду, после сочтемся.

– Не то, не то, Савва Борисович. А если на дольше?

– Куда ж на дольше-то? – Савва совсем опешил. – Или куда на службу позвали? Что-то так быстро ты сегодня переговоры кончил? Что порешили? Скажешь сейчас, или уж до собрания Товарищества повременим? Контракт возобновили и все, или что еще предложили?

– Не предлагали ничего. Нет, – Полетаев вертел в руках шляпу. – Да и чего собрания-то ждать? Тебе сейчас скажу. И контракта никакого вовсе нет, Савва Борисович. Сказали, что повременят до конца Выставки, если решат – новый тогда заключат, а этот продлевать не станут. Я, было, скидки хотел предложить, так представитель сразу пресек, сказав, что полномочий торговаться не имеет, а только предупредить послан, что поступления с будущего месяца прекратятся. Собрание-то внеочередное созывать будем? Или до осени подождем? Я бы, Савва, совсем от дел отошел и свою долю хоть сегодня на тебя переписал, да на мне долгов столько, что не смею. А уехать мне надо.

– Ты! От дел бы отошел? Нет, что-то происходит у вас, я чую! – Савва ответа не дождался, долго вглядывался в напарника и уже спокойным тоном продолжил: – Да какое собрание, Бог с тобой. Езжай спокойно. Я сам на днях в Москву собираюсь. Подумаешь, один клиент отвалился! Разве это повод? Даже и не думай, и внимания не обращай. Это рутина.

Полетаев вышел из павильона, сел в пролетку и велел Кузьме:

– В банк!

Принесли записку и Лизе. Жизнь не прекращала своего течения, ей дела не было до полетаевских переживаний и желаний уединиться, разбираясь в своей душе. У жизни были свои расчеты, события, резоны. Писала Лида Оленина. Просила зайти на следующий день к вечеру

по адресу, что приложила к записке – она собиралась завтра уходить из Института домой, потому что в субботу приезжали ее домашние. Напомнила она Лизе и об обещании в помощи по уборке и просила дать знать – рассчитывать на ее няню, или самой что организовывать? Егоровна тут же отправилась к женщине, что приходила к ним убираться, и, вернувшись, сообщила, что у той завтрашний день оказался свободен, и они обе готовы к работе. Лиза написала подружке ответ, и в нем предложила забрать ее от ворот, и уже вместе поехать к ее дому, назначила время.

Вернулся отец, они сели ужинать и Лиза все время ловила на себе его короткие взгляды. Как будто он жалел ее. Или прощался. Но, так как в последнее время, говорить они стали между собой совсем мало, то спросить Лиза не решилась. А «поймать» ни один из его взглядов не получилось, отец тут же отводил глаза. Так же перестали они обмениваться и планами на следующий день. Почти в полном молчании проходили теперь все трапезы, которые от этого стали и короче, и безрадостней. Но Лиза только вздыхала, а говорить настроения так и не приходило. Полетаев молчал. Егоровна гремела посудой. День кончился.

Утром Лиза нашла на столе в столовой конверт со своим именем и недоуменно посмотрела на Егоровну, узнав почерк.

– Что ты на меня-то смотришь, доню? – Егоровна водрузила на стол самовар. – Все молчите и молчите между собой. Вот и докатились, письма теперь писать друг дружке станете. Он-то спозаранку уже укатил куда-то!

Конверт был от отца. Лиза заглянула внутрь и увидела небольшую записку и ключик. С удивлением прочла: «Милая Лиза! Прости своего нерадивого отца. Так мало уделял я внимания Богу, что, видимо, решил Он мне о себе Сам напомнить. Спасибо, что не наказать. Забыл я свой долг, не смог тебе стать опорой и защитой, все Его милостью только. Не знаю, как и наверстывать. Если Он решит покарать, то пусть только меня одного, а тебя не тронет и по-прежнему хранит. Храни тебя Господь, девочка моя! Ключ этот от секретера, ты знаешь какого. Там деньги на первое время. Как кончатся – обратись к Савве Борисовичу. Хозяйствуй сама, меня не ищите».

Лиза прошла в отцовский кабинет, отперла секретер и увидела пухлое портмоне, до отказа набитое мелкими купюрами, которые, видимо, специально так разменяли для удобства. Она пересчитала – там было ровно две тысячи рублей. Как бы ни была Лиза неопытна в ведении хозяйства, она понимала, что такие деньги не могут «кончиться» ни за два, ни за три месяца. Сердце захолонуло. Она побежала на кухню, к Егоровне. Прочитав вслух письмо, не называя сумму, но сообщив сам факт об оставленных на хозяйство деньгах, Лиза ждала ее вердикта.

– Ох, вот оно аукнулось, – няня опустила на низкую скамеечку, на которой всегда чистила картошку и другие овощи. – Видать защемило душу-то благодетелю нашему. Да только куда ж ему податься-то? Обожди, доню. Вот Кузьма возвратится, все обскажет, что, где и как. Небось, к Наталье под крыло снова улетел, грехи-то замаливать. Куда ж он от своих ножичков да замочков далеко денется? Тоже ведь – долг. Хотя, уж если от тебя убег, то и не знаю, что думать. Пусть как есть идет, обождем. Не мальчик, чай. Не затеряется.

– Няня! – Лиза от возмущения, аж всплеснула руками. – Как это не затеряется? Он, что, вот так, ничего не сказав, ушел из дому?

– Не он первый, – вроде как безадресный укор бросила няня, перебирая картофелины в корзине, но Лиза тот час же покраснела.

– Боже мой! Это папа меня так наказывает, да? Что ж мне еще-то надо сделать, чтобы вы все меня простили?! – и Лиза разрыдалась.

– Поплачь. Покричи. А то, как неживая ходишь! – у Егоровны самой покраснели глаза. – Ох, намучилась я с вами!

– Няня! Что мне делать? – спросила Лиза совсем по-детски.

– А и не скажу я тебе ничего нового, доню, – Егоровна утерлась уголком фартука. – Делай, что должно, а там видно будет.

Лиза пошла в Большой дом и через силу отзанималась с Аленкой, потом вернулась во флигель. Так как Кузьма все еще не появился, то надо было выйти из дому пораньше, чтобы взять извозчика. Лиза глубоко вздохнула и стала приводить себя в порядок, чтобы ехать в Институт за Лидой.

Забрав подругу, Лиза смогла поговорить с ней только по пути, узнав свежие новости об Институте, о Леночке. А потом весь вечер чувствовала себя неприкаянной и лишней. Женщина, что пришла наводить порядок вместе с Егоровной, постоянно обращалась с вопросами к молодой хозяйке – где что лежит, кому какое белье стелить, в чем кипятить воду. Егоровна была у нее на подхвате. Лида распорядилась и носила нужные вещи с этажа на этаж, во двор, бегала в лавку. Лиза пыталась помогать, но ей ничего не давали делать: «Не барское это занятие, не мешайся, доню». Разговора не получалось, Лида тут же убежала снова. Лиза измучилась, ожидая окончания этого муторного дня, чтобы вместе с Егоровной поехать домой.

– Завтра встречу своих, но... В первый день, знаешь же как, Лиза? – Лида была не похожа на себя институтскую, совсем другая дома, может просто растерянная от нового своего положения. – Пока все распакуется, пока устроим Петю. В баню пойдем, наверно. А вот в воскресенье приходи. К обеду! Вы нам так помогаете, спасибо – и тебе, и няне твоей. Я б одна совсем растерялась... Я и города-то совсем не помню, и цен не знаю, и как что вообще. Мама тоже тебе благодарна будет, приходи. Сему помянем, в среду сорок дней было. С братом поближе познакомишься, с мамой. Прости, что сегодня так суетно все.

Лиза обещала прийти. На следующий день она осталась во флигеле надолго одна, Егоровна ушла на базар. Лиза села за пианино в людской и начала разбирать этюд, к которому давно не решалась подступить. Поняв, что, на удивление, у нее все получается с первого раза, решила отложить вовремя, чтобы не сглазить и не заиграть. Стала «для себя» наигрывать знакомые сто лет вещи. Но то начла – бросила, это не пошло... А! Вот, что ей нужно сейчас!

Когда Егоровна отперла снаружи дверь, то поняла, что весь дом наполнен громкими фортепианными звуками. Лиза часто поигрывала и до этого, но такой силы и напора исполнения никогда не позволяла себе, если кто-то бывал в доме, а до сих пор так было практически всегда. Музыка была тревожной, волнующей и как будто сметающей на своем пути все невидимые преграды. Мятежной! Егоровна застыла с кошелками в прихожей, чтобы не вспугнуть. Пусть себе – выплеснет все, что накопилось, а то, сколько ж так можно! Музыка оборвалась, видимо, Лиза все-таки услышала звук открывающейся двери.

– Ты давно здесь, няня? – спросила она застигнутую врасплох Егоровну.

– Да только вошла, доню. Заслушалась! Ах, как хорошо ты играла. В церкву-то пойдем сейчас, собралась ты? – без перехода сменила она тему.

– Почему сегодня-то? – удивилась Лиза, хитрый ход Егоровны удался. – Может, как всегда, в воскресенье? С утра, до гостей? Я успею.

– Ох, перепутала я все, старая! – закудаhtала няня, перетаскивая поклажу в кухню. – Конечно, конечно завтра! Сегодня делай, что хочешь, дитятко.

А «дитятко» вовсе не могло придумать себе занятия в опустевшем доме. В город ехать было немислимо после тех ее, еще не забытых, прогулок. Да и незачем. Намаявшись от безделья, Лиза достала припрятанный с пикника журнал и до темноты читала неоконченный роман – раньше все ждала, что, может, найдется, где продолжение. А утром в воскресенье в церкви молилась истово, как давеча играла – на разрыв. Потом вспомнила маму, и как та ее учила – если уж принесла страсти к Богу, то тут, наоборот, утихни, да старайся приводить все к спокойствию и пониманию. Стала мысленно проговаривать слова своей мольбы более осознанно,

даже для себя точнее выражая свои взывания ко всевышнему. А чего, собственно, она просит? Чего хочет? «Чтобы было, как раньше!» – совсем по-детски сложилось желание у нее в голове. И снова вспомнилась мама, их самые первые походы на службу с маленькой Лизой. Уже тогда мама объясняла ей, что «как было когда-то» боженька не поймет, не услышит, потому что считает, что все это уже прожито, пройдено с его помощью, кончилось. Что нынче все вовсе другое! Что даже если хочешь похожего на то, что было прежде, то скажи чего именно из того времени тебе надо, не полного же повторения всего сразу, а так, чтобы было ясно – того-то и того-то. И Лиза стала думать.

«Чтобы дома было хорошо, все снова были вместе». Но вот позавчера же еще были все вместе, разве было хорошо? Уже нет. «Чтобы дома был мир и понимание, радость, спокойствие, чтобы все были довольны». Будет она довольна, если папа вернется? Да, конечно! Но, если он будет дома, но как всю эту неделю, снова будет при каждом случае всматриваться в нее с болью и страхом, то нет! Мало того, чтобы просто вернулся. Довольной она сможет стать, только, если глаза отца снова будут молодыми и сияющими. Счастливыми! А для этого, получается, счастливой должна быть она сама, иначе никак.

Но это же невозможно, невозможно, невозможно! О, Господи! Или все-таки есть какая-то надежда? Ну, не может же быть, чтобы вот так на всю жизнь? Сергей... Нет, «он». Лиза даже в мыслях не могла вспоминать его имя, так было больно. А вдруг, она что-нибудь неверно поняла? Что, если он тоже страдает сейчас, но не смеет пойти на сближение? Может быть, если поговорить, встретиться вновь? Но, нет! Она не сможет даже взглянуть ему в глаза. Еще и то письмо! Там все сказано так однозначно. Какое уж тут «счастье»...

А когда она последний раз видела счастливым отца? Да, верно, вот, когда он из Лугового вернулся. Тогда, может не только она может быть залогом его счастья? Спокойствия – да! Но она больше и не выйдет из дома никуда! Да-да! Не выйдет. Лиза ничего не хочет для себя, только душевного спокойствия папе и няне. А счастья, может, ему даст что иное – мастерские, успех? Да, вот это. «Пусть у папы наладятся дела!» Ну, вот вроде так. И еще! «Пусть найдется, наконец, Митя». Лиза подумала еще. «И пусть у Нины все сложится так, чтобы ее душа была довольна и согласна. Пусть она будет счастлива!»

Лида провела первую свою самостоятельную, взрослую ночь в родимом доме одна. Долго не могла уснуть, вспоминала. Сначала припомнила старое – как маленькими детьми жили они тут все дружно, как братья опекали ее, как не боялась она ни одного чужого мальчишки, ей стоило только свистнуть – все в округе знали, чья она сестра. Свистеть дочь полковника научилась с раннего детства, все-таки росла с мальчиками. Вспомнила, как родилась потом Леночка. Как не стало папеньки. Как трудно ей самой было первое время в Институте. Там девочки делились на группки, а она долго не могла ни с кем сойтись близко – у тех, кто принадлежал к высшим слоям общества отношение, к таким как Лида, было снисходительным, а принимать его она, выросшая в дружной большой семье, не умела вовсе. А из девочек «попроще» никак дружба ни с кем не завязывалась.

Вспоминала, как позже, когда они все повзрослели, поумнели и во многом сравнялись, стала она много разговаривать с Лизой Полетаевой, как им стало интересно вместе, как они учились помогать друг другу, ничем не ущемляя ни гордости, ни заслуг друг друга. Как потом к их «кружку» присоединилась Нино Чиатурия. Представительница высших кругов аристократии, девочка с волевым характером и вполне уже к тому времени сформировавшимися взглядами перфекционистки, она была сильна и сама по себе. Но, объединившись втроем, они, такие разные, но в чем-то неуловимо схожие – в душевных устремлениях, в чистоте помыслов, в предрасположенности к самопознанию и развитию – они дополнили друг друга и стали чем-то единым. Поэтому очень тяжело для каждой из них давалось расставание и разрушение этой

целостности. Теперь приходилось узнавать себя заново и учиться жить и принимать решения, не всегда имея возможность опереться на подруг. Странно, Лида вовсе не могла сейчас вспомнить их обеих в младших классах. Вспомнила про сестренку. Как она там, теперь одна, без нее?

Старый дом напоминал о себе забытыми звуками, поскрипывал половицами, пугал несущестующими шагами на первом пустующем этаже. Лида заснула только под утро, думая как бы не проспять. Она хотела еще успеть приготовить какую-нибудь еду до встречи поезда. У нее оставалась часть тех денег, что субсидировали ей однокашницы, да и мама заплатила ей небольшое жалование за тот месяц, что она выполняла обязанности воспитателя. Хотя готовить Лида умела только в пределах той программы, что давали им в Институте по домоводству. Предмет излагался поверхностно, так как считалось, что дамам света эта часть женских проявлений вряд ли сможет пригодиться.

Лида Оленина приехала на вокзал заблаговременно, встав утром легко, и, на удивление, чувствуя себя отдохнувшей и свежей. Решила купить только молока и хлеба и ничего более не делать заранее. Приедут домашние – решат все вместе, может, сегодня они пообедают в кухмистерской или трактире. Мама скажет.

Стоя на платформе, она опасливо косилась на топтавшегося неподалеку долговязого детину простоватой внешности. Лида вовсе не знала, как вести себя с навязчивыми кавалерами, а ей показалось, что преследует этот персонаж именно ее. Она первый раз столкнулась с ним еще на площади, сходя с извозчика – он задел ее, вроде бы случайно, не заметив, на бегу, и чуть не отдавив ей ногу. Мельком извинившись, он умчался вперед, но пару раз оглянувшись, сбавил свой темп движения. Потом они потерялись в вокзальной толпе. Разобравшись в хитросплетении переходов, Лида нашла нужное ей направление и тут второй раз увидела возвышающийся над головами уже знакомый картуз. Узнав у вокзального смотрителя, где будет остановка нужного ей вагона, она, через пару минут ожидания в указанном месте, снова заметила длинную фигуру, и теперь та маячила постоянно рядом.

Но вот раздался гудок, и показались клубы пара. Прибыл поезд. Из вагона постепенно спустились все пассажиры, и лишь в конце она увидела маму. Та еще сильней поседела, но выглядела энергично и давала кому-то распоряжения вглубь тамбура. Со ступенек ловко соскочил пропущенный ею вперед незнакомый молодой человек, он подал Олениной руку, а после они вдвоем помогли спуститься плохо ещедвигающемуся Петру. Его Лида узнала с трудом! Похудевший, осунувшийся и с каким-то странным выражением глаз, брат показался ей не только резко повзрослевшим, а чуть ли не постаревшим. От бывшего круглолицего весельчака и простака Петруши осталась лишь неясные воспоминания.

Тут полковница заметила встречающую их дочь и, распахнула навстречу ей руки, желая подойти и обнять Лиду, но наперерез кинулся давешний долговяз в картузе и бесцеремонно вклинился меж ними.

– Госпожа Оленина? Мне Вас точно описали, Вы да двое сопровождающих. Ну! Привезли? – и он вопросительно уставился на полковницу.

– Господи, да кто Вы, молодой человек? Что «привезли»? Почему Вы кидаетесь на людей? Алексей, Алексей, разберитесь, голубчик.

– Что Вам угодно? – спросил у картуза молодой человек, помогавший Олениной выйти из вагона. – А! Вы, видимо, Кириевский, как я понимаю?

– Кириевских! Простите, в суете не представился, – долговязый явно пребывал в нетерпении, но стянул с головы картуз в знак приветствия и теперь мял его в руках. – Кириевских Игнат. Игнат Федорович. У мадам для меня должна быть посылка.

– Да, да, дорогой Игнат Федорович. Но не все сразу, – у Алексея были такие глаза, будто он каждую минуту собирался заплакать. – Повремените, как багаж получим.

– Алешенька, что за посылка? – недоуменно спросила Лидина мать.

«Получим», «Алешенька» – с удивлением услышала Лида, – Так он вместе с моими что ли? Знакомый, или так – попутчик?» – Она все-таки решила сама подойти к матери и они, наконец-то, обнялись.

– Так как же, Ольга Ивановна! – продолжал объяснения полковнице большеглазый Алешенька. – Подарок к свадьбе. Помните, просили доставить?

– Ах, это! – мать отстранила от себя Лиду, чтобы лучше рассмотреть, как та изменилась за месяц. – Ничего себе «посылочка», да там целый ящик! Познакомьтесь, Алексей, это моя старшая дочь. Лидия.

После началась вокзальная суета. Лиду оставили с Петрушей, и, пока получался и грузился на ломовика багаж, брат с сестрой беседовали, как бы заново узнавая друг друга.

– Петенька, ну ты как? – осторожно спросила Лида.

– С божьей помощью, сестренка, с божьей помощью! Ты-то как? Я ж тебя с осени не видел. Взрослая. Барышня.

– А я еще не поняла, Петь! – с облегчением ответила Лида, не заметив в речи брата ничего из того, чего боялась после писем матери – ни явной душевной смуты, ни помрачения разума. – Я же только вчера из Института. Только ночь без вас дома была. А кто это с вами?

– Алексей! Божий человек. Спаситель мой, брат теперь кровный. Ты полюби его, Лидушка! Когда-то его, еще там, в Москве, к нам на фатеру селить не хотели, а я настоял, пожалел неприкаянного. Он и на курсе все один, да один мыкался. А мне его тогда, оказывается, ангелы за руку привели, так-то вот.

– Так это тот самый Семиглазов? – Лида аж всплеснула руками. – С собой привезли! Молодцы какие. А я все его мужеством восхищалась, как мамины письма читала. Представляла его совсем другим. А он такой... Мелкий. Щупленький. Совсем не геройской наружности. А глазищи, это да!

– Да уговорили! На старую-то фатеру никто из нас не вернулся. Не смог. – Петр вздохнул. – Он так с нами и ютился после больницы, там, где маменька поселилась. А как ехать нам сюда уж время было, так она и говорит – пока лето, да учебы нет, давайте с нами, Алексей, у нас дом большой. Он и согласился. В первом этаже его поселим.

– Ох, мне сегодня ночью чудилось, что там кто-то ходит, – по секрету, как бывало в детстве, поделилась с братом Лида.

– Думаешь, душа Семкина не угомонилась? – напрямую спросил ее Петр.

– Ох, я не знаю! – перекрестилась Лида. – Я решила, что показалось мне.

– Ничего, сестренка. Я уже почти целый. Вот еще малость поправлюсь, отмолю Семку. И себя, и всех. Сто земных поклонов бить стану! На коленях до заступницы доползу! – взгляд брата стал неистовым и темным, Лида никогда прежде не видела таких глаз у него и испугалась.

– Да ладно тебе, братец. Как Бог сил даст, – она решила от греха переменить тему. – А встречал вас кто? Вот этот длинный? Он что, жених?

– Да не знаю он сам жених, или кто из дружков его. Это с Семкиного курса один знакомец на поминках попросил, как узнал, что мы поездом в Нижний поедом. Переправить подарок к свадьбе, вроде как сервиз какой. Не смогли мы его однокашнику в просьбе отказать, все равно багажом многое пришлось везти. Я же, сестренка, насовсем домой вернулся. Так-то. Со всеми пожитками. Кончилась моя учеба. Баста!

– Может быть, ты еще передумашь? – Лида была очень удивлена. – Ведь в университет столько сил вложено, столько лет?

Петр посмотрел на нее долгим вдумчивым взглядом и ничего не ответил.

У Лизы продолжалась жизнь самостоятельная. Егоровна, попривыкнув к отсутствию хозяина, взяла, что называется, волю. Да Лиза и не возражала, обходились они мирно. Днем,

собравшись к Олениным, Лиза принарядилась, ведь она была звана в гости. Увидев ее, Егоровна, не прекращая затеянного дела, оценивающе глядела из проема дверей кухни, пока Лиза обувалась.

– Что не так, няня? – Лиза раздражалась, чувствуя себя под этим взглядом неудобно, а, зная Егоровну, понимала, что взгляд этот неспроста и той есть, что еще и сказать.

– Да так, все так, доню, – и Егоровна оттопырив нижнюю губу, продолжала начищать мелом серебряную ложку.

– Ну, не так, я ж вижу, – Лиза распрямилась и спрашивала уже без вызова в голосе. – Ну, смотри, ты же на пол сыпешь.

– Ты, дитенок, вроде мудрая девочка у нас. Добрая. Ты ж была у них в доме, – мел сыпался на паркет в коридоре, а няня вроде как того не замечала.

– Ну, была, и к чему ты это? – непонимающе ответила Лиза.

– К тому, что ты ж видала, как они живут. Какое у них бельишко. Какие шторы.

– Господи, шторы-то их причем? – Лиза подошла к няне ближе. – Егоровна, милая, ну не воспитывай меня сейчас. Скажи прямо, я в догадки играть нынче не настроена, правда.

– У тебя вон – чулочки кружевные. Простых что ли нет? – кивнула няня Лизе на ноги.

– Есть, но они же на каждый день. А сейчас гости, – Лиза смутно начинала догадываться.

– И платье, чуть не шелк! Ты б еще забудки свои надела!

– Няня! – Лиза снова прикусила губу, это уже становилось ее новой привычкой. – Ты хочешь сказать, что надо одеться проще?

– Самое простенькое, что есть, надень, доню. Оно так лучше будет.

Лиза побежала переодеваться.

У Олениных было шумно. Хоть повод был трагическим, а сборище оказалось неожиданно юным, а потому горластым и звонким. Всего две женщины пришли возраста Лидиной матери, остальные, кто собрались – молодежь. Одеты все были не то что просто, а многие бедно. Видимо, это были студенты, такие же, как Петр и Семен. Лиза, увидев других гостей, няню, в которой раз, в мыслях, поблагодарила. Даже ее «самое простенькое» летнее платье казалось здесь неуместным вызовом – и ткань, и фасон, и отделка. Лиза пообещала себе, что первое, что она сделает на неделе, это пойдет к модистке. Из оставленных отцом денег она возьмет только самую необходимую сумму, но ей нужен костюм для экскурсий и какое-нибудь совсем простое одеяние, чтобы не отличаться от Лидиных приятелей. Ведь после отъезда Нины, они теперь самые близкие подруги остались, и Лиза надеялась видеться с ней часто.

За столом все перезнакомились. Приехавший из Москвы вместе с Олениными Алексей Семиглазов смотрел на Лизу с таким восхищением, что она даже засмушалась.

– Алексей, Вы на мне дыру прожжете своими глазищами! – смеялась она.

За столом пили красное вино, но Лиза, помня о ярмарочных похождениях, даже глядеть на него не могла и пила квас, но, кажется, захмелела просто так, за компанию со всеми. После первых слов о погибшем сыне и брате, помянув его как положено, разговор стал более оживленным, да и молодость брала свое. Поздравили Лиду с окончанием Института и с медалью, пожелали всего-всего и ей, и Лизе. Все делились впечатлениями – кто от дороги, кто от Выставки, кто от учебы в других городах.

В разгар застолья в дом пришел вчерашний долговязый «жених». Лизе поведали его историю с посылкой, которую накануне он так и не смог получить – у багажного вагона железнодорожные служащие, не предупрежденные заранее, погрузили все числящееся по квитанции имущество на заказанного ломовика гуртом. Ящик Игната Федоровича оказался в самом низу, и разбирать всю поклажу, конечно, не стали.

– Вам прямо нынче необходимо? – горевал Семиглазов вместе с незадачливым получателем. – Свадьба-то сегодня или завтра? А то приходите по адресу, как распакуемся.

– Не могу дольше ждать, у меня собрание через час, – отказался Кириевских.

– Собрание? – не понял Алеша. – Мальчишник, что ли?

– А! – только невнятно махнул рукой то ли жених, то ли нет.

– Тогда завтра, милости просим в любой час, – пригласила его Ольга Ивановна. – Жаль, но мы не знали, что Вы будете встречать нас на вокзале, нас не предупредили. Простите, что так получилось.

– Ничего! – Кириевских погладил свой ящик ладонью и даже улыбнулся впервые. – Полгода ждали, еще денек обождем!

И вот он образовался на пороге, упираясь макушкой в притолоку. Гости, обрадовавшись поводу, высыпали во двор. Игнат Федорович явно этого не ожидал, и все пытался какими-то знаками объяснить с Семиглазовым, коего уже посчитал тут главным ответственным за свою посылку. Вещи все еще вчера разобрали с повозки, и ящик стоял теперь в сарае.

– Вот! – отпер дверь Алеша. – Забирайте. Тяжеленький сервиз, хочу я Вам сказать, милостивый государь. Аж, тряслись все над ним, чтобы не побить. А ну, вспомогни, ребята. Да аккуратненько!

Гости дружно вытащили ящик во двор.

– Да Вы с ума сошли! – шепотом кричал на Алексея Кириевских. – Вы еще громче орите, на всю улицу! Еще околоточного пригласите, пока сам не догадался.

Алеша опешил. Эти слова услышала только Лиза, оказавшаяся рядом, остальные крутились подле ящика.

– А как же Вы один понесете такую громадину? – спросила она у Игната. Тот почесал в затылке.

– А и славный ящик! – нахваливал Алексей и переглядывался с Лизой, не поняв слов про околоточного. – Уж, не знаю, какая ценность внутри, а мне сама тара глянется! То-то будка для пса вышла бы. Ах, как я хочу собаку, друзья мои! Здоровенную. Волкодава. Ну, или хоть какую. Да я, знаете ли, ни дня с детства в собственном доме не жил, все по родственникам, да по чужим углам. Эх, если б мне свое жилище! А у вас такой двор, Петро, что можно было бы завести.

– Нечистое животное – собака! – нахмурился Петруша. – Благодати Божьей помехой стать может. А, если в дом забежит, то его святить будет надобно. Не держим мы собак. Никогда!

– Как же, Петруша? – изумилась таким словам сестра. – А Бецман, помнишь? Папенька даже на охоту его брал. А после еще Плутон был.

– Да что Вы, Петр! – подхватила одна из гостей. – Почитай, в каждом дворе по псу живет. Что ж тут нечистого? С ними спокойней – охрана.

– Да, заводи, Алексей, я не против, – Петр вдруг опомнился, что говорит со своим спасителем.

– Так хотите, я Вам ящик уступлю? – Кириевских все еще был в растерянности, он не подумал о габаритах послания, так был увлечен тем, чтобы его получить.

– Взаправду? – прищурился Алексей. – За так?

– За так. Берите. Он мне не нужен.

– А ну, сестренка, где у нас топор? – спросил Петруша, собираясь сорвать крышку, пока владелец не передумал, тот побледнел.

– Что с Вами? – спросила, заметившая это Лида.

– Да, что-то, знаете, во рту пересохло, – хрипло отвечал долговязый.

– Ну, так пройдемте к столу! – Лида стала приглашать всех обратно. – Вы же сегодня не спешите, я правильно понимаю? Посидите с нами, а после все и заберете, как уходить станете. Может, кому по дороге, так и поднести помогут, а? – все вокруг согласно закивали головами.

Вечер прошел просто замечательно, душевно, только что без танцев – все-таки поминки. Отлучившись в уборную, Лиза случайно увидела, как уходил Кириевских. В ящике не оказа-

лось никакого сервиза, а была только плоская большая коробка, но судя по тому, как гость согнулся под ее тяжестью, довольно весомая. Лиза удивилась, но спрашивать ничего не стала. «Наверно, я неправильно поняла. Не сервиз, а столовые приборы там. Но сколько ж их? И не понятно, зачем было упаковывать небьющиеся предметы в такое количество соломы!» Ящик был больше коробки во много раз.

Расходились в сумерках. С хозяевами Лиза договорилась встретиться в четверг на Выставке. Ее не пустили одну на улицу, Семиглазов сбегал и пригнал извозчика прямо к калитке. Уезжая, Лиза обернулась и махала рукой новым приятелям – те всей гурьбой шли провожать остальных барышень по домам пешком. Уже отъехав, она услышала, как компания, удаляясь, затянула песню.

Кузьма вернулся только после трех дней отсутствия, в понедельник к вечеру. Всегда невозмутимый, даже он сейчас казался растерянным. Егоровна начала допрашивать его прямо во дворе.

– Ну!

– Не запрягай, Егоровна, дай распрячься. Иди в дом, я сам к вам зайду, и к тебе, и к барышне.

– Да, ладно, хоть скажи как там, в Луговом? Наталья его успокоила хоть немного? А то сам не свой уезжал благодетель-то наш. Письма, вон, дома писать взялся, вроде как не в себе. И девка мается.

– Не были мы в Луговом. Вовсе не были, даже не заезжали. – Кузьма повел лошадь к стойлу. – Иди, Егоровна, дай отдышаться.

Егоровна поплелась в дом. Сказать, что она была ошарашена ответом Кузьмы, этого мало. Она практически была уверена, что растерявшийся от непривычной для него ситуации с дочерью, не зная как вернуть душевное равновесие, благодетель ее мог поехать только в одно место! В Луговое. К Наталье, от которой всегда возвращался умиротворенным. Куда ему еще было податься, она не могла даже ума приложить.

Но вот Кузьма почистился, переоделся и пришел в господский дом с докладом. Он долго вытирал до блеска начищенные сапоги в прихожей и все не решался пройти дальше – он тут частым гостем не был. Лиза сказала няне:

– Егоровна, подай чаю. Кузьма Иванович, проходите в столовую.

– Нет-нет, барышня! Как можно. Я тут уж. Да давайте я прямо тут обскажу все по-быстрому и пойду! К себе.

– Ну, так я просила тебя по-быстрому, змей! – шипела на него няня. – Взбаламутил ребенка, а теперь «по-быстрому»! Давай уж теперь обстоятельно, голубь ты наш! Иди в кухню, там накрою, раз так!

– Да, няня, давай на кухне, – Лиза приглашающе показала на ближайшую дверь и Кузьма, расшаркиваясь, проследовал вперед.

– Ну, не томи! – взмолилась Егоровна, когда все расселись, а она взялась раздувать самовар.

– Ну, значит, едем мы, едем, как всегда, он все в думах своих. А как к мосту сворачивать уже, так он как очнулся. Езжай главной дорогой, говорит. Я: «Куда ж?», а он: «Езжай!». Вот.

– Что «вот», змей окаянный! Где он? Ты ж душу всю из нас вымотал! – Егоровна хлопнулась на табуретку рядом с Кузьмой и бубнила ему почти в самое ухо, пристально буравя его взглядом.

– Вы угощайтесь, Кузьма Иванович, – Лиза пододвинула ему поближе варенье в вазочке на высокой ноге.

Кузьма с благодарностью кивнул, но хрупкого сооружения коснуться не рискнул, а стал обстоятельно переливать чай из чашки в блюдце. Егоровна в сердцах плюнула, встала из-за стола и начала греметь посудой, как она это умела. Кузьма громко прихлебывал. У Лизы по щеке потекла слезинка. Кузьма Иванович, заметив это, чуть не выронил блюдце и со звоном поставил его на стол.

– Ну вот! Что наделал, окаянный! – воскликнула Егоровна, тыча скомканной тряпкой чуть не в лицо плачущей Лизе. – Добился своего? Довел дитяtko до слез! «Ты», да «мы», да «он»! Где благодетель? Почему один возвратился, без него? Где столько дней носило? А ну, отвечай, чай он тут распивает!

– Барышня! Да Вы что! – Кузьма уж не рад был своему визиту, надо было все там, во дворе няньке рассказать, да и вся недолга, а то, вот же, мучение. – Елизавета Андреевна! Да живой он, здоровый. Домик сухой, чистый ему достался. Все путем там.

– Какой домик? – с ужасом спросила Лиза и посмотрела беспомощно на няню.

– Кузьма, ей-богу! – пригрозила Егоровна и на лице у нее нарисовалась готовность к решительным действиям, а терпение стерлось почти окончательно.

– Да я ж и говорю! – Кузьма забыл про чай и стал рассказывать довольно понятно и последовательно. – Приехали – монастырь. А рядом деревенька. Там дом гостиный. Остановились, осмотрелись. Барин пошел внутрь, службу стоять. Вечером – снова! Переночевали. Наутро – и я с ним. Я там, днем-то, пока он поклоны бил, кой с кем поговорил, расспросил. И гостей, таких же, как мы, и пару черненьких выловил. Ничего, помолчат, помолчат, да и отвечают.

– «Черненькие» – это кто? – спросила всхлипывающая до сих пор Лиза.

– Монахи, барышня. Там разные. Черные, это те, которые при монастыре служат. Есть еще и другие. Те в скиту. Они в сером, но к ним не подступись, все там их знают. Молчат! И вообще, мало кого внутрь скита пускают, только, если старцы велют. Старцев нынче осталось двое. Один совсем на ладан дышит, уж больно старенький. А другой – покрепче. Но к нему мало кто идет, говорят, больно лют.

– Так что папа? – снова спросила Лиза.

– Так вот и говорю. Думал, помолится барин раз, два, да и домой. Ан, нет! Он все приглядываться стал, что и как там устроено. На другой день мне так и говорит – езжай, мол, домой, а я тут сам уж управлюсь. Я: «Как так! Не поеду взад один! Дождусь тебя, барин!». А он: «Не жди, я насовсем сюда!». Во как.

– Как насовсем? – Лиза все смотрела на няню, как будто Кузьма говорил по-басурмански, а та была переводчиком.

– Что такое «насовсем», сдурел ты что ли? – растерянно и уже совсем без прежнего напора переспросила Егоровна, начиная понимать, что, видимо, все это взаправду.

– Там, если через перелесочек пройти, то, сначала как бы ничейная земля, а после еще один монастырь за монастырем стоит – скит называется. Строго все. Внутрь только по слову старца пускают. Кто из страждущих паломников побогаче, тот жертвует. А кто победнее, то милостью тех, кто богаче довольствуются. Охотно жертвуют, помногу. Отмаливают. Перед заборчиком скита домики стоят, на те пожертвования там квартируют и кормятся. Живи, пока старец не созреет для разговора. Но, кто того приема ожидает, те уж за ограду большого монастыря более не выходят. Одна престарелая полковница, говорят, третий год там сидит! Все не допускает ее старец. Вот грехов-то насобирала, бедная.

– Третий год? – Лиза прикусила губу.

– Старцы-то принимают лишь того, кто к разговору с ними готов будет. А как о том прознать, то только они сами ведают. При нас примчался один барин, молодой совсем, так служка на него только глянул, да сразу побежал своему докладывать. Через час приняли. Тот весь слезьми умылся, как выходил от старца. Это от того, который добрый. Старенький. А тот, что строгий – тоже, не смотри, что к нему меньше народу ездит. Он тоже может и неделю, и

месяц до себя не допускать. А как же! Нагрешил – жди. Раз сам разобраться не можешь. Вот на второй день комната в таком домике освободилась, так наш в нее и переехал, а мне уж туда ходу нет, велел домой.

– Да какие ж такие грехи тяжкие у благодетеля-то нашего, что к старцам на поклон? – Егоровна всплеснула руками.

– Да вот жеж! – Кузьма утер пот со лба, то ли от чаю, то ли от натуги. – Всю дорогу барин-то про себя приговаривал: «Грешник я, отмаливать теперь стану. Не сдержал слово, не сберег, не защитил...» А я спрашиваю: «Кого ты, барин, защищать собрался, чай, не война?» А он только вздыхает.

Лиза с Егоровной переглянулись. Лиза закрыла глаза и застыла, а Егоровна, поняв, о чем речь, вздохнула:

– Вот они все сразу-то и сошлись клином.

– Кто они, няня? – Лиза чувствовала, что слезы у нее кончились, а внутри разливается холод.

– Да отговорки его: «Вы уж сами, вы уж без меня...» Говорила, давай сходим в церкву? Постоишь. Попросишь. Покаешься. И иди себе живи снова. Все «потом», все «после»! – она спокойно налила чаю и себе. – Разве ж боженьке так нужно – то ничего, то на тебе полный воз!

– Все хорошо в меру! – народная мудрость пришлась, как нельзя, кстати, Кузьма и вставил ее с достоинством и степенностью, и снова налил себе чай в блюдце.

– Надежда да вера – добрая мера! – в тон ему отвечала пословицей и Егоровна.

Лизе сказать было нечего.

Стася разбила перед обедом свою любимую чашку – снизу та была нежно голубая, с переходом в белый и опоясывали ее бордовые розочки. Теперь голубые черепки были рассыпаны по полу, а сестра редела во весь голос. Мама с полчаса, как ушла на двор. Глеб не знал, как успокоить Стаську, та свою чашку действительно любила, пила молоко только из нее. Еще в первое лето их житья у дядечки, тот принес им всем с ярмарки подарки – ему чайную пару, сестре эту чашку с волнистым дном, а маменьке замечательную фарфоровую фигурку, где ребенок в синей рубашке ласкал кошку. Глеб с радостью забрал бы фигурку себе, но мама даже в те времена, когда еще не выздоровела после смерти папеньки, начинала улыбаться, когда ей показывали фарфоровую умильную сценку, и фигурка по праву считалась ее собственностью. Свой же подарок Глеб, поблагодарив дядечку, тогда еще убрал в буфет, решив, что он же не девчонка, чтобы пить из чашки с картинками.

Сегодня сбереженный подарок пригодился. Глеб достал ярко-красную чашечку и изда-лека показал сестре. Рыдания стихли, и Стаська заинтересованно подошла ближе.

– Вытри руки, они у тебя все в масле, а то и эту уронишь! – сказал Глеб сестренке.

Та послушно побежала на кухню и насухо вытерла ладошки маминым полотенцем.

– Дай! – тянула она свои чистые ручки к брату.

– На, держи, – и он протянул новое сокровище сестре.

На красном фоне, по которому светились золотом разбросанные листья, было оставлено окошко, в котором художник нарисовал целую сценку – девушка в старинном голубом одеянии и в кокошнике, с двумя своими подружками, заглядывалась на стоящих вдалеке добрых молодцев, в красивых одеждах и с саблями. Стася крепко схватила подарок обеими ручками и завороченно разглядывала картинку, но нижняя губа все еще оставалась надутой. Тогда из-за спины, как фокусник, Глеб достал блюдце. На нем девица в белом шарфе убегала от кавалера в красном кафтане. Улыбка расплылась по личику сестры, но рук у девочки не хватало, чтобы забрать все богатство себе разом.

– Пойди, поставь на стол! – счастливо засмеялся брат, видя такое ее восхищение, и ему отдавать свое не было жалко вовсе.

Со двора зашла Тася, неся что-то в подоле. Тут же у нее за спиной раздался стук в калитку. Она высыпала на стол несколько светло-зеленых огурчиков и, чуть не поскользнувшись на черепках, снова выбежала за дверь. Глеб прошел на кухню, взял веник и стал замечать осколки. Тася вернулась вместе с гостем. Леврецкий в этот раз специально «заглянул на огонек» в разгар дня, рассчитав, что Клима не должно быть дома. Хозяйка сразу предложила чаю, а то и отобедать с ними. Он попросился «просто посидеть», Тася достала большую миску, схватила огромный кувшин, чтобы налить воды, но гость отобрал и сделал все сам. Тася смеялась залихватским смехом, Стася вторила ей, а Глеб предвкушал, как они все вместе сейчас сядут за стол, жаль, что дядечки нету. И думал, что давно не видел свою мать такой быстрой, радостной и молодой.

Тася купала в миске огурчики и приговаривала.

– Надо же! Только июль начинается, а уже урожай, смотрите! Как Вы кстати пришли сегодня, Корней Степанович. Пробуйте, пробуйте! Глебушка и ты бери, на здоровье, да на силу! Помнишь, как бабушка с тобой маленьким присказку учила, когда первый раз в году что-то пробуешь?

– Новая новизна в рот,

Здоровье в живот,

Заячьи бега,

Да медвежья сила! – продекламировал Глеб, хрустя огурцом.

– Сладкие! – похвалил Леврецкий угощенье.

– Это что! – сияла довольная хозяйка. – Вы приходите чаще, сейчас все начнет созревать, я вас еще вареньем свежим угощать стану, как время придет. Теперь до самой осени дел будет!

– Да вот, Таисья Михайловна, боюсь, что по осени-то я к вам, дорогие мои, ходить уж и не смогу, – задумчиво протянул гость.

– Что так? – Тася на глазах сникла, расстроилась, так она уже привыкла к этим визитам, которые стали для нее неким личным стимулом – удивить, угостить.

– Наследство, Таисья Михайловна. Недвижимость в том числе. Надо ехать принимать. Да владеть, – с глубоким вздохом произнес богатый отныне наследник.

– Далеко отсюда? – Тася опустила на лавку, комкая в руках полотенце.

– Да посчитай, что в самой Москве, – все вздыхал Леврецкий. – Верстах в пятидесяти от заставы. Имение теткино. Никого у нее не осталось. Только я.

– Похоронили? – сочувственно спросила Тася.

– Да вот, только вчера вернулся. Надо здесь все дела в порядок привести, да через месяцко и поеду, – тут гость, до этого смотревший в пол, резко вскинул голову и посмотрел прямо в лицо Тасе, как будто пытаясь там разглядеть ответ на какой-то свой, незаданный вопрос.

– Далёко, – протянула вновь потухшая Тася, а гость почему-то, наоборот, воспрянул.

– Ну, так чай-то будет, хозяйшкa? – бодро спросил он.

– Да-да, – засуетилась Тася.

– Что-то разбилось у вас? – спросил Леврецкий, наступив на незамеченный под столом черепок.

– Моя чашечка! – ответила Стася, и протянула гостю красное блюдце посмотреть. – А у меня теперь новая зато!

– Ах, как красиво! Это тебе братик подарил? – догадался Леврецкий. – Прежнюю-то не жалко?

– Не жалко! – звонким колокольчиком рассмеялась Стася.

– Ну, и правильно. На счастье! – сказал гость.

– На-щастье! – повторила за ним Стася.

В четверг Лида с братом и Алексеем слушали лекцию в павильоне Саввы Мимозова. Если бы не они, то, возможно, Лиза никогда не рискнула бы, без отца, сама решиться и поехать вести экскурсию. Но, уже собираясь накануне «просто погулять», как они и договаривались с Лидой, к ней все время стали приходить и возвращаться мысли об экспозиции. Как она завтра пройдет мимо ставшего уже родным павильона, зная, что в этот назначенный день там будут ждать приехавшие из других городов и губерний люди, специально выбравшие время, чтобы ознакомиться с продукцией именно их Товарищества?

Встретившись у главного входа с подружкой и новыми знакомцами, Лиза поделилась с ними сомнениями и, не желая быть навязчивой, предложила встретиться еще через час. Но, узнав причину, новые приятели тут же, с восторгом, согласились начать осмотр с павильона Мимозова. Лиза в этот день поняла, как ответственно и непросто выступать перед людьми близкими, знающими тебя в повседневности. Завоевание и удержание именно их внимания, сохранение его на протяжении всего рассказа на уровне серьезного и внимательного отношения, оказалось чуть ли не сложнее, чем ее самое первое выступление на публике. Проводив посетителей, она впервые после лекций воспользовалась своим правом и ушла в подсобные помещения.

Весь лоб ее был покрыт испариной и ей потребовалось время, чтобы привести себя в порядок. Потом она еще минут пять просто сидела в одиночестве, чувствуя себя измотанной и опустошенной. Но, собравшись с силами, она вышла к друзьям на улицу уже прежней Лизой – подружкой и одноклассницей. И теперь они, наконец, отправились гулять.

– И что, так никто никогда и не открыл ни одного замка с секретом? – выпытывал у нее Алексей, только что воодушевленно, но безрезультатно участвовавший в завершающем этапе экскурсии.

– Почему же? – смеялась Лиза. – Дважды гости уходили с трофеями.

– С трофеями?

– В запертых ларцах спрятаны подарочки. Кто открывает – может забрать их себе.

– И что там хранится? – с любопытством вступила Лида.

– Нет-нет-нет! – смеялась Лиза. – Это тайна. Сначала надо отгадать секрет замка.

Лиза, как заправский корифей Выставки, должна была, по идее, продолжать роль экскурсовода, но ей сейчас хотелось чувствовать себя такой же свободной и беззаботной, как и остальные. По чувству долга, мучавшего ее изнутри, она попыталась описать пару достопримечательностей, мимо которых они проходили, но делала она это коротко и вскоре умолкла. Каково же было ее удивление, когда оборвавшийся рассказ подхватила Лида! Та знала про многие павильоны, про их владельцев и создателей, и даже про некоторые экспозиции внутри них.

– Лидочка! Да ты была здесь уже? – воскликнула удивленно Лиза.

– Да, как-то к слову не приходилось, но была. Даже, можно сказать, бывала. Нас же не посвящали во все это, Лиза, потому что мы готовились к экзаменам, а другие классы активно принимали участие, тут же и Мариинский павильон есть. А когда я осталась после выпуска в Институте – да еще то ли ученица, то ли работница – то меня привлекли и к Выставке. Я сопровождала оставшихся на лето малышей сюда на осмотр, и еще пару раз – приезжих гостей. И в павильоне помогала.

– Ах, как здорово! И как мы не встретились с тобой? Но, веди нас туда! А я ни разу в родной-то павильон и не зашла. Можем мы встретить там кого-нибудь из знакомых?

– Если только из Института сегодня туда направят группу. Но в самом павильоне постоянно служит Рашель Ивановна, помнишь ее?

– Это приходящая учительница словесности, она вела у нас уроки классе в пятом, да?

– В четвертом. Она еще преподает в женской гимназии и в воскресной школе. В этом году у нее Леночка училась.

Они вошли в павильон, и Лиза сразу вспомнила не только саму преподавательницу, но и их отношение к ней в Институте, как к человеку строгому, но справедливому, при этом очень интересному и энергичному. Еще пришло ей на память, что девочки, придумывая всем институтским дамам прозвища, Рашель Ивановну звали «наша Белочка». По всей вероятности это был сокращенный вариант от первоначального «белка в колесе», потому что не только видеть, но даже вообразить эту женщину сидящей или ничего не делающей, не представлялось возможным. Ей удавалось все и сразу, она делала сто дел одновременно, раздавая задания всем, кто попадался под руку, причем после всегда помня кому и какое.

– Оленина, здравствуйте! – приветствовала она Лиду, как только они переступили порог. – Почему так давно не приходите? У меня накопилась куча дел для Вас!

– Здравствуйтесь, Рашель Ивановна! Но разве я обещала? Простите, я совсем не помню этого.

– Нет-нет, мы ни о чем конкретно не договаривались, просто я запомнила наш разговор с начальницей о преподавании и имела Вас в виду. Но, если Ваши планы изменились, то я предложу другим, не беспокойтесь.

– Рашель Ивановна! – Лида указала ей на пришедших вместе с ней гостей. – Познакомьтесь, мой брат Петр, его друг Алексей Семиглазов, а Лизу Полетаеву Вы должны помнить по Институту. И расскажите нам подробно о Вашем предложении. Мадам Вершинина ничего мне не могла передать, потому что я уже покинула Институт.

– Покинули? – с разочарованным видом переспросила учительница.

– Да, насовсем. Я приняла решение не оставаться в пепиньерском классе.

– Жаль, – Рашель Ивановна явно была опечалена расстройством каких-то ее планов, но тут же взяла себя в руки и улыбнулась друзьям. – Жаль, Оленина, у Вас есть определенные задатки к преподаванию. Здравствуйтесь, Полетаева! Поздравляю вас, барышни, с окончанием учебы и началом самостоятельной жизни.

– Благодарю Вас, – ответили девочки почти хором.

– Ну, так Вы теперь свободны, Лидочка? Тем более я хотела бы задействовать Вас в своих прожектах. Как Вы смотрите на то, чтобы поездить по губернии?

– Поездить? Я? – Лида опешила. – Вы предлагаете мне одной ездить в другие города?

– Ох, скорей нас интересуют деревни, – вздохнула Рашель Ивановна.

– Нет, это невозможно! Я уже имею одну ученицу здесь, в городе, я обещала ее родителям постоянные занятия. Да, боюсь, и мама меня не отпустит! – объяснила свой отказ Лида.

– А Вы, Полетаева? А молодые люди? Возможно, они взяли бы на себя роль сопровождения?

– Молодые люди – студенты Московского университета и здесь проводят летние каникулы, – улыбаясь, ответила за всех Лида. – А в чем все-таки суть вопроса? Мне уже жутко любопытно! Может быть, мы сможем помочь каким-то иным способом?

– Дело в том, что у группы городских преподавателей возникла идея, объединив накопленный опыт, и усилив учительский состав энтузиастами из молодежи, изменить положение дел в губернии с неграмотностью, – начала энергичный рассказ Рашель Ивановна. – Но необходима подготовительная работа, без нее – никак. Если кто-то из ваших знакомых, может быть по роду службы, связан с поездками по губернии, испросите для меня его участия. Нужно заблаговременно объехать как можно больше окрестных сел и пригородных усадеб, узнав, где хозяева согласятся на устройство школ, и будут содействовать этому, хотя бы выделив помещение и не препятствуя занятиям, – она посмотрела на изумленные и недоверчивые лица ее слушателей и продолжала: – На этой выставке неимоверный успех имеют наши воскресные

школы. Огромное внимание к ним! Вы не представляете, как это вдохновляет. Через пару лет, я уверена, что в таких школах будут обучаться даже взрослые ученики. Вот увидите! Даже в самом городе, здесь!

– Может быть, мы могли быть Вам полезны именно здесь, в городе, мадам? – спросила Лиза.

– В городе была идея создать ряд публичных библиотек и читален, но это решается совместно с епархией. Наверно ближе к осени, нам потребуются добровольные помощники, да. Хотя бы по сбору литературы. Я буду иметь вас в виду, барышни, благодарю!

– Наша Белочка всегда берет быка за рога! – смеялась Лида, выйдя из павильона на территорию Выставки. – У нее удивительная способность держать в уме множество людей, дел и планов, тасовать их и распоряжаться ими.

– Я уж, было подумал, что нам не отвертеться, и уже вечером надо будет трястись в телеге, объезжая губернские села, – вторил ей Семиглазов. – Хотя начинание достойно уважения! Я сам знаю, как тяжело пробиться мальчику из маленького местечка, даже если к этому есть огромное желание. А уж безграмотному, то совсем край!

– А как пробились Вы, Алексей? – спросила Лиза. – Я из Ваших слов, сказанных по разным поводам, представляю так, что Вы давно живете без родителей?

– Да, Елизавета Андреевна, но мне повезло. Грамоту я выучил, как к крестной попал. А у нее братец служил при монастыре, так меня на лето отдавали монахам... А там между делами, один из них обучал меня наблюдениям за природой, географии, истории и немного математике. Потом я сам много читал, благо у крестной дом был с книгами. Потом смог поступить в городское училище, ходил за восемь верст туда. Первый год за меня монахи платили, после стал стипендиатом, вот, как и Лидия Пантелеевна. А как окончил, то сам давал уроки, поднакопил и поехал в большой город. Крестная-то деньгами помогать не могла, а вот харчей, когда, с оказией и присылала. Так за год я в гимназии сдал экстерном весь курс. Ну, и в Москву!

– С Божьей помощью! Всё праведное только через Него! – мелко крестился Петр.

Если домашних и настораживало это резкое изменение мировоззрения студента-биолога Петруши и его уклонение в сторону религии, то они старались принимать это за что-то неизбежное, понимая, какое потрясение пережил он совсем недавно. Может, успокоится со временем, да и дурного в том ничего нет, думалось им, не сравнить с Леночкиным заиканием. Но разговоры такого плана они старались не поддерживать, потому что Петр в них доходил иногда до состояния экзальтации, впадая в роль обличителя пороков и, указывая всем, каким путем нужно их искупать. А это становилось угрожающе-навязчивым и неприятным, тем более, что в семье хоть и придерживались традиционной религии, но особого рвения к церковным проявлениям до этих пор ни у кого не наблюдалось.

Лиза побаивалась подобных его выступлений еще с первого дня их знакомства, но теперь, думая об отце, страх в ее душе уступал место то ли состраданию, то ли снисхождению к беде парня, и она его скорей жалела и тоже старалась сменить тему при таких его выпадах, чтобы не усугублять.

– Посмотрите, Петр! – захотела она переключить его внимание на что-нибудь внешнее. – А вот этот павильон вы с Алексеем, возможно, могли уже видеть. Не узнаете?

– Мы могли его уже видеть? – удивился Семиглазов, который ловил каждое Лизино слово. – Да где же, Елизавета Андреевна, ведь мы только неделю в городе, а на Выставке впервые. Это же все возводилось к ее открытию, и даже приезжая сюда на побывку, вряд ли и Петр мог бы попасть на строительство. Как же?

– Да это же Центральный павильон с прежней выставки! – с веселой укоризной излагала Лиза жителям Москвы историю постройки с прошлым. – Московской Выставки! Ему уж

больше десяти лет, а он все служит. Еще лет пять назад в нем устраивали Французскую торгово-промышленную выставку, а год назад разобрали и перевезли в наш город. Вы не узнали его?

– Да, мы, знаете, как-то раньше по выставкам и не... – начал было оправдываться Алексей, но тут все обратили внимание снова на Петра.

Вместо того, чтобы отвлечься рассказом о приключениях выставочной постройки, он, видимо, еще глубже впал в свой религиозный экстаз, и, прикинув к фундаменту описываемого павильона, начал бить тому земные поклоны. Надо было уводить его с глаз публики! Кто угодно мог позвать городского и хлопот после не оберешься.

– Как пить хочется! – придумала на ходу Лиза, уже прикусив по новой привычке губу и чуть не плача, но на этот раз, кажется, угадала.

– А я ужасно проголодалась! Петенька! Пойдем на берег Волги, накупим пирожков и кваса, будем кутить! – попыталась спасти положение сестра, и тот поддался уговорам, а шагов через двадцать и вовсе пришел в себя и начал обсуждать со всеми, с какой начинкой пирогов они возьмут.

Алексей предложил Лизе руку, и они парами покинули территорию Выставки.

Молодые люди сидели на траве, и река плескалась вдалеке. Были видны снующие с берега на берег пароходики, проплывали мимо большие речные суда, и мост на тот берег, как бы подчеркивал масштабы разросшегося Выставкой города. Отсюда была ощутима и наглядна вся его мощь и ширь, люди на том берегу казались крошечными точечками, такими же, наверно, казались им оттуда и они сами. Лиза, обещавшая няне больше никогда не пробовать ничего в городе, старалась незаметно скормить свой пирожок птицам и только пила чистую воду. А Лида и Алексей только что перекусили, и теперь никому не хотелось ни говорить, ни двигаться, а лишь сидеть вот так да смотреть на реку, за реку, на небо.

Один только Петр снова впал в задумчивость, ничего не ел, а только мусолил пальцами давно остывший пирожок. Наконец тот разломился у него в руках, и из него на землю посыпалась начинка из ливера с луком. Лида первая заметила, как трясутся у брата плечи, и кинулась к нему, но уж было поздно. Слезы прорвались сквозь сдавленный стон, неудержимые всхлипы вспенили слюну на искореженных гримасой боли губах, и он, рыдая, упал лицом в траву и его долго не могли ни успокоить, ни поднять.

– Оставьте, пусть, – пытался Алексей отвести от него Лиду, потом оставил ее и сел на траву рядом с перепуганной Лизой, которая руками зажала свой рот, чтобы тоже не закричать и не заплакать.

Зрелище было ужасным. Но вот, постепенно, рыдания стали затихать, Петр положил голову на колени сестры и так же лежа стал, как в бреду, что-то говорить или с кем-то спорить.

– Да нет же! Это точно были не колодцы. Я по тому колодцу еще ногами шел, и те доски под ногами чуял! Старые, склизкие, чуть не споткнулся там. Чудом из оврага поднялись. Чудом! А потом меня понесло. Господи помилуй! Как по воздуху, ничего не помню. А потом снова под ногами то твердое, то мягкое. А тогда яма была. Простая яма. Господи, спаси-сохрани, мя грешного! Мне потом уже, в больничке один солдатик рассказывал. У них на том поле учения, они знают, где что. Там песок копают, вот и ров. А колодцы старые, гнилыми досками заколоченные, туда сразу все провалились. А это – яма была. Он говорит, павильон на другую выставку увезли, а ямы-то от опор так и остались. А пред гуляньями их просто деревянными щитами прикрыли. Новенькими! Дерево еще белое было. Мне как щепки из рук вытаскивали – я сам видел. Вот мне и повезло! Я падал, все бока ободрал, да неглубоко. А там уже мягко было. Как заснул сразу, тепло, мягко. А сверху-то тоже на меня навалился кто-то,

да повезло, не задохнулся я. В больничку привезли, а там Алексей – божий человек. Мне его ангелы послали. Повезло мне... Господь спас.

Он всхлипывал все реже, голос его становился все тише, а рассказ – прерывистой. Как только еще он начал говорить, Лиза почувствовала, что ее сейчас может вот-вот стошнить, она помнила, как это внезапно происходит, но понимала, что сейчас этого никак нельзя допустить. Еще она вспомнила, как Лев Александрович кричал ей тогда с козел: «Лиза, думайте о другом!» и она стала заставлять себя сосредотачиваться на каких-то привычных, безопасных предметах. Трава. Зеленая свежая трава. Ее колышет ветер. Ветер нагоняет рябь на поверхности воды. Вода. Речка. В речке отражаются облака. Облака бегут по небу. А небо синее-синее! И судорожный рассказ Петра стал вдруг не главным, он отошел куда-то на задний план, она слышала слова, но ее это, как бы, не касалось больше. Тошнота отступила.

И вот Петр замолк. Лида гладила его по волосам, как маленького, а он лежал и молча смотрел на проплывающие облака, потом глаза его стали слипаться. Сестра достала из кармана платок и начала вытирать ему лицо, но он не открывал глаз, и постепенно уснул. Алексей встал и, свернув, подложил Петру под голову свой пиджак. Все молчали. Говорить сейчас было просто не о чем. Мимо них проходили люди, но со стороны все казалось безмятежным – вот отдыхает компания молодых людей, один из них задремал на воздухе, что тут такого?

Первым нарушил молчание Семиглазов:

– Он даже мне этого не рассказывал, – Алексей как от боли потирал пальцами виски, что и говорить, принять бесстрастно описанную только что картину не мог бы, наверно, даже бездушный человек. – До сих пор ничего про тот день не вспоминал.

– Может быть это хорошо? – неуверенно спросила Лиза. – Может быть, теперь ему станет легче?

Лида беззвучно плакала, видимо, представляя муки брата старшего.

– О, Господи, всеблагий, всемилостивый, помилуй нас, грешных, – прошептала и она.

– Может быть, Петру надо побыть где-нибудь там, где... – Лиза запнулась.

– Где, Лизонька? – сквозь слезы вопрошала ее Лида. – В больнице он уже был.

– Я не то имела в виду, – продолжала Лиза, она не могла оставить все как есть, уже почувствовав, приняв на себя чужую боль. – Где-нибудь, где его душа сможет вернуться на место. Он так много говорит о Боге. Может быть – монастырь? Здесь, в округе, ты сама знаешь, есть несколько мужских монастырей. Может быть поспрашивать? Вот я знаю про один, там живут двое старцев, и люди приезжают издалека, и ждут там подолгу, чтобы те им помогли жить дальше.

– А вы знаете, не лишено смысла, – сказал Алексей, обращаясь сразу и к сестре, и к спящему брату. – Надо бы обдумать, да действительно расспросить людей.

Лида смотрела на подругу с затаенной надеждой. Мимо проходили двое парней, один из них выделялся своим невероятно высоким ростом, второй был обычного, ничем не примечательного сложения, но в его глазах блестела незаурядная лихость, и смотрел он на мир с каким-то пронизывающим прищуром. Они остановились подле.

– О! Кого мы видим! Приветствую, Алексей, здравствуйте барышни, – узнал их идущий мимо с приятелем Игнат. – Пикник устроить изволили? А Петр Пантелеевич, видимо, приотмился?

– Здравствуй, Игнат! – приветствовал его Семиглазов. – Да, мы уж с самого утра гуляем, Выставку смотрели, скоро домой собираемся. Как Ваша свадьба прошла, удачно?

– Свадьба? – ухмыльнулся незнакомец и вопросительно посмотрел на Игната.

– Да свадьба как свадьба, что свадьба. Прошла и бог с ней, – Кириевских ступешался под прищуром товарища. – Вот, познакомьтесь, мой друг и соратник Арсений Хохлов, рекомендую.

– Приветствую! – Хохлов продолжал ухмыляться, теперь в упор рассматривая Лизу. – Позвольте присесть?

Не дожидаясь разрешения, он сел на траву между Алексеем и Лизой, да еще сделал приглашающий жест Игнату. Тот явно был не рад остановке и тому, что сам стал ее причиной, заметив своих недавних посыльных, и остался стоять.

– Так это вы Игнату ящик из Москвы доставили, как я понимаю? – продолжал солировать в полнейшем молчании новый гость. – О! Да у вас тут пир!

– Угощайтесь, – сказала Лиза и ее щеки предательски покраснели под его пристальным взглядом, который ей напомнил сейчас Сергея там, на поляне. – Кушайте, у нас много осталось.

– Барышня из благородных, как я погляжу? – то ли утверждая, то ли вопрошая, не сводил с нее нагловатых глаз Хохлов. – Не зазороно ей с таким простым человеком совместную трапезу совершать?

– Прекратите говорить глупости! – разозлилась Лиза, как с ней это порой бывало в неожиданно повернувшимся разговоре. – И извольте обращаться ко мне в первом лице!

– О! Да тут еще и характерец есть! – хохотнул новый знакомец, откусывая пирог.

– Милостивый государь! – Алексей Семиглазов встал в полный свой небольшой рост, явно волнуясь. – Извольте сменить тон! Вы находитесь в приличном обществе и будьте любезны вести себя подобающе!

– Простите, сударь! – Хохлов тоже встал, оказавшись на целую голову выше Лизиного защитника, продолжая жевать и наступая на Алексея грудью. – Приношу свои извинения. Вы – дворянин?

– Нет, – отвечал не сходящий с места Алексей. – Но это не имеет никакого значения!

– Арсений, прекращай бузить, – нерешительно попытался вмешаться Игнат. – И, если ты помнишь, нас ждут.

– Ничего, подождут, – отвечал Хохлов. – Я хочу поближе узнать твою новую компанию, друг. Господа и дамы, примите мои извинения! Сожалею о так неловко начатом знакомстве. Попробуем с самого начала. Меня вам уже представили, так давайте знакомиться ближе. Я – рабочий одной из пригородных фабрик. Бедненькая фабричка, скажу я вам, да и от города далековато, да уж что есть. Служил в том году у Мимозова, да был вышвырнут за дверь. С полгода мыкался впроголодь, вот на лето пристроился.

– Вы, наверно, не очень хороший работник, – все еще не могла успокоиться Лиза. – У Саввы Борисовича люди служат по многу лет и за работу держаться. Он мне сам говорил.

– Милая барышня! – Хохлов обращался снова только к ней. – Я не плохой работник. Я – опасный работник. Но, прошу Вас сменить свой гнев на милость и назвать Ваше имя.

– Лиза Полетаева, – представилась Лиза, опустив глаза.

Хохлов, видимо, решил, что с нее достаточно и лишь дотронувшись до кончиков ее пальцев, отпустил руку и обратился к Алексею.

– Приятно познакомиться, мне понравился Ваш характер, молодой человек. Надеюсь, что мы сойдемся ближе! – и он протянул Семиглазову ладонь.

Тот пожал руку и молча кивнул.

– Оленины, брат и сестра, – снова вступил в разговор долговязый Игнат. – Петр и Лидия.

Петр в это время стал просыпаться, долго не мог понять, где они все находятся и что за люди появились вдруг рядом. После, проморгавшись, тоже пожал руки Хохлову и Кириевских.

– Между прочим, наш отец имел личное дворянство! – знакомясь с Арсением вставила Лида.

– Я обязательно учту это обстоятельство, барышня! – улыбаясь, ответил он, и задержал ее ладонь в своей. – Ну, мы пойдем дальше, спасибо за угощение и прощайте, товарищи.

– Да мы тоже уже собирались, – ответил за всех Алексей, и компания гуртом побрела вдоль берега.

Общей беседы не завязывалось, все просто смотрели по сторонам, любовались рекой.

– Какой все-таки у нас красивый город! – вырвалось вдруг у Лиды. – И как я рада, Петя, что ты снова дома, и я тоже, и можно вот так ходить, гулять! Смотреть на реку. Посмотрите, какой простор, какая сила! Какое величие. Не покорить, не переплыть! Только смотреть не нее можно!

– Ну, почему ж только смотреть? – ухмыльнулся Арсений. – Плавали.

– Все плавали! – вступил Петр. – Да не переплывали же.

– Про Волгу врать не буду, – невозмутимо гнул Хохлов. – А Оку переплывал, и на стрелку вышел.

– Что-то не слышно про такой Ваш подвиг, – скривил рот Петр, а Лида распахнула в удивлении глаза. – Если на веслах, то – то не диво, а если вплавь... Уж про такое чудо весь город бы этим летом судачил.

– Так то не летом было, – уверенно говорил Арсений и глядел теперь на Лиду Оленину. – То в ледоход было, позапрошлым мартом.

– Ой, да Вы шутите! – рассмеялась Лидочка.

– Отчего же! Нет, не шучу, – продолжал буровить ее взглядом Хохлов. – Отплыл, действительно, на лодке, да она худая оказалась, и ее почти сразу раздавило льдом. Пришлось вплавь.

– Прекратите красоваться перед барышнями, сударь! – возмутился Алексей. – Это невозможно, я как биолог Вам говорю. Физические параметры тела человека не предназначены для таких температур. У Вас бы сердце не выдержало.

– Мое сердце много чего еще выдержать сможет! – глядя на Лиду шурился Хохлов. – Да вон, у Игната спросите, на Бору все про то знают.

– И все-таки Вы смеетесь над нами, – уже почти прошептала Лида.

– Да что Вы! Никак не смею.

– Зачем же Вы, лодку не проверив, сами себя опасности подвергали? Нешто в ледоход плавают?

– Я, милая барышня, жизнь – страсть как люблю! – уже только Лиде, как бы забыв про остальных, говорил новый знакомец. – Нужда была сильная. Доплыл.

Лев Александрович не застал лекции Товарищества Полетаева, опоздал, пришел позже. Что нужно было ему в этот день здесь, он и сам толком не мог себе объяснить. Савва увез жену в Москву, его в павильоне точно быть не могло. Что бы какое-то конкретное дело было у Борцова к Андрею Григорьевичу или Лизе, так тоже – нет. Лев Александрович даже не знал, кто из них будет сегодня встречать гостей, и только надеялся, что Лиза будет вместе с отцом. Но он так долго собирался и уверял сам себя в том, что ничего особенного нет в его желании встречи, что явился, когда в павильоне оставались лишь разрозненные посетители, а все группы уже миновали. Но он все равно хотел ее видеть!

И он ее увидел. Медленно бредя к выходу, он заметил за оградой небольшую дружную компанию. Двое молодых людей и две барышни покупали пироги и набрали их целый кулек. Две пары. Темноглазый молодой человек все время крутился подле Лизы, подавал ей руку, держал зонтик, пока она указывала торговке на выбранный товар, и не сводил с нее этих своих глаз. Потом все они переместились к буфету с напитками, и парни набрали бутылок с водой, сидром и квасом. Потом, все вчетвером стали медленно удаляться в сторону реки. Борцов к

ним подходить не стал. Зачем? Они были такими молодыми, свободными, довольными друг другом, что Лев Александрович почувствовал себя, вдруг, старцем Мафусаилом и понял, что вписаться в эту компанию у него нет никаких шансов. А быть представленным «старым другом семьи» не желал.

Борцов немного прошелся за ними, наблюдая. Лиза участвовала в общей беседе, даже иногда улыбалась, но тут же уходила в какие-то свои мысли и не производила впечатления радостной и беззаботной выпускницы, какой он помнил ее в Александровском саду на прогулке. Лев Александрович как-то понял и догадался, что причиной тому является не нынешнее ее окружение, потому что он видел и чувствовал даже на расстоянии, что она сама старается быть приветливой и жизнерадостной, но у нее это получается плохо. Хотя из трех ее спутников этого никто не замечал вовсе. Что-то произошло у нее? У них? Эх, и Саввы нет, не спросишь! Надо снова найти повод и напроситься в гости, там все разузнать. Так?

Нет! Не так! Что он бегаёт за этой девочкой, что он думает себе, старый пень! Она почти ребенок, что может их связать? Связывать? Зачем морочить себе и ей голову и трепать душу? Это невозможно! Надо разом оторвать от сердца все мечты и глупые фантазии. И забыть ее. Уехать! А вернуться только поправившимся и полностью излечившимся. И дружить с этой милейшей семьей, как прежде. Да, только так. Лев Александрович резко свернул в сторону и поймал извозчика. Уже следующим утром он договаривался об отпуске с начальником, а днем сидел в московском поезде, направляясь к Савве.

Савва уже второй день вместе со старшими девочками ночевал в городе. Француженка и вторая гувернантка попросилась поехать с ними. А Феврония захотела побыть на даче, сильно стосковавшись по младшим. Летний бал, из-за которого отец и повез Арину с Аглаей в Москву, уже состоялся вчера, и к вечеру вся семья должна была вновь объединиться. Анфису с няней в этом году, как «уже взрослую» отправили погостить на пару недель в имение к троюродной тетке, дочь которой была ее ровесницей. Кроме младших девочек, в доме остались их гувернантка и слуги. Дашенька сейчас стелила скатерть, собираясь накрывать к обеду. Девочки с Аннушкой только что пришли с прогулки и побежали умываться.

– Аннушка, пообедаете сегодня с нами, по-простому, все же разъехались? – предложила ей Феврония, тяжело вставая с кресла, у нее с утра тянуло поясницу.

– Благодарю Вас, мадам, с удовольствием! – Анна была девушкой общительной и говорливой, и обедать одной для нее было почти наказанием, а слуги кушали всегда отдельно, в своем флигеле.

– Даша, поставьте еще один прибор, будьте добры, – сказала хозяйка.

– Слушаюсь, барыня! – горничная сочувственно смотрела на Февронию, которая даже поморщилась от боли, вставая с кресла. Разложив ножи и вилки возле тарелок, спросила: – Прикажете цветов свежих нарезать, или Вас мутит от запаха?

– Пусть будут цветы, Даша. С тем, надеюсь, покончено, – она погладила живот. – С первыми девочками, например, так было только в самом начале. Я полежу у себя наверху, как будет готово, кликните, я спущусь, хорошо?

– Слушаюсь, мадам! – собралась бежать в сад Даша.

Но тут на дорожке к дому они заметили приближающегося садовника, за ним шел грузный человек в мундире. Даша из любопытства осталась, делая вид, что выбирает под цветы вазу в застекленной горке.

– Вот, барыня, хозяев спрашивают! – доложил садовник.

– Ступай, Степан, спасибо, – Феврония снова опустилась в кресло, долго стоять ей было уже трудно. – Проходите, Кирилл Семенович, я узнала Вас, хоть мы уже пару лет и не виделись. По делу к нам, али так, по-соседски? Милости прошу! Обедать с нами станете?

– Никак нет, милая Феврония Киприяновна! – урядник закрутил ус. – Токмо по долгу службы! Обхожу участки, оповещаю дачников.

– Что-то случилось? – забеспокоилась Мимозова.

– Никак нет! – замылся Кирилл Семенович, только сейчас обратив внимание на заметное уже положение хозяйки. – А дома ли Савва Борисович? Может, я лучше ему доложу? Это так, пустяк, предостережение.

– Так он в городе, здесь будет лишь к вечеру. Если сообщение терпит, то заходите после ужина.

– Ах, он сегодня будет! – обрадовался урядник. – Очень хорошо, тогда я спокоен. Меня становой пристав послал обойти всех на нашей стороне, вряд ли успею к вам еще раз заглянуть. Вы ему передайте, что из Звенигородской уездной тюрьмы побег дерзкий совершен был. Трое ушли лихих людишек. Хоть и далеко от нас, да мы обязаны всех предупредить. Никак они на Москву пойдут? И девочек одних пока никуда не пускайте. День-два, мы их обязательно возьмем. Хорошо, что ночью мужчина в доме будет.

– Обязательно передам. Вы уж нам тогда сообщите, как все обойдется, – Феврония снова захотела встать и Аннушка даже бросилась помочь ей, но хозяйка жестом остановила ее: – Ничего, сама.

– Всенепременно! – пообещал Антон Семенович. – Супругу поклон от меня. Разрешите откланяться?

Урядник направился к соседней даче, хозяйка поднялась к себе наверх, Даша убежала за цветами. Девочек еще рано было собирать к столу, и Аннушка, пользуясь случаем побыть на барской половине, пролистывала иллюстрированный журнал. Но тут прибежала Шура и стала показывать пойманного только что огромного жука.

– О, боже мой! – скорей от неожиданности, чем от страха, воскликнула гувернантка. – Сашенька, Вы бы его хоть в коробок какой посадили, а то заползет матушке в тарелку, а ей пугаться нельзя.

– А почему ей нельзя пугаться? – спросила Шура с таким хитрым видом, что было понятно, что ответ ей известен, или она догадывается о нем и только ждет подтверждения от старших.

– Потому что маму надо беречь! – нейтрально ответила Анна. – Вы теперь ступайте и снова помойте руки, прошу Вас. Скоро за стол.

Вернулась Даша с букетиком садовых цветов и уходить стало глупо, потому что появился еще один объект, которого можно было напугать жуком. Зажав его в мокрой уже от пота ладошке, Шура терпела его щекотку лапками и ждала, пока Даша поставит цветы на стол. Та расправила их уже в вазе и, удовлетворенная результатом, взяла с веранды швабру и стала заметать несколько опавших на пол лепестков. Тогда Шура выпустила жука на розовый цветок флокса, и соцветие тут же прогнулось под его тяжестью.

– Как красиво! – сделала Шура вид, что нюхает букет. – Дашенька, а как зовут этот цветочек?

Даша обернулась, наклонилась, громко завизжала и, закрыв лицо руками, убежала через сад к кухне. Палка швабры стукнулась об пол, Шура расхохоталась.

– Александра! – старалась быть строгой Аннушка, хотя удавалось ей это с трудом. – И Вам не стыдно? Мне придется теперь наказать Вас.

– За что? – Шура пыталась теперь поймать жука обратно, но он умело увертывался от ее рук и прятался в разноцветной пене цветов. – Сама она виновата, если такая трусиха. Девочки не должны ничего бояться!

Сквозь верхнюю стеклянную часть двери, затянутую с одной стороны кисеей и ведущую во внутренние комнаты, было видно, что сюда идет Настя. Она налегла на створки, распахнула их и, застыв на пороге, спросила:

– Шурка! Ты опять поймала какую-то гадость? Выкинь сейчас же, я не войду в столовую, пока сама не увижу, что ты от нее избавилась!

И тут, не со стороны калитки, а перелезая прямо через балюстраду веранды, из сада, показались две заросшие мужичьи морды. Это было настолько неожиданно, что никто даже не закричал. Тот, что перелез первым, окинул быстрым взглядом всю обстановку и скрипучим голосом сказал:

– Лезь, чертушка, здесь одна токмо баба. А вы цыц! Кто заорет – шею сверну как куренку!

Он был весь заросший клокастой бородой, глаз не было видно из-за нависших густых бровей, и в руке у него поблескивала какая-то железка. Он стал по стенке медленно обходить комнату, и тут Анна поняла, что она одна здесь из взрослых и, если им отрежут путь внутрь дома, то убежать через сад у детей шансов нет совсем.

– Девочки, – как можно спокойнее постаралась произнести она, – уходите в гостиную. Медленно.

Второй мужик оказался еще страшней первого, потому что улыбнулся беззубым ртом на слова гувернантки.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – подзывал он ее и трусил тремя пальцами, как бы сыпля корм. – Ах, какая резвая курочка!

Настя от ужаса окаменела в дверях, а Шурка медленно-медленно опустилась на корточки.

«Испугалась, деточка моя», – пронеслось в голове у Анны, а после мысли замелькали, как стеклышки в калейдоскопе, только совсем не такие радужные: «Кричать нельзя, барыня победит, оступиться может. Да лестница еще! А ну, как выкинет. Нет, нельзя. А позвать кого-то надо! Одной не справиться с двумя. Девочек. Девочек надо убрать от греха!» Она посмотрела на Александру и не увидела страха в ее глазах. Анна, продолжая глядеть на Шурку, потянулась к бронзовым каминным часам, изображавшим пастуха и пастушку.

– Э-е-ей! Ты что задумала, дева моя! – просипел первый разбойник. – Не надо!

Аннушка кивнула Шуре и та молнией метнулась к Насте, зажав в руке швабру, подобранный с пола. Шурка со всей силы пихнула оцепеневшую сестру, сбив ее с ног, захлопнула за собой дверь и, пока второй разбойник преодолевал смешное расстояние в два шага до нее, успела сунуть палку в ручки двери и теперь они прилипли лицами к стеклу с двух сторон – ребенок и старик.

– Бегите! – теперь уже ничего почти не соображая кричала им Анна. – Через окно, к соседям! Бегите!

«Девочки не должны ничего бояться!» – прошептала она сама себе, и, с откуда-то взявшейся силой, запустила тяжеленными часами в окно столовой. Посыпались стекла, необычный шум привлек внимание, за оградой послышались людские голоса.

– Зачем же ты, – укоризненно прошептал первый разбойник. – Не надо шуметь.

Он подошел, почти обнял Анну, сделал какое-то короткое, почти незаметное движение, и теперь смотрел ей прямо в лицо. Она охнула, но боли почти не почувствовала. Бандит дождался, пока глаза ее стали мутнеть, и тогда потянулся рукой к сережкам. Он сорвал их, и долго не мог снять с пальчика кольцо одной рукой. Тогда он бросил Аннушку на стол, и, провернув его несколько раз, все-таки снял.

– Эх, девка! Ну, зачем? – сокрушался он, собирая со стола серебряные ножи, ложки и вилки.

Второй в это время выворачивал ящики шкафов и комода, собирая в мешок все, что ему приглянулось. Со стороны кухни раздались женские крики и визг, от соседней дачи бежали мужики. Разбойники бросили все как есть, удовлетворившись уже содеянным и собранным и ушли через парадную дверь, куда получасом раньше вышел урядник.

На столе, на белой накрахмаленной скатерти лежала Аннушка. Ваза опрокинулась, и цветы теперь рассыпались у нее по шее и плечу. Вода замочила ей весь лиф и бок платья и рас-

текалась дальше, вокруг. Мокрое пятно становилось почему-то все больше и больше и постепенно окрашивалось в ярко-алый цвет. Черный жук, до крайности недовольный происходящими с ним сегодня событиями, покинул цветущую ветку и искал теперь дорогу домой. Он переполз с ткани рукава на кожу лежащей неподвижно девушки, неспешно направляясь к тому месту, где на пальце оставался незагорелый след от колечка.

Лев Александрович с вокзала решил заехать в московский особняк Мимозовых – вдруг кто-то из них окажется в городе, ведь он ехал наугад, без предупреждения. Если его кто-нибудь впустит, то он напишет Савве записку и останется руководить обещанной переделкой, материалы должны были быть готовы со дня на день, а мебель можно было забрать у Антона в любой день. Если не окажется даже слуг, то придется устраиваться в гостинице, а вечером ехать в Успенское, на дачу.

Вместо знакомого швейцара дверь ему открыл полицейский. Лева тут же попал в его служебные тиски и вынужден был отвечать на множество вопросов. Еще двое стояли у подножия лестницы и преграждали проход в дом. Ответов на свои расспросы Борцов не получал, что происходит не понимал и дальше передней так и не продвигался. На удачу, вдалеке проходил камердинер Саввы, Лева вынужден был окликнуть его. Тот удивился, но тут же подошел ко входу:

– Пропустите, это свой. К барину.

– Что происходит? – спросил его впущенный, наконец, Лева, идя знакомыми коридорами к кабинету Саввы, а камердинер почему-то провожал его как гостя.

– Беда у нас, Лев Александрович, – пожилой слуга вздохнул, явно сдерживая слезы. – Да барин сам расскажет.

– Господи! – не на шутку испугался Лева. – С женой его что? С ребенком? Как он сам-то?

– Да нет, семейные все целы, – он снова вздохнул и добавил: – Пока целы.

Савва не сразу вышел из какой-то болезненной задумчивости, в коей застал его приход друга. Лева поймал на себе «стеклянный взгляд» и подумал уже, что потребуются силы и время, чтобы пробиться сквозь эту преграду, но Мимозов вдруг потеплел глазами и усталым, но совершенно осознанным тоном тихо обрадовался Леве.

– Левушка, как кстати! Ничего не могу. Держат, аспиды, в четырех стенах, да еще дознание завтра. Помогай, друг. Ты будешь моими руками нынче.

– Да что стряслось-то? Отчего полиция в доме?

И Савва рассказал. Он со старшими девочками подъехал в тот вечер к даче, когда там было уже полно полицейских. О случившемся он составил себе представление из обрывков рассказов жены, слуг и вопросов следователя. Феврония собиралась выйти к столу, когда услышала крики – сначала внизу, потом на улице – и выглянула в окно. С удивлением, она успела заметить, как обе ее младшие дочери пролезают в дырку забора, что было им строго-настрого запрещено. Спустившись, она увидела картину разорения, бездыханную Аннушку в цветах и потеряла сознание.

Тут как раз подоспели их ближайший сосед со слугами и местные мужики, одного разбойника схватили сразу, по горячим следам. Его жертвами стали повар с проломленной головой, попытавшийся защищать женщин, оказавшихся рядом с ним в кухне, и кухарка с Дашей, отделавшиеся обмороком и легкими ссадинами. Когда прибежали люди, повар был еще жив, и теперь над ним колдовали лучшие московские хирурги, и надежда пока оставалась. А тех двоих, кто орудовал у них в доме, ищут до сих пор. Кроме гувернантки за ними тянулся кровавый след по всей губернии, видимо они совсем обезумели и шли, не оставляя свидетелей, нападая даже среди бела дня, напролом.

Девочки перенесли случившееся без видимых потерь, хоть Настя и плакала постоянно, к тому же они оказались единственными, хоть и малолетними свидетелями. Показаний с них официально брать никто не посмел, но Шурка довольно подробно описала бандитов, и эти описания полностью совпали с полицейскими бумагами на сбежавших острожников. Савва тут же увез все семейство обратно в Москву, ночевать в том доме было немыслимо. Домашний доктор долго ругался на него за это, опасаясь за состояние подопечной. Феврония лежала теперь в соседней комнате, Савва больше не хотел отпускать ее от себя дальше, чем за пределы слышимости. Дверь была приоткрыта.

– Милая, ты спишь? – спросил он, чуть повысив голос, когда закончил горестный рассказ.

– Нет, совенок. Кто там у тебя?

– Левушка приехал. Можно мы зайдем к тебе?

– Как я рада ему! Конечно, идите.

Феврония в домашнем платье полулежала на кушетке с высокой спинкой, рядом лежала раскрытая книжка.

– Посидите со мной, – сказала она мужчинам. – Совсем не могу читать, ни одного слова не понимаю, забываю сразу же, что там было до этого, – пожаловалась она с беспомощной улыбкой.

Савва подсел к ней и молча стал целовать пальцы.

– Бедная девочка! – в голосе Февронии послышались слезы. – Моих защитила, а сама...

– Вороненок, не плачь, тебе нельзя, доктор велел, – Савва сам готов был заплакать.

– Хорошо, хорошо, – соглашалась с ним жена, глядя по плечу.

– Господи! – не выдержал вдруг Савва, и сдерживаемое рыдание вырвалось наружу. – Что я скажу ее родителям?

– Ну, не убивайся ты так! – теперь жена успокаивала мужа. – Что же ты мог, милый? Это же случай! – Она помолчала. – А родителей нет у нее, только тетка в Воронеже, надо бы телеграфировать. Ведь все хлопоты мы на себя возьмем, да, Саввушка?

– Да что ты говоришь, это само собой, – Савва потер лоб. – Вот ведь как. А я даже не знал. Ну, да, она и на праздники-то никуда не уезжала. Все время дома, все время Аннушка тут, как и всегда была. А я, пень бездушный, даже про родителей не спрашивал. Есть она, и есть, как так и надо.

– Учиться дальше хотела, все деньги откладывала... Да..., – вздохнула Феврония.

– Да, друзья мои, пока все эти дела не закончатся, можете полностью располагать мной, – Лева хоть чем-то хотел облегчить ситуацию. – Я в Москву надолго. Сколько нужно, столько пробуду.

– Видишь, как обернулось, не до переделок нынче, – вздохнул Савва. – Придется отложить. А новый дом загородный мне к будущему лету построишь? В тот мы не вернемся, нет.

– Вот они, твои предчувствия, Савва! – вспомнил Лева.

– Да вообще все как-то катится не по-людски. Как полоса какая! – возроптал Савва.

– Мужчины. Мужчины! – Феврония приподняла брови. – Что за настроения? Уж вам-то не пристало кликушествовать, право слово. Давайте думать, что если уж полоса, то за ней будет другая – светлая!

– Ты у меня известная оптимистка, – погладил жену по щеке Савва. – Если бы так.

– Так, – твердо сказала Феврония. – И только так. За ночью всегда приходит рассвет, за болью – радость и надежда. Во всяком случае, я желаю жить именно в таком мире. И мы все-все должны пережить с божьей помощью. И со временем на душе станет лучше, я знаю. Если хотите, то я обещаю вам это!

– Перебирайся-ка в Москву, Левка! – вдруг невпопад предложил Савва. – Я ведь теперь своих надолго не оставлю.

Лиза впервые поругалась с Лидой. Причем из-за такой ерунды, что даже сказать стыдно. Да и не то, чтобы поругались они, нет, конечно. Просто не сошлись во мнениях. Но Лиза, первый раз за много лет, не смогла понять подругу и ушла от нее с чувством, похожим на обиду. Скорей – на досаду. Или на то, что она запачкалась в чем-то. Но, может быть это гордыня? Может быть были правы они, а Лиза, действительно, «чистоплюйка»? Но, теперь все по порядку.

Именно это «они» и стало началом раздора. Лиза, зайдя к подруге, застала у нее всю давешнюю компанию – Кириевских и Хохлова. Мать Олениных уехала в город, она теперь дважды в неделю забирала Леночку из Института и возила ее к доктору, там они занимались речью. Потом они где-нибудь перекусывали в городе, мать везла ее обратно в Институт и домой возвращалась только под вечер. И сегодня дома хозяйничала Лида. Она наварила картошки, а к ней предполагалось подать селедку.

Лиза сразу почувствовала некую напряженность, которая уже проскальзывала раньше и только усилилась с прошлого раза. Она как будто оказалась одна против целостной и какой-то помимо нее сложившейся компании. Даже Алексей, который неотлучно выполнял роль ее «рыцаря», все-таки неоспоримо был частью этого, вновь образовавшегося сообщества. А Лиза была инородным здесь телом, и она ощущала это почти физически. Хотя никто, кроме Хохлова, этого не позволял себе ничем выразить.

– Изволит ли барыня откусать картохи с холопами? – не удержался от выпада Хохлов.

– Я не знаю, почему именно меня Вы выбрали мишенью для ваших уколов, – пытаюсь сохранять спокойствие, отвечала ему Лиза, – но хочу еще раз сказать Вам, что подобный тон не уместен. Я пришла не к Вам, а в дом к своей подруге. И я ничем Вам не могла досадить, мы почти незнакомы. И Вам никто не давал права так себя со мной вести.

– Права не дают, их берут, милая барышня! – Хохлов буравил ее взглядом. – Вас я, может, и не знаю, но знаю многих, подобных Вам. Избалованные неженки, все в жизни получающие даром! Загрещающие добро, заработанное чужим горбом. Но, подождите! Придет время, мы возьмем у вас все – и права, и добро.

– Я не понимаю, – растерялась Лиза. – Меня в чем-то обвиняют? Я у кого-то взяла какое-то добро? Что? Когда? Лида?

– Не обращай внимания, Лизонька, – как ни в чем не бывало хлопотала Лида. – А Вы, сударь, извольте не распространять свои марксистские взгляды на моих друзей. Фу! Сей же час извинитесь!

– Прошу прощенья, возможно перегнул! – Хохлов привстал из-за стола и обозначил Лизе поклон. – Только Вы путаете, Лидия Пантелеевна! Это Игнат у нас марксист, а я – социалист!

– Только вы двое и понимаете разницу между этими понятиями, – засмеялась Лида.

– Нет никакой разницы, не бузи, Хохлов, – нудно вторил ей Кириевских.

– Как это нет? – Хохлов взял со стола кусок хлеба и, не дожидаясь еды, стал жевать. – Вы все застряли в своих кружках, в домах, на явочных квартирах и мусолите экономические постулаты. Надо переходить к открытой борьбе! Идти с агитацией на фабрики, на заводы, не сидеть по углам. Политические лозунги – вот сегодняшней и завтрашний день революционера. Надо всеми силами вовлекать рабочих в процесс борьбы, это нам, самим, прежде всего и нужно.

– Арсений! – Игнат аж побелел весь. – Ты забываешься, здесь же не кружок. Ну что и кому ты говоришь!

– Ну, пока не кружок, а там видно будет. Или ты тоже про нашу барышню? А? Барышня? Не побежите ли Вы прямиком отсюда в охранку?

– Лида, извини, я пойду! – Лиза встала из-за стола. – Право, я сыта.

– Не уходи, Лизонька, уже все почти готово! – Лида бегала между столовой и первым этажом, где была кухня, и многое из разговора упустила.

– Если Вы, милостивый государь, будете продолжать в том же духе, то я вынужден буду просить хозяев, чтобы это Вы покинули этот дом! – вмешался Алексей.

– Товарищ! – отвечал, не вставая, Хохлов.

– Что, простите? – не понял Семиглазов.

– Мне больше нравится обращение «товарищ», а не «милостивый государь». Называйте меня так, прошу Вас. И мне бы хотелось дожидаться хозяйку дома и переговорить с ней уже сегодня. У меня к ней выгодное предложение.

– Извольте. Товарищ, – увидев, что Лиза не уходит, Алексей притих.

– Да не дуйтесь вы все! – примиряюще распростер над столом руки Арсений. — Не обижу я вашу недотрогу, присаживайтесь, мадемуазель. Мир? Вот уже и кушать несут.

Лиза села обратно, не желая обижать хозяев. Петр нес большую кастрюлю с картошкой, а Лида масленку и глубокую миску, в которой валялись неровно нарезанные куски селедки, с хвостами и головами вперемешку. Из них во все стороны торчали кости. Лизу замутило от этого вида.

– Что не так, Лизонька? – спросила Лида, перехватив взгляд подружки, теперь уже и в ее голосе послышались нотки насмешки.

– Она же не чищенная, – растеряно заметила Лиза.

– А вот у нас так принято, барышня! – встрял Хохлов. – По-простому. Да, хозяйюшка?

Лида посмотрела на рыбу и потом кивнула.

– А почему ты ее не разделала, как нас учили? – искренне удивилась Лиза.

– И не подала на фарфоре, с кольцами лука и укропом во рту? Извини! В следующий раз. Сейчас и так все заждались, я не могу тратить еще час на хирургическое препарирование селедки. Каждый почистит себе сам, – Лида уже откровенно ехидствовала.

Лизе даже на миг показалось, что делает она это нарочно, показательно, чтобы понравиться Хохлову. Но тут же отогнала эти мысли, как вызванные обидой, а потому несправедливые. Хохлов явно наслаждался ситуацией, с трудом удерживаясь от высказывания, а потом все-таки сказал, но явно иное, не то, что хотел.

– Вас учили? – церемонно обратился он к Лизе. – И Вы смогли бы сейчас проделать это, продемонстрировав нам результат?

– Я, право, не все помню, это было в пятом классе. И там нужна целая рыба, с кусками, наверно, сложнее. Но да! Могла бы, что тут такого? Давайте я сделаю? – и Лиза потянулась к миске.

– Лиза, сядь! – Лида одернула ее почти грубо. – Будет так, как сделала я. Хозяйничай у себя.

За столом воцарилась тишина. Лиза пыталась понять, за что ее наказывают. Потом нашла в себе силы не разрыдаться, отдышалась и тихо сказала:

– Прости.

– Ешьте, ну что же вы, – Лида сидела все еще злая, но уже начала отходить.

Мужчины стали раскладывать еду по тарелкам. Алексей, ухаживая за Лизой, положил ей одну картофелину и больше ни на что не решился. Лиза посидела еще минут пять для приличия, слезы все равно находились где-то совсем близко, есть она не могла, а только поковыряла вилкой картошку.

– Простите, мне пора. Лида, я только заходила спросить, когда мы пойдем к модистке? Мы же собирались? Проводи меня, пожалуйста, мы там договоримся. До свиданья, – сказала она всем за столом, и они с подружкой спустились вниз.

– Прости и ты меня, – у калитки сказала ей Лида. – Но ты тоже хороша! «Давайте я, давайте я!». Зачем ты меня позоришь?

– Я действительно, не понимаю, Лидочка, зачем делать плохо, если знаешь, как сделать хорошо. Но ты права, это твой дом, твои правила. И все-таки, мне кажется, что никогда не нужно опускаться ниже того, что когда-либо было достигнуто. Ты же умеешь и знаешь, как сделать блюдо красивым.

– А может быть ты просто чистоплюйка? И побоялась запачкать свои нежные ручки? – снова сорвалась Лида.

– Закончим этот разговор! – гордо подняв голову, снова не позволила себе заплакать Лиза.

– Ну, прости! Прости меня, Лизонька! На меня как нашло что-то сегодня. Я наверно просто боялась сделать что-то не так. Я же впервые на хозяйстве. И ты думаешь, я все помню, чему нас учили? А тут люди пришли. Я спешила и волновалась. Давай забудем все. К модистке! Давай пойдем к модистке, как собирались. Вместе. Вот в понедельник, давай? Я отзанимаюсь с Аленкой, и пойдем? Хорошо, подружка моя единственная?

И они обнялись.

По уговору девушки встретились вновь, и все недавно произошедшее между ними показалось вздором и недоразумением. Они, как и прежде болтали, рассматривали модели в журнале, что отец выписал специально для Лизы, отмахивались от навязчивых забот Егоровны. Лида вначале побывала в большом доме, решено было, что точными предметами девочке лучше заниматься с утра, на чистую голову. Потом ожидала в людской, пока Лиза переоденется и завершит свои приготовления к выходу в город, а, когда та вошла к ней, стала потрясать номером газеты.

– Смотри, что я нашла! Это совсем недалеко от тебя, на Рождественке. Недорогая распродажа готовых платьев. Может быть, заедем посмотреть?

– Конечно, Лидочка. Все равно по пути. А, кстати, как думаешь, сколько брать с собой денег, вдруг попросят задаток?

– Задаток? – Лида задумалась. – Я рассчитывала в конце месяца получить за уроки и тогда рассчитаться. Мне еще ботиночки нужны, у меня ж только те, в которых я из Института ушла, но я их уже второй год донашиваю.

– Мне папа оставил денег. Я пока дам тебе, если хочешь. Так сколько брать, если на двоих?

– Нет, Лиза, – твердо ответила Лида. – Я пока подожду. В долг не возьму. Я должна точно понимать, сколько у меня будет своих денег, и сколько из них останется на одежду.

– Но это не очень умно, Лида, – начала было Лиза, но испугалась новой обиды подруги. – Хотя, как знаешь! Давай уже поедем, может сегодня и вообще денег не понадобится.

Но Лида, как будто снова злилась. Лиза стала замечать, что в разговорах с ней она перестала чувствовать себя свободной и все время старается чем-нибудь не задеть гордость подруги. Но все равно промахивается. Вот и сейчас так получалось.

– Правильно мама говорила, – себе под нос бубнила Лида. – Какая модистка! Иди к Кристине.

– Лидочка, а кто такая Кристина? – старалась оставаться спокойной и приветливой Лиза.

– Это портниха. Она всю нашу улицу обшивает.

– Хорошо, давай потом заедем и к ней.

Лида потеплела. Они взяли с собой выпуск газеты с объявлением и, крикнув няне, что уходят, вышли из флигеля. В салоне на Рождественской улице они ничего не выбрали. «Дешевая» распродажа у Лиды вызвала ужас своими ценами, а у Лизы – фасонами. Они вышли на улицу и сели в повозку к Кузьме молча. Лиза улыбалась, вспоминая несурзные наряды.

– Давай никуда не поедем? – спросила вдруг, ни с того, ни с сего надувшаяся Лида, когда они уже отъехали на приличное расстояние.

– Почему, Лидочка? – удивилась Лиза. – Ты устала уже? Или хочешь вернуться в тот салон?

– Нет, – ответила Лида, и надолго замолчала, задумавшись. – Я подумала, если тут такие цены, то в том месте, где шьешься ты, мне и вовсе делать нечего! Зачем и ехать тогда?

– Ну, мы же договорились? – Лиза растерялась. – Я тоже не собираюсь тратить там много денег, мне нужен совсем простой костюм для экскурсий, не маркий и не жаркий летом. Всегда же можно договориться, выбрать ткань попроще...

– Лиза Полетаева! – Лида то ли снова злилась, то ли в чем-то осуждала Лизу. – Давай выясним раз и навсегда, что «мало денег» для тебя и для меня – это совсем разные вещи!

– Прости! – Лиза снова оказалась в чем-то виноватой перед подругой. – Но мы же условились вместе. И к Кристине твоей после едем. Закажешь у нее, если тебе так лучше и удобней. Почему ты со мной-то не хочешь пойти? Ты можешь ничего не заказывать. Но прицениться и просто посмотреть ты же можешь? Войти, посмотреть, что предлагают в этом месте? Ты же – свободный человек.

– Хорошо, не проповедуй, я и так уже еду! Смотри, какой смешной дядька семенит! – Лида сменила тему, и Лиза неохотно улыбнулась.

У модистки Лиза впервые была одна, в смысле – без сопровождения взрослых. Они с Лидой вошли внутрь знакомого ей дома и оказались во власти некой дамы, которая была вежлива и услужлива и расспрашивала их о всяких мелочах. Лиза отвечала, что да, ранее для нее уже заказывали здесь платье, но мерки ее все прошлогодние, а она выросла и нужно снимать их снова. Да, и с подруги тоже. Нет, заказывать будет только она одна, но на будущее, пусть и Лидины размеры сохранятся. Нет, не помнит кто исполнял заказ. Всегда к ним выходила сама мадам.

– Простите, у мадам нынче важные клиентки и она будет ими заниматься долго, там целый гардероб, – дама махнула рукой в сторону занавешенного входа в служебные помещения и, как по волшебству, в комнату вошли сразу четыре девушки. – Обслужите барышень, все запишите... Мадемуазель, на чей счет записать услуги? – спросила она у Лизы.

– Полетаева Елизавета, собственный дом Полетаева, – отрекомендовалась Лиза. – Но я хотела бы заплатить наличными, как все будет готово. Нужен задаток?

– Ах, мадемуазель! – дама хлопнула в ладоши и возникла еще одна девушка с кипой журналов. – Выбирайте фасон, а после мы обсудим ткани и отделку. Вот, рекомендую. Недорогая модель, у нас подобный костюм заказывала одна молодая учительница. Она много разъезжает, осталась довольна, говорит удобно и не мнется.

Девушки включились в процесс выбора. Лида оттаяла и тоже принимала активное участие в обсуждении, а при обмерах руководила швеями:

– Пройму ниже! Мне нужна полная свобода рук! Если я что и стану заказывать, то это не для посяделок и балов. Мне нужно в этом будет трудиться!

– О, да! Я вижу, вы обе барышни современные и вовсе самостоятельные! – поддакивала клиенткам принимающая их дама. – Ах, такое наше время! Дамы сами должны быть себе опорой. Кому, как ни нам, это отлично известно, мадам.

Лиза не удержалась и выбрала ткань, качеством отвечающую всем ее требованиям, хотя и чуть дороже, чем другие образцы. Но она сэкономила на отделке, остановив свой выбор на простом шнуре из шелка. Девушки получили свою порцию удовольствия от женских хлопот и примерки, Лизин костюм обещали сделать через неделю. На выходе подружки столкнулись с Татьяной Горбатовой и ее тетушкой, они видимо и оказались теми важными персонами, которыми занималась лично мадам. Это было так неожиданно для обеих сторон, что ни Лиза, ни

Татьяна не успели испугаться или придумать себе манеру поведения при новых обстоятельствах.

– Здравствуйте, Оленина! Здравствуйте, Полетаева, – первой опомнилась Таня, которая с утра играла роль благодетельной племянницы, – Тетушка! Познакомьтесь, это мои одноклассницы.

Обе бывшие институтки присели в книксене перед мадам Удальцовой.

– Добрый день, медам, – жестом подняла их Гликерия Ивановна. – Эту девочку я не знаю. А Вас, Лиза, хорошо помню по пикнику. Передавайте привет Вашему батюшке. Очень мило мы с ним тогда побеседовали. Прощайте, медам. Таня, подай руку.

Они загрузились в свою карету и тут же уехали. Пожилая мадам явно была не в курсе походов своего племянника, а Татьяна, если и была посвящена в них, то виду не подала. Земля не разверзлась, Лиза сквозь нее не провалилась. Можно было вздохнуть с облегчением, но на Лизу, наоборот, навалилась прежняя тяжесть. Она попыталась разобраться, что именно стало причиной этой внезапной тоски, неужели она все еще думает о нем? Но нет, не то. При воспоминании о Сергее, в груди Лизы возникло сейчас ощущение некой гадливости, но не сожаления. Нет.

Рядом была Лида, и разбираться в себе при подруге Лизе показалось неудобным, тем более, что та уже заподозрила что-то неладное и надо было на что-либо отвлечь ее внимание. Делиться с Лидой, да и ни с кем другим, Лиза и помыслить не могла. Ниночка! Ах, как жаль, что она теперь так далеко, единственная, кому можно было доверять полностью. А, может, Лиза тогда так и раскрылась пред княжной лишь потому, что знала, что та уезжает навсегда? И не сможет изо дня в день напоминать Лизе о случившемся? Отчего же такая тоска на душе все же?

– Что? Что, Лиза? – Лида вглядывалась в лицо подруги, когда они тоже уселись в коляску. – Ты расстроилась из-за этой встречи? Какая строгая тетя у Горбатовой! Да! Но вы ведь уже виделись раньше? Или она сказала что-то не то? А что? Ведь – только привет передать твоему папе.

– Эх, барышня! – протянул тут с козел Кузьма, глубоко вздохнул и хлестнул коня. – Эх, милый! Давай теперь в слободку, да с ветерком!

– Лиза, что-то с твоим папой? – притихла Лида. – Я думала, он на службе.

– Он, Лида, отошел от дел... – Лиза подбирала слова, не желая сказать лишнего, и сама удивилась, что слез в голосе не было вовсе. – Он сейчас далеко. В отъезде. Мы тут пока управляемся сами.

– Как сами, Лизонька? – Лида сейчас стала снова похожа на себя прежнюю, институтскую. – Ты что же, одна живешь? Ты ничего не говорила!

– Ну, почему одна? – Лиза указала на спину Кузьмы. – И Кузьма Иванович, и Егоровна со мной всегда. Я просто соскучилась сильно. Я увидеть папу хочу. Поговорить.

– Кто ж Вас, барышня, в скит-то пустит? – Кузьма не пропускал ни слова из беседы подруг. – И в сам монастырь-то, небось, только по стремлению души, а мирских да праздных они сразу определяют... Эх! Только ждать теперь!

– Да мне, Кузьма, хоть увидеть. Хоть издалека, – Лиза вздохнула. – Что жив-здоров...

– Это ты про тот монастырь тогда говорила? – спросила Лида. – Ну, когда с Петром-то было?..

– Да, про тот. Вон, Кузьма Иванович там был. Говорит, что не только с нашей губернии, со всех краев туда съезжаются. Так старцам верят, да, Кузьма Иванович?

– Так старцев-то на всех не хватит, к ним по ерунде не ходят, – хмыкнул возница. – А так – место уж больно намоленное, народ говорит. Верят.

– Может, правда, свозить Петрушу? – Лида, когда речь заходила о здоровье родных, могла горы свернуть. – Пусть хоть посмотрит, как это взаправду. А то мне, Лиза, иногда кажется, что он сам себе что-то придумал, чего и не существует вовсе. И наказывает сам себя, потому так и неприятно его слушать, ведь вроде все о душе, да о вере, а как-то неловко.

– Молодой человек, знакомый Ваш? – Кузьма не оборачиваясь продолжал встречать в разговор. – Свозите, барышня. Хуже точно не будет. А, так, глянь, душа-то и станет на место.

– Брат, – тихо ответила Лида.

– Кузьма, а ты мог бы нас туда отвезти? – спросила Лиза. – Только надо ехать тогда уж вчетвером, а если маму вашу с собой звать, то и впятером, да, Лида? Как поместимся-то?

– Дык, – Кузьма почесал в затылке. – У нас, барышня, сама знаете как нынче с экипажами. Не то, что раньше. В этой-то пролетке и третий – только со мной на козлах, если, поместится... А вот в сарае много разных стоит. Вот хоть у Вересаевых взять – дорожная повозка, вместительная. Четверых на ней точно увезу. Вы бы, барышня, поговорили с ними, может на денек уступят?

– Лида, а ты поговори с домашними. Может, на выходные и соберемся? Возьмем с собой еды в корзинах. Я скажу, Егоровна наготовит, что в дорогу можно.

– Ах, как хорошо бы было! Лиза! – Лида вся загорелась поездкой. – Только надо будет Петрушу так спросить, чтобы не взбрыкнул. Время выбрать. А по дороге можно будет еще в пару усадеб заехать, про сельские школы переговорить, – уже дальше фантазировала Лида. – И Белочкину просьбу исполнили бы!

Но тут они подъехали к дому портнихи, и Кузьма остался ждать их в проулке. Лида заказала себе платье, пару блузок и один костюм из темно-синего ситчика в мелкий цветочек – с рюшами и широкой юбкой в тон. У Кристины в комнате под ногами путались две девочки-погодки, и все время норовили стащить со стола то катушку ниток, то моток лент, то цветные лоскуты. Мать их не ругала, а как-то незаметно успевала отобрать все обратно, убрать подальше ножницы с булавками и переброситься парой шуток с девушками. Лизе так понравилось здесь, что возясь с девочками и ожидая Лиду, она решила себе тоже сделать такой же «крестьянский» наряд. А что! Тогда уж ее точно никто не отличит от Лидиной компании.

– Ну, что, барышня, решились? – весело спросила у нее Кристина. – Скидавайте платьице, обмерять стану. Только Вам больше пойдет голубое!

Голубая полоса неба занимала все верхнее пространство человеческого взгляда, уходя и справа, и слева в бесконечность. Внизу крутого склона холма, на котором угадывались разрушенные временем ступеньки некогда существовавшей лестницы, видна была подъездная дорога, а за ней простиралась поля, прорезанные человеческими тропками, обрамленные по краю бархатной кромкой леса из островерхих елок и других, неразличимых отсюда деревьев. Блестели вдалеке под солнышком воды реки и редких прудиков и озер, и, сколь хватало глаз, всюду была необъятная родная сторона. Деревни, поселения, хуторки, домишки.

В скольких из них можно найти счастливых жителей? Где те, все верно делающие по жизни люди, довольные собой, своими близкими, своими делами? Как сосчитать их, да и есть ли они? А, если есть, то, сколько длится их безмятежность? До прискакавшего гонца, до новой вести в конверте, до запертой перед тобой дочерью двери? Ведь совсем недавно он сам мог отнести себя к таковым, и вот... Андрей Григорьевич, как уже освоившийся житель «слободки ожидания», впервые сегодня удостоился права прогулки за стенами монастыря. О тайной калитке в стене, пару дней назад, поведала ему его соседка по домику, немногословная вдова Угрюмова. Лишь только заселившись в освободившуюся комнатку, Полетаев в тот же день столкнулся с ней, следуя ко всенощной. Они раскланялись.

У другого своего здешнего знакомца, бывшего прокурорского секретаря Демьянова, а нынче соискателя монашеской жизни, узнал он, что вдова живет тут уже с прошлой осени, сильно сдала здоровьем последнее время, и выслушал одобрение того, что подселили к ней крепкого мужчину. Имя бывший прокурорский секретарь имел необычное – Рафаэль Николаевич. Проживал он отдельно ото всех мирских, в совсем разваливающейся хибарке на отшибе, был легко вхож на половину старцев, исполняя между ними и ожидающими некую роль востого, но пока не удостоился даже звания постоянного послушника.

Разговоры среди проживающих при монастыре были не приняты, совместные трапезы проходили после общей молитвы в безмолвии, новостей тут, как таковых, не случалось, а жизнь была размерена и молчалива. Забывшихся и разглагольствующих сверх необходимых потребностей вежливости или просьб, проходящие мимо монахи обжигали такими взглядами, что охота балаболить отпадала надолго. Исключением оказался Рафаэль Николаевич – тот мог болтать при встрече не хуже какой-нибудь свахи. Будучи человеком души чуткой, Андрей Григорьевич очень быстро понял, что ни одна сентенция Демьянова не произносится всуе или бездумно, а, как правило, имеет либо предложение к размышлению, либо даже скрытый указ. Он стал прислушиваться, и, выполняя негласные послушания, влился в жизнь «слободки ожидания» довольно быстро, приняв все ее условности и ограничения.

На второе же утро своего пребывания в монастыре, он сам встал засветло, и к моменту пробуждения немощной соседки, уже натаскал воды в стоящую в сенях бочку. Та, заметив это, поблагодарила нового соседа, даже слегка улыбнувшись, хотя этому новому для нее выражению лица и пришлось прорываться сквозь прилипшую, как маска, гримасу то ли боли, то ли брезгливости. Неприятное было лицо. Прежде с ней в домике соседствовала глухая старуха, и ни о какой помощи с ее стороны, конечно, речь не шла. Вдова сама помогала той иногда перешагнуть порожек. Но над старухой сжалились быстро, принял ее старец всего лишь через месяц ожидания, и та отбыла в свой уезд накануне. До этого была девица, у которой отнимались ноги, а до нее толстенная попадья, что плакала и днем и ночью, почти не замолкая. Все это Полетаев узнал много позже.

Как ни строги были правила, а любопытство человеческое сильнее. Живя в замкнутом, хоть и огромном, пространстве монастыря, узнав его распорядки и обычаи, Андрей Григорьевич, уже через неделю пребывания здесь, мог с уверенностью определять нахождение в любой момент времени своих сожителей по «слободке». Вот сейчас все отправились на обедню, вот вернулись из трапезной, вот две сестры идут позже всех – исполняли послушание, убрали храм после службы.

Заметив, что соседка-вдова иногда на час-два исчезает из его поля зрения, он не удержался и как-то по дороге от храма к домику спросил ее об этом обстоятельстве. Тут и выяснилось, что так называемым «долгожителям», с благословения старцев разрешены прогулки. За монастырской стеной, над обрывом, идет узкая стежка, в конце ее рябина, посередине – скамья. Спуска вниз давно нет, заканчивается тупиком, вдоль шагов всего с сотню. Вроде как на воле, да и не в миру.

Ольга Ивановна приняла Лидин рассказ всерьез, но явного одобрения не высказала. «Делай, как знаешь, дочь. Ты теперь взрослая», – ответила она ей на предложение отправить Петрушу в монастырь. Сам он, неожиданно трезво и спокойно, выслушал сестру и, будучи в состоянии видимого душевного здоровья, согласился на поездку, оставив принятие решения о проживании в монастыре на потом. Отправились четвером. Кузьма, предупредив, что дорога дальняя, заставил их выехать по прохладце, чуть не затемно. К полудню они подъезжали к воротам монастыря.

Войдя с паломниками внутрь по указанию Кузьмы, уже бывавшего здесь, они сразу нашли главный собор. Пока следовали к нему, Лиза все оглядывалась, надеясь в одном из прихожан узнать отца. Народу вокруг было так много, как в праздничный день у них в городе, но ни одного знакомого лица. Кто-то шел на службу в собор, кто-то в тихий храм, где нынче стоял прохладный полумрак, кто-то целенаправленно приехал поклониться святым мощам, а кто-то спускался к источнику. Жизнь в монастыре была организована подобно городской – потоки людей текли по своим надобностям, совершались назначенные беседы с батюшками, оговаривались свершения таинств, монахи, минуя мирскую суету, исполняли назначенные послушания, все имело свой смысл и назначение.

Лиза отчаялась, озираясь. Лида и Петр тоже оказались растерянными, не ожидая такой толпы, и не очень понимая, что им теперь тут делать. Кузьма, проводив молодежь до ворот, вернулся к повозке. И лишь Алексей, обычно тихий и нерешительный, но с детства привыкший к монастырскому житию, не оробел, а сообразил задать вопрос проходящему мимо человеку в облачении.

– Скажите, Вы же тут все знаете? К кому бы нам можно было обратиться?

– Простите братья и сестры, мне не дозволено говорить с мирскими. Вон идет отец Павел, он поможет, – и монах, не разнимая рук, сцепленных под длинными рукавами рясы, кивком указал на идущего в их сторону батюшку.

Батюшка охотно остановился возле них, подробно рассказал, где и какие службы ожидаются до вечера, как набрать святой воды из источника, и где расположена купель. Всматриваясь во время разговора в лица молодых людей и барышень, приветливый батюшка вдруг замолк и, обращаясь теперь только к Петру, сказал:

– За избавление, сын мой, желаешь свечечку поставить? Пойдем, покажу где.

Он увлек их к той небольшой церквушке, что нынче была свободна от службы, и по дороге все рассказывал про какую-то тутошнюю икону, про ее чудеса и ограждение от бед. У порога он их оставил. Набравшись смелости, Лиза спросила у уже уходящего пресвитера:

– Скажите, а где здесь скит?

– На что тебе, дочь моя? – обернулся тот.

– Я хотела повидать одного человека, что сейчас живет при нем.

– Никак не возможно, – покачал тот головой. – Туда даже нам, монастырским, ход только по благословению. Если только он сам возжелает, тот человек.

– Скажите, неужели они вовсе оттуда не выходят? – опешила Лиза, не ожидавшая такого поворота дел. – Как же это! Я так издалека ехала...

– Дочь моя, в скит уходят, все равно, что из жизни, – батюшка смотрел на девушку с сожалением, но без сочувствия. – Из мира. Твое желание нынче не важно. Смирись.

– Но как же так! – снова и снова повторяла Лиза. – А может быть он и захочет, ведь он просто не знает что я здесь. Можно ли послать кого-то сообщить?

Батюшка покачал головой и долго смотрел на Лизу молча, пока она не опустила требовательный взгляд.

– Молись, дочь моя, – батюшка перекрестил всю компанию и снова собрался уходить, но потом обернулся и с улыбкой изрек: – К трапезе-то выходят, как не выходить.

Молодые люди поставили свечи в пустующей церкви, помолились каждый о своем, потом отстояли большой молебен в центральном храме. Перед их глазами сменялись довольные и упитанные тетки с румяными младенцами на руках, сухонькие старушки, как бы, уже одной ногой находящиеся в царствии небесном, и оттого взгляд имеющие неземной, устремленный куда-то вдаль, за невидимую грань. Мужички, вполне благополучные с виду, но что-то имеющие на душе лишнее, какую-то занозу, об избавлении которой и просили тут. Шепчущие то ли молитву, то ли просьбу девицы, мало, чем отличающиеся от Лизы с Лидой. Зрелые женщины с

пустыми глазами, и с глазами, полными надежды или боли, пожилые матроны, стоящие службу как исполнение долга, как солдатский пост.

Больше всего поразил Лизу молодой парень, почти мальчик. Наверно, ровесник ей, или чуть помладше. Нет, ему не могло быть больше лет пятнадцати, а взгляд был «как в последний раз!». Он молился так истово, так взхлеб, так, не замечая никого вокруг, как если бы испрашивал жизнь по новой, вот прямо сейчас и никогда больше. Себе ли? О себе ли? Неважно это было сейчас вовсе! Просто это было так сильно, так взаправду, так на разрыв, что Лиза, если бы мольба была обращена к ней, не выдержала бы и секунды, исполнила сполна. «Пусть у него сбудется, ему так надо, – подумалось ей вдруг про себя. – А тебе? Тебе самой разве не нужно? Нужно. Но, если почему-то нельзя обоим, то тогда, Господи, лучше ему. Я не вынесу все время вспоминать этот его захлебывающийся шепот!»

Дорога, долгое стояние, новая обстановка, совершенно забытый голод, потому что корзины остались у Кузьмы, а обедать решили не выходить из огады – все сложилось в одно и легло на плечи тяжестью безразличия. День клонился к закату. Надо было принимать решение – искать ночлег рядом с монастырем, или уж отправляться в длинную обратную дорогу. Ни о каких заездах в усадьбы речи уже не шло. По лицам своих спутников, Лиза поняла, что они всей душой рвутся обратно в город, что все, что могли, они здесь для себя уже почерпнули, что они устали, что хотят в привычную, понятную обстановку, но ради нее согласны терпеть.

Толпа паломников рассеялась, редкие группки отставших и отдельные прихожане медленно покидали монастырские пределы, и вот из-за деревьев, которые приезжие приняли за опушку леса, показалась небольшая вереница разномастной публики. В основном, это были женщины. Кто в повседневном платье, кто в дорогом барском, кто почти в монашеском, но с простыми косынками, двое в откровенном рубище – все они направлялись к трапезной. Мужчин среди них было трое. Отца Лиза узнала сразу, окликнула негромко. Он обернулся, увидел ее ясно, потому что был недалеко от аллеи, на которой стояла Лиза с друзьями, наклонил голову, как бы вглядываясь против заходящих закатных лучей. Узнал. Не остановился, а опустив голову, проследовал дальше. Ждать стало нечего.

Городской шлагбаум повозка монастырских паломников миновала уже в полнейшей темноте. Половину обратной дороги Лиза и Алексей молчали, а Лида и Петр переговаривались с Кузьмой, постепенно передавая ему все события дня, стараясь при этом обходить стороной последнюю сцену. Тот комментировал в своей манере особо яркие моменты, но к Лизе напрямую не обратился ни разу и про отца ничего не спросил. Миновав поворот, который вел к мосту, Кузьма проехал еще с четверть часа и остановился у обочины.

– Поешьте, ребятки. Весь день же впроголодь, – он кивнул на укрытые от солнца корзины. – Еще больше часа ехать. Да и Егоровна меня со свету сживет, если поймет, что мы ее стряпню не уважили. Давайте.

– Кузьма, ну, совершенно не хочется! – впервые за всю дорогу подала голос Лиза.

– Ну, вам не хочется, а вот я, старый, проголодался. Неужто, пирожка пожалеете, барышня? – схитрил Кузьма.

Пристыженная Лиза раздала свертки и сверточки друзьям и старику, и сама бросила в рот выпавший кусочек. И тут только поняла, насколько она проголодалась. Они разорили нянькину корзину почти до дна, оставив только пару краснобоких яблок. Выпили весь компот, бережно процеженный ею в бутылки, сыто отвалились на спинки дорожной повозки, и уже лениво перешучиваясь и пересмеиваясь, медленно продолжили путь к городу. Про монастырь и поездку в целом больше не поминали. Лишь, подъезжая к заставе, Петр, оказывается переживавший о чаяниях сестры, стал размышлять вслух:

– Не дело, что по усадьбам-то не проехали, – он вздохнул. – Теперь знаем, что на то целый день нужен. Лидочка, если тебе это важно, то давай так же соберемся и съездим?

– Мы, конечно, никому не обещали, – задумчиво отвечала ему сестра. – Но, Петя! Представляешь, как я явлюсь к Белочке и дам ей целый список мест? Вот она обрадуется!

– Одну тебя не пущу, – строго говорил брат. – Может так же? Снова? Все вместе? Лиза, скажите, можно ли будет еще эту повозку попросить?

– Не знаю, удобно ли это, – замялась Лиза, которая понимала, что злоупотреблять великодушием Вересаевых совестно. – Да и есть ли смысл ездить такой толпой? Если мы разобьемся по парам, то сможем охватить больше усадеб и сел. Так, Лида?

– Ах, как здорово ты придумала! Конечно, парами, – Лида чуть не хлопала в ладоши. – А то, что это? Заявимся целым кагалом, так нас еще и не каждый хозяин примет. Хорошо придумала! Да, Алексей?

Тот смущенно кивнул, понимая, что в пару ему достается Лиза. На том и порешили.

Лиза никогда прежде не бывала в городе в такое позднее время. Она удивилась, насколько он тих и пуст, как только они въехали на окраину. Ни огня, ни звука. Только собаки побрехивают, провожая стук колес вдоль заборов. При подъезде к слободке, где жили Оленины, им стали встречаться редкие парочки, а раз мимо проследовала довольно шумная и не очень трезвая компания. Но все было благочинно. Распроцавшись с попутчиками, Лиза согласилась ехать через центр города, где было не столько ближе, сколько светлей и безопаснее. На главных улицах и проспектах жизнь не затихала и ночью. Разъезжались гости из ресторанов и театров, гуляющие компании переходили шумно из одного заведения в другое, встречались экипажи с пестро одетыми и шумными барышнями, фланировали молодые бездельники.

Проезжая мимо салона, где на днях с них с Лидой снимали мерки, Лиза с удивлением заметила около его входа карету. Окна ее были зашторены. Кто же в такой час может заказывать наряды, и разве заведение не закрывается на ночь? Это показалось Лизе необычным, странным. Поэтому только она и обратила внимание на молодую, по всей вероятности, пару, что как раз выходила из дверей модного салона. Точнее было не разобрать – широкополая шляпа скрывала лицо и волосы кавалера, а его дама была в густой непроницаемой вуали.

В самом салоне все барышни, оставленные на сверхурочное обслуживание, тоже были в некоем недоумении, но высказывать его вслух мадам строго-настрого запретила. Она объяснила ночной визит причудами заказчицы, известной актрисы, пожелавшей остаться инкогнито. У той свободными оказались только поздние вечера после спектаклей и репетиций, а платить она собиралась столько, что можно было и промолчать о странностях. А странности были. Сняв вуаль, посетительница оказалась в маске-домино и расстаться с ней так и не пожелала.

Но, действительно, чаевые превзошли все ожидания, так что девушки согласны были вовсе забыть о ночном визите. Да и платье заказано было явно для какой-то исторической постановки – тяжелого бархата, с накидкой из парчи, расшитое золотом и самоцветами. Лишь у одной из служительниц салона сорвались с губ неосторожные слова: «Надо же! Никогда не видела двух дам со столь схожими мерками! А эти цифры я помню, и видела совсем недавно. Если полистать книги, то можно...» Но тут мадам посмотрела на нее такими глазами, что барышня осеклась и более клиенток и их обмеры не обсуждала.

Лиза с Кузьмой добрались, наконец, до дома, но и тут неожиданности этого длинного дня еще не оставили их в покое. В воротах они еле разъехались с повозкой доктора, который вид имел усталый, и только приподнял шляпу, приветствуя дочь хозяина. Лиза заволновалась и, соскочив с подножки, напрямик бросилась к своему флигелю. Егоровна открыла ей дверь живая и невредимая, но нахмуренная и озабоченная. Лиза облегченно выдохнула.

– К кому доктор приезжал, няня?

– Ох, доню, – Егоровна, видимо, действительно устала без хозяина, все беря на себя. – Приехал раньше, чем всегда, сошел с повозки, да на ступеньках большого дома и упал. Гор-

ничная Вересаевых его нашла. К нему-то на половину она заходить боится, ко мне прибежала. Камердинера его я вызвала, мы вместе поднимать его стали, а кровь горлом-то как хлынет. Ужас что было! Я уж адрес нашего доктора им дала, так тот камердинер так и полетел.

– Да чей? Чей, няня? – Лиза мало что поняла из сумбурной речи Егоровны.

– Да этого басурмана, что вас с Аленкой напугал давеча. Ах, бедолага! Доктор-то сначала все говорил: «Желудочная болезнь. Или язва, голубчик. Разве ж мыслимо столько пить!»

– А потом?

– А потом ему цвет чего-то там не понравился, так он нахмурился весь и говорит: «Ах, как бы, не яд тут побывал! С точностью ответить могут только лабро... лаборито... ла...» В общем, анализы увез, завтра, говорит, ясно станет, – закончила свой красочный рассказ няня. – А у тебя что, доню? Хоть повидала благодетеля-то?

– Повидала, – тихо ответила Лиза и, обогнув няню, направилась к себе в комнату.

– И что? – в спину ей, уже совсем безнадежно, спросила Егоровна.

– Жив, выглядит здоровым, – обернулась к ней Лиза.

– Домой-то не собирается? – в глазах Егоровны затаилась надежда.

– По всей вероятности – нет, – Лиза гладила ладонью свою дверь, но пока не открывала.

– Так что говорит-то? – няня была настойчива, но поняв, что Лиза молчит в ответ, дала отступного. – Да вы хоть поговорили, дитятко?

Лиза мотнула головой.

– Я только издалека...

Поняв, что сейчас может пролиться дождь, няня вновь сделалась собранной и энергичной.

– А ну-ка отправляйся спать! А то – ночь-полночь на дворе, – она мелко перекрестила Лизу издалека. – Повидала, и уже – слава Богу! Утро вечера мудренее.

– Спокойной ночи, няня, – дверь за Лизой затворилась.

Обе разошлись утирать слезы в одиночестве, по своим углам.

– Почему надо было объявиться именно тут? – шипела Таня, усаживаясь в занавешенную карету. – Нет что ли во всем Нижнем Новгороде других пошивочных заведений? Здесь мы с теткой знакомы каждой гладильщице! Ты с ума сошел, братец!

– Сестренка! Ты в маске! Кстати, привыкай к ней, – Сергей отдернул шторку посмотреть насколько они отъехали от центральных улиц. – Ты молодец! Держалась как надо. А салон выбирал не я, а тот, кто платит.

– И кто же это? – презрительно скривила губу Татьяна. – Кто он, твой теперешний «хозяин»?

– Он такой же «мой», как и «твой»! – начал злиться Сергей. – Согласилась, значит ешь, что дают! И не задавай лишних вопросов.

После своего речного вояжа Сергей Горбатов изменился. Он стал спокойней, у тетки и сестры больше ничего не просил, но поставил себя дома так, что все очень быстро привыкли к тому, что он может ночь-две вовсе там не появляться. Тетка своими путями тут же разузнала, где находятся сейчас истинные интересы племянника, ему ничего не высказала, но убедилась в относительной безопасности, так как про вдову никто плохого сказать не мог. То, что племянник свою новую страсть под венец не тащил, в свет с ней не выходил, да и кланчить дома перестал, вполне Удальцову устраивало. Лишь бы не попал в какую-нибудь шумную историю. И она полностью занялась устройством будущего племянницы.

Отношения Сергея и Варвары были настолько неопределенными, что сама она устав мучиться надеждами и попытками объясниться, согласна была уже на то, что есть. Никаких слов он ей не говорил, вел себя с ней на людях, да зачастую и наедине, по-прежнему, редкие

порывы страсти никак после не комментировал, а, наоборот, мог уйти наутро и не появляться два-три дня. По началу, окрыленная любовница, по женской своей логике решила, что теперь они являют из себя пару и попыталась одаривать нового спутника теми радостями, что сама считала стоящими. Например, созвала гостей на именной ужин в честь Сергея. Он не явился вовсе. Попадая впросак, Варвара пробовала обижаться, но Сергей вежливо раскланивался, обещая зайти позже, когда хозяйка будет в настроении. Выяснить с ним отношения оказалось делом практически невозможным. Он ускользал. Она смирилась. На вопросы общих знакомых: «А что нынче Сергей Осипович?», она научилась отвечать оплывшими фразами: «Был зван, если дела позволят – будет непременно». Что устраивало всех и отменяло вопросы последующие.

Единственное, что Горбатов благосклонно принимал от Мамочкиной – это устройство его публикаций. Уже вышли подборки прежних лет в двух солидных журналах и на вычитку приносили из типографии гранки его полного сборника, что готовился к тиражу в следующем месяце. Варвара прикармливала издателей, а тот господин, что ходил с ними на пароходе, стал теперь чем-то типа личного литературного агента при Сергее.

Лекарства было вдоволь, но Сергей, памятуя о приятных днях поездки и уже понимая, что и без порошка он может чувствовать себя не хуже, чем с ним, старался лишней раз не злоупотреблять, но таскал из запасов коробочки, чтобы не возникало вопросов, а было пополнение. К тому же еще не прошел страх после обморока, случившегося с ним до отплытия. Так у него возник некий личный запас в доме у тетки. По-прежнему, не было только наличных. Просить и брать деньги у Варвары он считал ниже своего достоинства.

И вот, как-то раз, сидя дома и выдерживая очередной воспитательный момент для Варвары, он так и так крутил и рассматривал предложение, полученное от барона на палубе. Прикинув все риски, пребывая нынче в состоянии ясной памяти и сознания, он решил, что опасность не превышает возможной выгоды. И он решился открыть все Татьяне. Вначале та возмутилась. Потом и вовсе рассвирепела: «Ты, братец, совсем докатился! Не смей трепать мое имя с какими-то проходимцами! Тетка будет заниматься мной, только в том случае, если этот год я буду вести себя идеально. Я ей обещала, что наша фамилия не будет упомянута ни в одном происшествии. Уж будь любезен, поспособствуй мне в этом. Год – это не так долго! Можешь ты не влезать никуда хоть сейчас? Пощади меня».

Сергей как на духу, раскрыл ей все свои размышления, опасения и расклады. Сто раз повторил, что участвовать в затее будут люди не только, что из общества, а такого положения, что никаких упоминаний и фамилий не может быть в принципе. На таком уровне случайностей и проколов не бывает. Имя и честь ее в полнейшей безопасности. Это как артистический спектакль. А деньги в собственных руках не помешают никогда. Тетка теткой, и платья платьями, а на ленточки-туфельки-колючки у нее каждый раз не допросишься! Татьяна, будучи натурой авантюрной, на уговоры поддалась быстро. Глаза ее загорелись при мыслях о собственных расходах, а участие в необычном действе, она приняла как вызов. Вон, даже ее товарки-зануды, Полетаева и Чиатурия, и те по усадьбам с какими-то танцами ездили, выступали. Что ж она! Не справится что ли? В обмен Таня потребовала у брата выходов в свет. Решение было принято, Сергей встретился с гномом-искусителем, завертелись приготовления.

Андрей Григорьевич имел теперь возможность брать ключ от калитки. Благословили. Этому предшествовал его разговор с Демьяновым, который случился между ними, когда все трое мужчин получили послушание на монастырском огороде. Как правило, такие работы поручали женщинам, но тех услали куда-то всех вместе в этот день, а полоть-поливать было надо. Пока таскали воду, Полетаев и Демьянов помалкивали, а суровый дядька, что и был тре-

тым среди них, как-то сразу взял командование, осуществляя его отрывистыми окликами или просто поднятием бровей или кивком головы.

– А ну, это! – он приподнял свою лопатную бородищу, осмотрев лейки, коромысло и пять ведер, одно из которых оказалось дырявым. – Давай оба. По два. А я тут буду.

Бородатый дядька пропустил крайнюю морковную грядку у себя промеж ног и, нависнув над ней, быстро-быстро стал продвигаться задом. Не разгибаясь. В межу ложились ровные букетики сорняка. Переглянувшись, двое оставшихся мужчин взялись за ведра. Полетаев быстро отстал от более резвого напарника, и они врозь теперь семенили к колодцу и обратно. Коромысло – не мужское дело, да его еще и носить нужно умеючи, так что скоро руки у Андрея Григорьевича почти онемели от тяжести двух ведер, но бросить порученное занятие не позволяла гордость, и он таскал их, кажется, только из одного упрямства.

Солнце клонило к закату, но жара и усталость все еще потом заливали лоб и глаза, мыслей в голове становилось все меньше, пока там не осталась одна-единственная: «Сколько ж ведер еще влезет в эту бездонную бочку!» Когда перевернутое очередное ведро плеснуло холодным лезвием по ногам, Андрей Григорьевич решил, что больше не сможет поднять сегодня даже кружки воды. Дрожащие руки покрылись вздутыми венами, он утер лоб и, перевернув вверх дном сухое прохудившееся ведро, устало опустил на него. Демьянов подошел с полными ведрами и присел рядом на корточки. Из одного «лишнего» ведра они умылись и напились, а бородатый мужик оглянулся, по звукам определив, что оба его напарника вернулись.

– Ну, что сели? – распрямился он. – Работнички. Еще ж и не начинали! А?

Рафаэль Николаевич вскочил, как нашкодивший школьник и стал переливать воду по лейкам. Полетаев наблюдал за льющей струей, и было это отчего-то самым важным сейчас. Как только первая лейка наполнилась до краев, он подхватил ее и, повернувшись к грядкам с огурцами, стал лить с высоты своего роста. Руки тряслись, и вода расплескивалась из-под ручки.

– Куда ты! – укоризненно протянул бородатый, бросил свое занятие и подошел ближе. – Городские? – оба кивнули. – Ну, куда ж ты по солнцу льешь! Дождись, пока тень найдет. И листья побереги, погорят. Эх! Давай сам я. А вы уж тут. Резное оставляй. Остальное рви. Если две рядом, то мелкую тоже рви. Эх!

Он ловко подхватил обе полнехонькие лейки, и отправился в край огорода, где тень уже успела остудить требующие влаги посадки. «Городские» остались на прополке. Так быстро, как у мужика, у них не получалось, да и вниз головой долго не простоишь. Они все чаще распрямлялись, давая отдохнуть ноющим ногам, спине и почему-то плечам, и стали перекидываться сначала малозначащими фразами.

– Вот делишки-то, братец, – утирая лоб, с улыбочкой качал головой Рафаэль Николаевич. – Действительно, что это мы за работнички с тобой. Сколь здесь живу, на огороде ни разу и не бывал, так-то.

– Простите, мы с Вами на «ты» перешли, сразу так коротко? Я не заметил, – отвечал доброжелательно Полетаев.

– Да мы с тобой, братец, и словом-то не перемолвились ранее, ты ж новенький тут? – Демьянов смотрел не в лицо собеседнику, а на то, что вдальке делает бородатый мужик. – Да и этого почти не знаю. Хотя он уж с месяц тут. Молчун. А я, знаешь ли, как дома тут уже. Все жду, когда милость старцы окажут. Прижился уж. Желаю, видишь ли, мил-друг, в монахи уйти, от суеты мирской и грехов тяжких. На прежнем месте все с батюшкой говорили, говорили. А он возьми как-то, да и отправь меня сюда, в скит. Я в ноги схимникам – сперва к одному, потом ко второму. Они не сговариваясь: «Нет, не пора еще тебе, не все в миру исполнил». Я: «Да что ж? Деток не нажил, родных не имею, пустите служить да грехи отмаливать». А те все велят – исполни то, исполни се, не готов еще, рано. Так я и что ж! Жду. А уж как по-ихнему славно-то, хорошо – «брат», «батюшка». Вот я и привыкаю.

– Так я ж гораздо старше Вас буду, как-то неудобно, – мялся Полетаев. – Может, попривыкнем пока?

– Да уж не настолько старше, чтоб в отцы сгодиться? А? – подмигнул Демьянов. – Не годишься в отцы-то? Брат?

– Да уж, – покраснел от такого прямого попадания Андрей Григорьевич, – В отцы-то я, как оказалось...

Он умолк и, нагнувшись, продолжил крестьянскую работу.

– А что приуныл? Никак я тебя обидел? Ну, прости. Не хотел, – Демьянов тоже стал выщипывать травку. – Ты, мил-друг, не сердись.

– Да что Вы... – Полетаев все никак не мог приноровиться к новому обращению. – Да что ты, добрый человек. Просто у меня это больное оказалось, ты ж не мог знать. Все хорошо.

– На меня сердиться что! – продолжал балагурить будущий монах. – Я со зла не скажу, а если ж по недомыслию, то, что ж... Прощенья просим! А детишки-то у тебя, поди, взрослые уже? Что ж это – прежде хорош был, а нынче не удался? Не хочешь, не говори. Только мне все можно. Я как трава в поле – услышу, так, по ветру прошелестит, да и все.

– Дочка у меня, – тихо сказал Андрей Григорьевич.

– Обидела тебя, не чай?

– Нет, что Вы... Что ты! – Полетаев загорелся взглядом. – Она не может. Она у меня такая... Институт благородных девиц с шифром от самой императрицы окончила. И помощницей мне стала, сама вызвалась. И уважает. И добрая. Вежливая. Родная моя девочка. Нет, не обижала.

– Так, значит, ты ее обидел? – продолжал расспрашивать Демьянов.

– Да нет, – по щеке Полетаева покатила неожиданная слеза, а горло сжалось изнутри. – Да я с нее пылинки сдувать готов. Как можно! Наоборот! Я как подумаю, что ее кто-то обидеть мог... Может! Так дышать не могу. Ох! – и Полетаев положил ладонь на левую грудь, где тоже что-то перехватило сейчас.

– Сердечко? – заботливо кивнул на то собеседник.

– Да, пошаливает, – ответил Полетаев и, чуть отдышавшись, наклонился к грядке.

– Ты особо-то не рвись с непривычки, – Демьянов закончил свою грядку и теперь встал над незаконченной соседской, и продвигался теперь Полетаеву навстречу. – Что не успеем, завтра доделаем. А то нехай больше народу на это послушание выделяют. А лучше, чтобы сюда бабы вернулись, а мы к привычному. А? Соседушка? – он привстал и оглядел проделанный труд. – Нам бы поносить чего, да? Так? Разгрузить-разобрать, дров наколоть. Я еще маляром могу!

– А я, знаете, как-то не привычен, – честно признался Андрей Григорьевич. – Если цифры какие посчитать, или наперед прикинуть, чтоб запасов хватило, то это могу. Поля знаю, какие под пар пустить... Мастерские наладить...

– Мастерские? Ух, ты! – воскликнул сосед. – Так я тебя в кузню сведу завтра, там поспрошай, может, чего и посоветуют, как тебя лучше пользоваться. Батрак-то из тебя... Как из меня почитай! – и он рассмеялся. – Я б тоже все с бумажками бы сидел, да вот жизнь по-иному решила. Так что, теперь, что велят, то и в радость!

– Да. Брат? – неуверенно пробовал непривычное обращение Андрей Григорьевич. – Физически я много не могу. Если в дом воды натаскать, то – это пожалуйста. Потихоньку. В своем темпе. А вот как мы сегодня наперегонки, то уж тяжеловато.

– Ноги? – спросил тот.

– Да нет, с ногами вроде все ладно, только к дождю ноют. А с чего ты спросил?

– Да видел я тебя с тростью, как первый день прибыл. Чего сейчас ее не берешь с собой?

– Да, знаете... – снова сбился на «вы» Полетаев. – Ой. Знаешь... Как-то тут неуместно это, что ли... Вроде как форс. Я ж без нее в принципе могу, она только помогает равновесие сохранять.

Полетаев распрямылся, потому что пот уже тек через брови, и щипало глаза, и потер грудь с левой стороны, где щемило.

– Тебе с твоим сердечком гулять надобно, – Демьянов тоже встал, оба работника сошлись впритык, грядка была выполота. – Послушания-то – они ж не всякий раз на свежем воздухе будут. Это я тебе безо всякого доктора скажу, мил-человек.

– Мне соседка по дому сказывала, что есть тут какая-то тропа прогулочная, да не всем к ней ход дозволен. Что для того нужно? Как-то отличиться? Или определенный срок тут пробыть?

– Да разве ж для здоровья выслуга требуется? – Рафаэль Николаевич покачал головой. – Тут все проще, мил-друг, благословения надобно испросить у старца, да и вся недолга. А там уж, как он решит. Тут все просто, все за тебя решают. Тебе только о душе своей остается заботиться, с ней решать, о ней думать. А все остальное – как велели, так, значит, и лучше.

– Да как же я к старцу попаду? – Полетаев растерянно улыбнулся. – Его ж благосклонного приема и ждем здесь, днем и ночуем. Уповаем. Если допустит, то не о прогулке ж я его просить стану. О главном сразу скажу, как увижу. Как же?

– Дык, – Демьянов почесал в затылке. – Дык, я, мил-человек, почитай каждый вечер перед старцами нашими отчет держу, такая на мне епитимья. Спросить за тебя при случае?

– Благодарю, – Полетаев склонил голову. – Если не затруднит.

И вот Андрею Григорьевичу стали выдавать ключ, и прогулки над холмом сделались привычным делом. Ключей от калитки оказалось два – у каждого старца свой – и иногда Андрей Григорьевич заставал на тропинке кого-нибудь, явившегося до его прихода. Если та, или тот, сидели в задумчивости на скамье, то, не нарушая молчаливого уединения, Полетаев прогуливался к рябинке и обратно, а устав ходить, обнаруживал скамейку уже пустой. Он все больше проникался душой к этому месту, откуда простор открывался невероятный, где сидеть, казалось, можно было бесконечно, без единой связной мысли в голове, просто смотреть вдаль. Ни о домашних, ни о своей будущей или уже прожитой жизни мысли тут не приходили вовсе. Если и являлись они, то были большей частью величественными и всеобъемлющими, о людях «вообще», о чувствах и боли человеческой.

Захаживал сюда и Демьянов. Он как-то угадывал тот момент, когда Андрей Григорьевич уже собирался вот-вот встать, вдоволь наглядевшись и надумавшись, и они еще с четверть часа предавались ненавязчивому разговору. Тут, как правило, по скрипу калитки они определяли, что явился кто-то новый, и Полетаев раскланивался, оставляя будущего монаха наедине со вновь пришедшим. В этот раз Демьянов сообщил новость, которая для всех жителей «слободки ожидания» должна была являться радостной и обнадеживающей – старец назначил на завтра исповедь одной из паломниц.

Назавтра был день выходной, народу ожидался наплыв. Явился после завтрака в дом к Полетаеву Демьянов и протянул ключ от калитки.

– Послушание у тебя сегодня послеобеденное, знаю, брат. Ключ велено вернуть только к вечеру, так что можешь улучить часок.

– Благодарю, – отвечивал Полетаев, который только что мучился вопросом, чем занять себя до обеда – читать псалтирь или молиться наедине с собой, он так пока и не смог себя приучить подолгу.

Он сидел над обрывом, солнце начинало припекать, и все чаще подъезжающие внизу повозки не давали ему предаваться величавым раздумьям. После тщетных попыток поразмыс-

лить о вечном, Андрей Григорьевич сдался, и стал просто и искренне наблюдать за приезжими. С одной повозки сошли четверо. Вслед слез с козел и кучер, чья фигура показалась Полетаеву ужасно знакомой, и повел стайку молодежи за поворот, где находились центральные ворота монастыря. Пока они не скрылись, Полетаев вглядывался, и почти уверился, что одна из барышень, несомненно, его дочь. Возница вскоре явился один и, развернувшись, стал отгонять повозку в тень. Это был Кузьма, сомнений не осталось.

Полетаев стал заглядывать внутрь себя, чтобы понять, что же он чувствует. Первым делом, еще только заподозрив приезд домашних, он испытал испуг. Да-да. Даже не удивление. А удостоверившись, что не ошибся, и что, скорей всего, сегодня ему предстоит встреча с Лизой, в груди его стало разливаться что-то неприятное, к чему он вынужден был прислушаться, чтобы понять природу этого ощущения. Это была досада. Причем уже знакомая, испытанная прежде. «Как? Когда это началось?» – подумал Андрей Григорьевич. – «Это же Лиза. Моя Лиза! Что происходит?»

А происходило то, что он не испытывал радости от присутствия любимой дочери, а самой первой, самой честной мыслью при виде ее было: «Ну, зачем?» Ах, как трудно было признать это. Но еще трудней было сейчас встать, пойти и разговаривать с ней. «Почему?» – снова сам с собой выяснял Полетаев. «А потому, что, чтобы я ей сейчас ни сказал – все будет ложью. Потому что нечего мне ей сказать по большому счету, а говорить о повседневном, о еде и здоровье, вовсе немисливо, вовсе бессовестно, вовсе лживо. Она неприятна мне. Неприятна всем своим видом, хоть плачущая и страдающая, хоть собранная и гордая. Любая. Не хочу ее видеть!»

– Подумываешь о дороге, брат? – прозвучало над ухом.

– О, боже! – Полетаев вздрогнул. – Я вовсе не заметил тебя, Рафаэль Николаевич. Давно тут стоишь?

– А лицо-то, лицо у тебя какое, брат! – не ответил тот и присел рядом на скамейку. – Нет, тут не о путешествии думы. Вспомнил кого-то? Да ты ж страстями обуян, как я посмотрю.

– Послушай, оставь этот балаганный тон, прошу тебя, – опершись на трость, Полетаев не поднимал больше лица, и получилось, что он снова смотрит на дорогу.

– Ну, прости, прости, брат, – как ни в чем не бывало, продолжал разговор Демьянов. – Хотел взбодрить тебя, да снова не угадал.

– А чего угадывать? – сегодня и Демьянов был отчего-то неприятен. – Возьми да спроси.

– Вот и спрошу, мил-друг, – продолжая оставаться в радужном настроении, все больше раздражал его бывший судейский. – Никак, привиделось что? Или узнал кого внизу?

– Дочь там моя! – вскочил Андрей Григорьевич. – Моя родная дочь! Что Вы понимаете, бездушный человек!

– Да то и понимаю, что раз не бежишь к ней по сию пору, значит не в масть тебе эта встреча, и приезд ее не в масть. Так ли, мил-друг? – Демьянов похлопал ладонью по скамье. – Да ты не дергайся, присядь обратно. Давай поговорим, чего от себя самого-то прятаться, а? Это та самая, что ты мне рассказывал? Которая тебя не обижала, и которую ты не обижал?

– Прости, – Полетаев сел обратно. – Я сегодня отчего-то сильно раздражен, сорвалось. Та самая, да она одна-единственная у меня и есть. Лизонька.

Демьянов молчал. Андрей Григорьевич тоже замолк, то ли ожидая очередного вопроса, то ли просто не зная, что еще и сказать-то. Помолчали. Через пару минут Полетаева как прорвало.

– Ты понимаешь! – развернулся он лицом к собеседнику. – Я не могу ее видеть! Это черт знает, что такое! Я не могу даже вспомнить, когда это началось. Но не сегодня, не сейчас. Это было, было уже там, дома! Неприятно видеть ее лицо, ожидание чего-то на этом лице! Ах, как мне мерзко сейчас!

– Выросла девочка, – задумчиво произнес Демьянов и вновь умолк.

– Да причем тут «выросла», – уже упавшим голосом пробормотал, внезапно уставший от своего выплеска Полетаев. – Выросла-то она, выросла. Это я знал и вчера, и месяц назад, и когда только собирался забирать ее из Института. Это все не то. Это все после того случая изменилось.

Демьянов молчал. По звону колоколов главного собора, они поняли, сколь долго уже сидят тут вместе. Полетаев теперь смотрел вдаль, на маленькие домишки, дрожащие в полуденном мареве, и на душе было тоскливо и муторно.

– Служба скоро, – констатировал Демьянов. – К обедне-то пойдешь?

– А где нынче?

– Да у Николая Угодника.

– Пойду.

Снова воцарилось молчание.

– Ты только себя не казни, – тоже глядя куда-то в поля, сказал Демьянов. – Ты сам хозяин своему времени и вниманию. Раз к Богу под крылышко прибило тебя нынче, в тишину, да в раздумья, так значит Ему и видней. Так значит и правильно. Сам себя слушай, да верь. И гневу своему верь, и злости, коль надо.

– Да как же можно! – возроптал Полетаев. – Человеческий разум на то и даден, чтобы гасить в себе этакие...

– Да ты послушай, – прервал его Демьянов. – Что толку насиловать себя постоянно, если все равно прорвется. Всему же есть причина, исток. Твоя злость тебе и указывает, что не все так гладко ищи, мол! Очисти душу-то! Ты ищешь? На одном характере долго не сдержишься. И разум твой... – он махнул рукой, но сразу продолжил. – Болит-то у тебя не разум, а душа. Вот ты сейчас накричал на меня... Пстой! Не извиняйся снова, лишнее это... Вот ты на меня собак спустил, а окажись она перед тобой, то и на нее смог бы. Кому от того лучше? С тем ее отпустить домой желаешь? То-то. А это ж не я виноват нынче, да и не она. Да и не ты, друг мой милый! Так что, не хочешь ее видеть, так значит и пореши. На том и стой! И на том будь спокоен. Так, значит, и лучше сейчас. Мы часто на близких своих выплескиваем то, что внутри клокочет, потому, как времени на раздумья не имеем. А ты ж сюда и закрылся, друг мой милый, чтобы ответы получить. Разве не так? То-то. А какие ж ответы, если у тебя пока и вопросов-то толковых нету? Или есть?

– Есть. «Почему так?» – ответил Полетаев и сам замолчал надолго.

Давали оперу. Сергей взял три кресла в партере, на ложу тетушка не разорилась. Он обещал ей и сестре сопровождение в день спектакля, но, вызванный в город запиской, узнал, что на этот же вечер барон назначил первое собрание «братьев Мертвой царевны». Сестра не расстроилась. Выход в свет будет совершен, новый наряд продемонстрирован публике, завистливые взгляды дам и барышень света – собраны. Татьяне вполне хватило бы на это первого отделения, сама театральная постановка ее привлекала мало. Брат и сестра собирались в антракте оставить тетушку в одиночестве и сделать вид, что они вместе сбежали от нее в ресторан. Зная их склонности, она бы этому вовсе не удивилась, хотя и ворчала бы о плебейских нравах, но увязаться за ними у нее не возникло бы и мысли, она сама подобных мест не переносила. Но вышло еще удачнее – тетка накануне приболела. Не сильно, но с чиханьем и другими мелкими неприятностями, с коими на люди не выйдешь.

Уже в начале десятого вечернего часа, экипаж, которым Сергей управлял нынче собственноручно, въезжал в ворота загородного особняка. Это была частная резиденция, сдаваемая под гостиничное проживание. Молодые люди прошли в третий этаж, Сергей отправился искать барона, а Татьяна начала преображаться в Царевну, найдя разложенные на кровати платье и иные принадлежности в той комнате, куда ее проводили. На туалетном столике грудой

лежали браслеты, жемчужные нити и золотая цепь. Но все это великолепие затмевал массивный венец, сплошь усыпанный самоцветами, которые сияли под колеблющимся пламенем свечей. Татьяна зажгла свет электрический и стала внимательно изучать украшение, едва сдвинув его с места. По ее наблюдениям и металл, и камни были настоящими, драгоценными. Она попробовала водрузить сооружение себе на голову, но поняла, что носить эту сказочную корону в обычной жизни невозможно, если не придерживать ее обеими руками. Тяжести та была невероятной.

Раздался тихий стук в дверь, это вернулся куда-то отлучавшийся Сергей.

– Ну, что? Готовишься, сестренка?

– А как я все это сама надену, кто-нибудь подумал? – Таня начинала злиться. – Мне нужна хотя бы одна девушка. Изволь пригласить!

– Кхе-кхе! – Сергей слегка смутился. – А вот это вряд ли возможно... Ты уж разденься до панталончиков, сестренка. Белье-то остается твое, собственное, его снимать не нужно. А уж твоей горничной придется побыть мне самому.

Они с трудом одели Таню в тяжелое бархатное платье, потом последовали парчовая накидка, круглый царский ворот, шитый золотыми нитями, такие же манжеты... Сергей долго путался в многочисленных застежках. Таня даже вспотела, и, полностью облаченная, присела к столику остыть и успокоиться. То, что дома казалось развлечением, легким способом «ни за что» получить денег, оказывается, уже начинало требовать к себе внимания и терпения. Таня нанизывала на запястья многочисленные браслеты, когда в дверь постучали, но уже настойчивей и уверенней, чем ее брат. Сергей выглянул в коридор для объяснений.

– Позвольте войти? – раздался приглушенный скрипучий голос. – Ах! Сию же минуту погасите верхний свет, молодые люди!

Корндорф вошел внутрь комнаты, прикрывая глаза ладонью. Верхнюю часть его головы скрывала маска с подобием клюва, и, видевший ранее его лицо открытым Сергей чуть не захихикал, подумав, что рельеф домино всего лишь утрированно повторяет черты собственной физиономии Модеста Карловича. Но он сдержался. И послушно погасил люстру. Барон оглядел все вокруг и протянул Сергею коробку и небольшой футляр.

– Опоздываете, молодые люди, – с укоризной проскрипел он. – Вы уже час валандаетесь с переодеванием. Вы сами назначили такие сроки, хотя можно было прибыть заблаговременно. А барышне еще предстоит занять свое... э-эээ... ложе. И достичь состояния покоя. Кстати, простите за интимный вопрос, я надеюсь, барышня ничего не пила нынче вечером?

– Вы имеете в виду алкоголь? – не понял вопроса Сергей. – Запах?

– Я имею в виду естественные потребности тела, молодой человек. Которые удовлетворить барышня сможет только по окончании сеанса. И вот это, – он указал подбородком на переданные Сергею предметы. – Наденьте, милая. Если гости привозят с собой некие детали женского туалета, то по окончании игры, естественно, могут унести их с собой. Но сначала они хотят снять их. С тела. Сегодня принесли вот это. Да-да! Гости уже съезжаются! Могу дать вам четверть часа, не более.

– Простите! – наконец подала голос оробевшая, и, отчего-то онемевшая при приходе барона Татьяна. – Венец. Я пробовала надеть. Он падает от тяжести.

– Ах, ты! – озаботился гном и всплеснул руками. – Не рассчитали! Но этот атрибут непременно должен быть, без него никак нельзя. Голубчик, давайте попробуем надеть на уже лежащую голову!

Теперь Таню прошиб холодный пот, и она жалостно посмотрела на Сергея, как будто бы он мог избавить ее от напасти и защитить от этого колдуна, так свободно распоряжающегося ее головой. Барон первым вышел вон. Сергей заглянул в переданные им свертки – в одном был массивный золоченый браслет под стать венцу, во втором – пара золотых расшитых туфель.

– Сережа, я боюсь, – Таня сейчас была правдива, как никогда.

– Ну, потерпи, сестренка, – Сергей вытер пот и у себя со лба. – Глупо убежать сейчас, не дети же! Пойдем, я помогу тебе лечь.

Таня прислушалась к себе, подумала о справедливости слов мелкого страшного человека, но поднимать сейчас все эти тяжеленные юбки, ютиться с ними в маленькой комнатке, или, тем более снять все это... Нет! Уже вовсе нет времени! Не может же «это» продолжаться долго? Она потерпит. И она решительно передела туфли и нацепила на руку еще один браслет.

Благодаря непокорному венцу, Сергею удалось увидеть место самого действия. Комната была украшена с почти театральной нарочитостью, и действительно напоминала терем. Освещение было тусклым, свечным, и колышущиеся тени придавали всему некую таинственность. Татьяну еще раз затрясло, когда она поняла, что нужно ложиться именно в гроб. Но, отдать должное бутафорам, или иным мастерам – гроб был сказочным! Полупрозрачный, мерцающий на просвет голубыми огнями, отраженными от свечей, он будто бы сам чуть светился в полумраке. Из него свисали длинные концы погребальных тканей, устилающих хрустальное дно, а в изголовье даже лежало нечто похожее на подушечку. Таня не могла произнести ни слова и поэтому не возражала. Укладываясь, она ощутила под лопатками жесткий валик и попыталась привстать, думая, что это замялись какие-то полотна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.